ISSN 1998-5053

Федеральное агентство по образованию

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (91). Июнь, 2008

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко – ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Сохранены типографская верстка и оформление обложки журнала 1947–1975 гг.
© ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2008

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

В. М. НИЛОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)

З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук,
профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор
(г. Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук,
профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
(Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Чернов С. Н.
Естественное и позитивное право о самоограничении власти 7

Колесникова О. Ю.
Проблемы правового статуса арбитражных управляющих 18

Ларичев А. А.
Административная реформа в Российской Федерации: концептуально-правовые основы и проблемы реализации 22

Оленина Т. Ю.
Понятие административно-правового статуса учреждения начального профессионального образования и образовательного законодательства в области начального профессионального образования 27

ИСТОРИЯ

Веригин С. Г.
Деятельность органов НКВД–НКГБ КФССР по организации разведывательно-диверсионной работы в тылу финских войск в 1941–1944 годах 31

Бацер М. И.
Олонецкая епархия в конце XIX–начале XX века: жизнь духовенства 43

Дианова Е. В.
Сельскохозяйственная кооперация в Карелии (первая треть XX века) 52

Федоров А. Н.
Повседневность советского города в 1918–1920 годах с санитарной точки зрения 64

СОЦИОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

Нилов В. М.
Социология здоровья: проблемы статуса и регионального развития 70

Пивоев В. М.
Анри Бергсон и «Философия жизни» 77

Сергеев А. М.
«Королевское место» (зримое, его дополнение и восполнение) 86

Волков А. В.
Лингвистический поворот в философии XX века и методология социально-гуманитарных наук 92

ФИЛОЛОГИЯ

Неелов Е. М.
Еще раз о жанровой специфике фантастической литературы 100

Савельева Л. В.
Поэтический идиостиль композитора Михаила Кузмина 106

Тарланов З. К.
Процессы глобализации и современные гуманитарные науки (Заметки на полях) 112

Патроева Н. В.
Проблемы типологии синтаксических связей 118

ЭКОНОМИКА

Акулов В. Б.
Глобализация и освоение экономического пространства Севера (общий подход) 122

Рудаков М. Н.
Карельский рынок труда: некоторые проблемы занятости 127

Научная информация 134
Информация для авторов 137

Contents 138

Редактор Н. Э. Фаликоваа. Переводчик Е. И. Соколова. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 13.05.2008. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
15,1 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 119

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910 Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА
Профессор,
доктор технических наук
А. В. Воронин

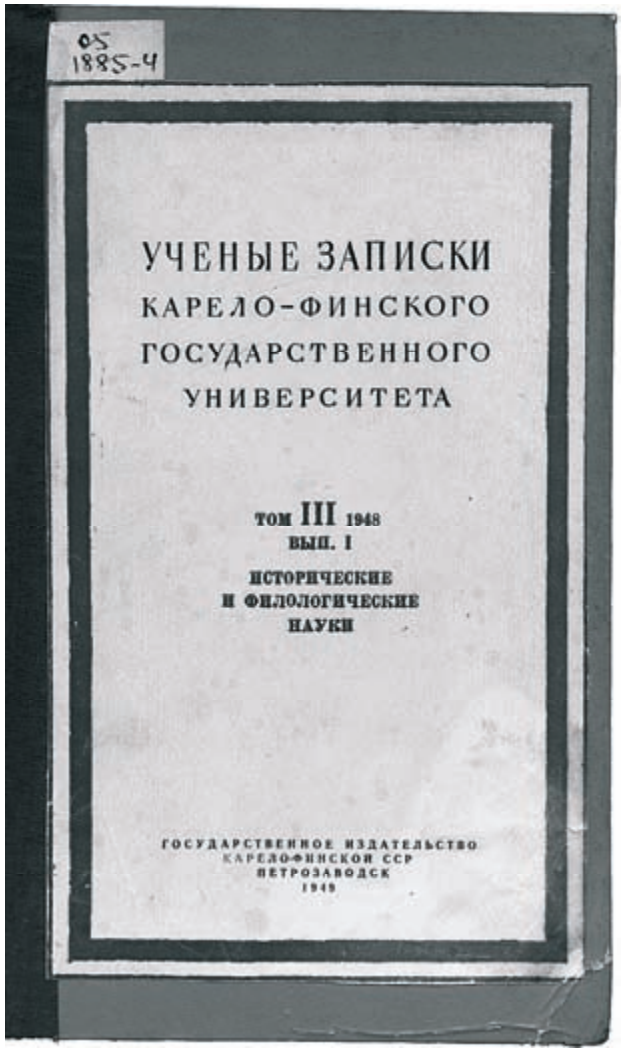
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ – АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Сегодня я могу поздравить вас с выходом уже второго, а в серии «Общественные и гуманитарные науки» первого, номера журнала.

В современном мире идеи гуманизации и гуманитаризации образования являются ведущими, поэтому изучению исторических, языковых, социальных, политических, экономических и культурных связей уделяется большое внимание и в нашем университете, особенно с учетом его приграничного положения. В 1940 году в состав университета входило всего 4 факультета, среди которых был впоследствии разделившийся на исторический и филологический историко-филологический факультет. Этот факультет стал базой для формирования гуманитарного образования в нашем университете. Филологический факультет известен не только у нас, но и за рубежом благодаря исследованиям по лингвофольклористике, этнолингвистике, русской диалектологии, исторической поэтике, компаративистике, изучению античных и христианских традиций в русской литературе, работам о творчестве Пушкина, Достоевского, фольклоре, научной фантастике, детской литературе. Исторический факультет связывает свою научную деятельность с изучением проблем истории и культуры не только Карелии, но и Европейского Севера России, Финляндии и Скандинавских стран. Именно в нашем университете находится единственный в России факультет прибалтийско-финской филологии и культуры, ставший своеобразным центром развития образования и науки народов Карелии и Финляндии.

В результате бурной политической, социальной и общественной жизни России в конце XX века в университете появились новые факультеты. Вопросы становления рыночных отношений в Карелии и России – основа научной деятельности экономического факультета. Главные научные направления юридического факультета – изучение прав человека, проблемы федерализма, сравнительное право. Реализация прав человека, гражданского общества, социального партнерства, исследования в области политики и международных отношений стали основными направлениями работы факультета политических и социальных наук.

Все вышеназванные факультеты, а также общеуниверситетские кафедры: иностранных языков, культурологии, педагогики и психологии, философии, способствуя развитию гуманитарных знаний, формируя этно-региональную идентичность, совершенствуют университетское образование. Всех авторов, кто занимается и заинтересован в развитии общественных и гуманитарных наук, приглашаем публиковаться в данной серии журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»!



Первый номер серии «Исторические и филологические науки» Ученых записок.
Том III, 1948 г.
Научная библиотека ПетрГУ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ!

Петрозаводский государственный университет возобновляет издание научного журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета». Наука продолжает поддерживать свой статус посредством авторитетных периодических изданий, которые не только представляют новейшие достижения в различных областях, но и способствуют формированию и развитию научно-педагогического сообщества, научных школ и направлений.

В новой версии журнала учтены традиции предыдущего издания как в тематических направлениях, так и в оформлении.

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» представляет собой печатное издание, отражающее результаты научной деятельности в рамках следующих серий:

Естественные и технические науки

- физико-математические науки;
- информатика, информационные системы и технологии;
- эколого-биологические науки;
- медицина и фармакология;
- химические науки;
- сельское и лесное хозяйство;
- науки о Земле;
- технология металлов, машиностроение, приборостроение;
- технология древесины, технология лесозаготовки и лесного хозяйства;
- строительство, архитектура;
- электроника;
- энергетика, энергосбережение, энергоэффективность, автоматизация;
- горное дело

Общественные и гуманитарные науки

- филологические науки;
- исторические науки;
- философия;
- право, юридические науки;
- политика;
- социология;
- экономика;
- педагогика и психология.

Периодичность выхода серий – 4 раза в год. Все поступающие в редакционную коллегию рукописи после регистрации проходят этап обязательного конфиденциального рецензирования.

Редакционный совет и редколлегии серий журнала приглашают к сотрудничеству преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов Петрозаводского государственного университета, а также других вузов и научных учреждений Республики Карелия, России и за рубежом.

УДК 342.59

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и конституционного права, декан юридического факультета ПетрГУ
schernov@karelia.ru

ЕСТЕСТВЕННОЕ И ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО О САМООГРАНИЧЕНИИ ВЛАСТИ

Фундаментальная проблема конституционного права – теория правореализации конституционализма, законности и правопорядка. Эта проблема отражает фактическое состояние соблюдения, исполнения и применения правовых норм. Конституционализм – это правление, ограниченное конституцией, или общественно-политическая система, опирающаяся на конституционные методы правления. В широком смысле слова конституционализм есть конституционный идеал, к которому должно стремиться общество в своем прогрессивном развитии.

Ключевые слова: естественное право, позитивное право, личность человека, естественно-правовая теория, мораль и нравственность, философия права, соотношение права и власти

Одной из важнейших проблем современного конституционного права является проблема самоограничения власти. Конституции, начиная с времен Древней Греции и по сей день, трактуют отношения между основными органами и учреждениями государства. Если при этом реализуются принципы конституционализма, установившиеся отношения образуют такую систему ограничений, при которой на первом плане стоит обеспечение свободы граждан [1].

Конституция, как отмечал Х. Флинер, – это автобиография властных отношений, материальных и духовных, для любых групп людей, и, как во всякой автобиографии, в ней есть некое величие, никогда не изведанное, и нет грехов, каждому свойственных [2].

В процессе самоограничения власти на первый план выходит соотношение естественного и позитивного права, которое часто определяет позицию сторон конфликта.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО – в теории государства и права понятие, означающее совокупность принципов, прав и ценностей, продиктованных самой природой человека и в силу этого не зависящих от законодательного признания или непризнания их в конкретном государстве.

ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО – действующие нормативные правовые акты; право, установленное государством, волей законодателя, в отличие от естественного права.

Понятие естественного права принадлежит к числу самых древних категорий философии права и юриспруденции. Естественное право издавна противопоставляется позитивному, во-первых, как совершенная идеальная норма – несовершенной существующей, и, во-вторых, как норма, вытекающая из самой природы и потому неизменная – изменчивой и зависящей от человеческого установления [3].

Что касается первого противопоставления, то оно обуславливается не только вечным проти-

© Чернов С. Н., 2008

воречием между идеалом и действительностью, но также и некоторыми особенностями позитивного права, которые обостряют и подчеркивают это противоречие.

Позитивные законы рассчитываются обыкновенно на долговременное применение. Как нормы общие и твердые, они не могут изменяться с каждым изменением отношений, для которых они созданы, а между тем жизнь уходит вперед и требует для себя новых определений. Даже самые лучшие законы редко удовлетворяют всех, разнообразие общественных интересов не может найти для себя полного примирения в законодательстве. Отсюда протесты против положительного права, облекаемые в форму требований естественного права.

Постановления позитивного права объявляются изменяющимися и произвольными; естественное право ставится над ними, как некая высшая норма, черпающая свою силу в требованиях природы. Предположению о существовании права, вытекающего из природы, способствовало и то наблюдение, что среди определений каждого права есть известные положения, как будто бы не зависящие от произвола людей и предустановленные самой природой. Это наблюдение заставляло в самом действующем праве открывать следы права естественного и различать в юридических установлениях неизменные и естественные определения от изменчивых и произвольных.

Осознание норм естественного права приходит в процессе развития личности человека. Естественное право – это одна из основ позитивного права и фактор, который регулирует социальные отношения, внедряясь в юридическую практику.

Естественное право с постоянной настойчивостью пробивает себе дорогу в науке, философии и практике социально-политической и правовой жизни.

Естественно-правовая теория – одна из самых действенных теорий, когда-либо существовавших в политической и правовой мысли. Великие буржуазные революции XVII–XVIII столетий в Западной Европе и Америке во многом базировались на представлениях о естественном праве, которые получили свое отражение в ряде конституций, в различных политических декларациях (Декларация прав и свобод человека, Конституция США и др.). Эти исторические документы опирались на идею естественного права.

Таким образом, издавна концепция естественного права имела двоякий состав: она покоилась на практическом требовании более совершенного права и на теоретическом наблюдении естественной необходимости известных правоположений. Эти два элемента могли поддерживать друг друга, но не могли быть сведены один к другому: в первом случае естественное право ставится над позитивным, во втором оно является лишь известной частью позитивного права. В историческом развитии естественно-правовой доктрины можно постоянно наблюдать эту двойственность концепции.

Слабым местом в теории естественного права является то, что, несмотря на многие столетия существования этой идеи, до сих пор нет ясности в том, что же такое естественное право, о чем именно мы говорим, когда ссылаемся на эту очевидную категорию [4].

Греческая философия еще в досократический период знала противопоставление естественного права и позитивного.

Софисты, в противоположность древнегреческому воззрению на верховное значение законов, утверждали, что все законы, как и сама справедливость, обязаны своим происхождением человеческому установлению: следуя своим случайным взглядам, люди беспрестанно изменяют свои законы, которые носят поэтому печать условности и относительности. Из этого воззрения само собой вытекало известное, хотя и чисто отрицательное, представление о естественном праве, а вместе с тем и критическое отношение к положительному праву.

Некоторые софисты, в связи со свойственным им индивидуализмом, высказывали мнение, что законы должны служить охране личной свободы, которая только и может считаться сообразной с природой. Здесь намечалось уже известное представление о естественном праве.

Еще яснее это представление выразилось у Сократа, который говорил, что существуют неписаные божественные законы, с которыми человеческие законы должны сообразоваться. Для понимания этих законов нужно знание, которое и должно лежать в основе государственного управления.

Платон развил эту мысль в своем «Государстве», начертав естественное, сообразное с божественной справедливостью государственное устройство. Действительные формы, встречающиеся обыкновенно в жизни, он считал отклонениями от истинного идеала. Это противопоставление идеальной формы развращенным, встречающееся затем и у Аристотеля, является своеобразным выражением того же контраста между идеалом и действительностью, которое лежит в основе различения естественного и положительного права. Аристотель использует термины идеальной нормы, хотя, употребляя эти термины, он имеет в виду не идеальные нормы, а те «естественные» определения, которые существуют у различных народов как бы в силу необходимости и независимо от человеческого мнения. Подобное представление о естественном праве воспроизводится затем у стоиков, от которых оно переходит к римским юристам [5].

Естественное право римских юристов представляет собой также ту часть действующего права, которая, будучи обусловлена самой природой, отличается необходимостью и всеобщностью распространения.

Существует ряд вариантов, ответвлений естественно-правовой идеологии. Условно можно выделить три основных направления в рамках этой теории.

Первое – религиозное – связано с католической философией. Наиболее ярким представителем этого направления являлся Фома Аквинский, для которого естественное право – не что иное, как отражение божественной воли в человеческом разуме.

У Фомы Аквинского также можно видеть отражение римских воззрений; в подробностях его учения сказывается, кроме того, влияние Аристотеля. Наконец, ко всему этому присоединяются средневековые богословские элементы.

Основу естественного права Фома Аквинский видит в законе Божественном, который получает у него значение универсального закона вселенной [6].

Фома Аквинский создает при этом довольно сложное разделение, различая закон Божественный и вечный, естественный и человеческий. Он подчеркивает идеальное значение естественного права как нормы, определяющей достоинство существующих установлений. Человеческий закон имеет силу лишь постольку, поскольку он согласен с естественным законом. Законы несправедливые необязательны для подданных, хотя их не запрещается исполнять; но если эти законы не согласны с Божественными установлениями, то они ни в каком случае не должны быть исполняемы, так как Богу следует повиноваться более, чем человеку.

Вообще, в средние века мы можем проследить в зародыше все основные черты позднейшей доктрины естественного права. Если многие из этих черт встречаются и в древности, то лишь в средние века они получают более отчетливое выражение под влиянием того практического значения, которое получила в это время идея естественного права.

Таковы в особенности знаменательные теории первобытного договора и народного суверенитета. Возникнув помимо естественно-правовой доктрины и не составляя ее необходимого предположения – так как утверждение высшего критерия, стоящего над положительным законом, возможно и независимо от этих теорий – они вскоре соединились в одно стройное целое с естественно-правовой идеей, вследствие того внутреннего сродства, которое их сближало. Обе они как нельзя более соответствовали основному стремлению естественного права – поставить над властью некоторые высшие инстанции, с которыми она должна сообразоваться. Первобытный договор играл при этом роль юридического основания для притязаний подданных по отношению к верховной власти; он предопределял ее деятельность, ставил для нее известные границы. Утверждение неотчуждаемого народного суверенитета было логическим дополнением идеи первобытного договора и дальнейшим формулированием юридической зависимости правительства от общества; при помощи этой идеи установлялось для народа постоянное право контроля и верховенства над правящей властью.

Первобытный договор считался тем моментом, в силу которого люди от естественного состояния переходят к государственному; но, возникнув по определению воли народной, государство должно навсегда остаться подчиненным этой воле.

Большое влияние на средневековую теорию оказал Гуго Гроций, который в своем знаменитом трактате «О праве войны и мира» обеспечил ей широкое распространение в новой философии права.

Гуго Гроций не был «отцом естественного права», как его иногда называют. Его значение состоит в том, что он положил начало обособлению естественного права от богословия и ввел в эту область рационалистическую методу [7].

В качестве идеала, создаваемого ввиду несовершенств существующего порядка, естественное право могло служить для самых различных стремлений. Пример Гоббса показывает, что естественно-правовым методом можно было пользоваться и для оправдания абсолютизма.

Эта индивидуалистическая тенденция позднейшего естественного права в особенности была подчеркнута присоединением к нему теорий первобытного договора и народного суверенитета, имевших ясно выраженный индивидуалистический характер.

Первобытный договор был не чем иным, как соглашением личности с государством; народный суверенитет представлял собой объединение личных воль в одно целое, противополагавшееся государственной власти. Не случайным является то обстоятельство, что индивидуалистические стремления естественного права развились с особенной силой в новое время, когда государственное начало получило преобладающее значение и в борьбе с разрозненностью общественных сил нередко склонялось к отрицанию их самостоятельности.

Протестантское движение, со свойственным ему стремлением к утверждению свободы совести и мысли, дало новый толчок к развитию естественного права в индивидуалистическом направлении. Именно на этой почве впервые формулируется практическое требование неотчуждаемых прав личности. Каждый раз, когда государство угрожало личной свободе, естественно-правовая доктрина выступала с напоминанием об этих неотчуждаемых правах, о договоре, заключенном личностью с государством, о народном суверенитете, которому должно принадлежать решающее значение. Естественное право отражает ту роль, которая принадлежала личному началу в первоначальных политических соединениях, и служит выражением того самостоятельного значения

личности, которое должно оставаться ее неприкосновенным достоянием при всяких формах политического устройства. В этом виде естественное право является более чем требованием лучшего законодательства: оно представляет, вместе с тем, протест личности против государственного абсолютизма [8].

Философский подход Гуго Гроция воспроизводится затем в немецких учениях XVII и XVIII столетий. Видными представителями этого направления в Германии являются Пуффендорф и Томазий, Лейбниц и Вольф.

Одновременно с этим естественное право развивается и в Англии. Мильтон, Сидней и Локк являются наиболее талантливыми и видными его теоретиками на английской почве.

Английская школа стояла ближе к практическим событиям времени, к той политической борьбе, в которой крепла английская политическая свобода. Вследствие этого английские учения получили гораздо более радикальный характер.

Известные практические тенденции не были чужды и немецким писателям: рационалистический метод и индивидуадистические стремления естественного права явились и в Германии освободительными и прогрессивными элементами в борьбе с остатками средневекового гнета над мыслью и совестью [9].

Однако эти стремления не имели здесь такой резкой определенности, как в Англии и впоследствии во Франции. Наряду с индивидуалистическими утверждениями мы встречаем в них иногда то остатки средневековых католических взглядов (например, у Лейбница), то систему нравственного деспотизма (например, у Вольфа). Принцип осуществления в жизни нравственного закона получает здесь преобладание над идеалом политической свободы. Другая отличительная черта немецкого естественного права заключается в большем значении чисто теоретического элемента − стремления к систематизации данного материала. У последователей Вольфа это теоретическое стремление совершенно вытесняет определенные практические тенденции. Естественное право вырождается в систему рационалистического обоснования и построения позитивного [10].

В учебники естественного права переносятся римские положения, которые объявляются вечными и необходимыми требованиями разума. Так создалась та система плоского и поверхностного догматизма, которая одинаково грешила и против истории, и против философии, и против юриспруденции, и которая еще в XVIII веке вызвала вполне законную реакцию со стороны представителей исторического направления. Однако и в пределах естественно-правовой школы со времени Канта совершается поворот к более плодотворному и живому направлению. Кант находился в этом отношении под влиянием Руссо, который должен быть признан самым крупным представителем естественного права в XVIII веке. Руссо придал естественно-правовому направлению тот характер законченного радикализма, с которым оно вступает в эпоху революции. Логически развивая требования индивидуализма, он с большей последовательностью, чем это делалось ранее, защищает идею неотчуждаемого народного суверенитета. Он требует, чтобы и в государстве каждый человек повиновался только своей собственной воле и сохранял свою свободу. Единственным средством для этого он считает участие всех граждан в общих решениях и установление неотчуждаемого контроля со стороны народа над действиями власти [11].

Кант воспринял идеи Руссо, но сочетал их с основами собственной философии и придал им новый характер. Прирожденные права, о которых говорили Руссо и его предшественники, имели своим высшим критерием индивидуальную свободу, являвшуюся вместе с тем и высшей целью государственного союза; но где искать границы и цели самой свободы – это оставалось недостаточно определенным.

Свобода может проявляться одинаково как в самоутверждении, так и в самоограничении. Гоббс имел известные основания к тому, чтобы выводить безусловное подчинение лица государству из свободного соглашения частных воль. Но таким образом подрывалась сама основа естественного права как начала, стоящего над произволом власти. Поэтому истинные представители естественного права всегда стремились найти начала, которые могли бы определить правильное употребление свободы, согласное с ее собственным существом, и внести в понятие естественного права известный объективный элемент.

Из английских мыслителей в особенности у Локка замечается стремление определить неизменные и согласные со свободой начала государственной жизни. Кант представляет в этом отношении тот интерес, что объективное направление сочетается у него с резко выраженным индивидуализмом. Признавая, вместе с Руссо, теорию прирожденной свободы и неотчуждаемого суверенитета, Кант выводит ее из требований разума, в законах которого он находит объективные устои для естественного права. Первобытный договор понимается им не как действительное соглашение воль, свободных в своих решениях, а как некоторая объективная и неизменная идея, определяющая собой правомерное государственное устройство. Само понятие всеобщей воли народа иногда заменяется у Канта понятием априорной всеобщей воли, т. е. сводится к некоторому отвлеченному представлению разума [12].

Дальнейшее развитие этому объективному направлению дал Гегель. Объективное понимание права вытекало из всего его философского миросозерцания. Гегель превосходно выразил ту потребность, которая вызывает естественно-правовые построения. «Законы права установ-

ляются людьми; внутренний голос человека может или соглашаться с ними, или вступать в противоречие. Человек не останавливается на существующем, но заявляет свои притязания на оценку права; он может подчиняться силе внешнего авторитета, но совершенно иначе, чем необходимым законам природы. В природе высшая истина состоит в том, что закон вообще существует; законы права, напротив, имеют значение не потому, что они существуют, а потому, что они соответствуют нашему собственному критерию права» [13].

Признавая потребность нашего сознания в оценке существующего, Гегель стремится найти опору для этой оценки в самом существующем. Отправляясь от мысли, что законы разума суть вместе и законы развития сущего, что все истинное обладает свойством претворяться в действительное, Гегель отвергает те абстрактные и субъективные построения естественного права, которые стремятся воссоздать нравственный мир из собственного сердца и чувства. Философия есть «постижение существующего и действительного», а не построение чего-то неосуществленного. Государство, по Гегелю, не продукт соглашения отдельных лиц, а безусловное и самоцельное единство. Свобода достигает в этом единстве своего высшего права, но, с другой стороны, в подчинении государству заключается и ее высшая обязанность. Руссо был прав, разъясняет Гегель, указав границы государства в воле; но он понимал волю не со стороны ее всеобщности и разумности, а со стороны ее временного и случайного определения в сознательном соглашении отдельных лиц. Государство есть организм свободы, но этот организм есть вместе с тем осуществление вечной объективной идеи [14].

Левые гегельянцы вскоре показали, какие выводы можно было сделать из этой системы. «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого», – так истолковали систему Гегеля Энгельс и Маркс.

Гегель проводил различие между законами природы и законами права; Савиньи сделал попытку отвергнуть это различие. Право развивается, утверждает он, подобно растению – путем непроизвольного и органического процесса образования. Оно теряет свои устаревшие части и приобретает новые, как дерево теряет и приобретает свои листья. Понятно, что при подобном взгляде критика положительного права является совершенно излишней; но собственный пример Савиньи показывает, насколько трудно было оставаться верным этому взгляду. Развивая свои мысли, он должен был допустить возможность намеренного, следовательно личного, вмешательства в образование права [15].

Продолжатель исторической школы, Иеринг решительно возвратился к гегельянской точке зрения. Теория непроизвольного самораскрытия народного духа заменяется у него учением о сложном процессе правообразования, который сопровождается приложением личных усилий, столкновением интересов и борьбой страстей. Не безусловное уважение к существующему, а критика прошлого и поиск лучших устоев – таков основной практический вывод Иеринга, все более и более приобретающий право гражданства в науке [16].

Историческая точка зрения отвергла прежние учения о происхождении права из случая и произвола; но центр естественно-правовой доктрины заключался вовсе не в таком взгляде на происхождение права, а в вопросе о возможности нравственного суда над правом. Понимание естественного права как некоторой критической инстанции, оценивающей существующее и подготавливающей будущее, приводит в наше время к его реабилитации [17].

Вплоть до начала XIX века авторитет права в Европе был чрезвычайно высок. Господствовавшая в философии права естественно-правовая теория тесно связывала его со свободой, справедливостью, нравственностью. Однако воплощение принципов естественного права в действующем законодательстве не привело автоматически к их реализации в социальной действительности, что заставило усомниться в возможности такой реализации и в самой идее естественного права [18].

Все чаще и чаще в современной литературе слышатся голоса в пользу старой доктрины. Типичным представителем этого поворота к естественному праву является Р. Штаммлер. Он указывает, что содержание права никогда не может обладать общезначимым характером [19]. Это содержание нельзя вывести из человеческой природы, ибо все рассуждения о ней сводятся в конечном счете к ссылке на присущий каждому эгоизм [20].

В наши дни не может быть и речи ни о произвольном возникновении права, ни о неизменности естественно-правовых норм, ни об их практическом первенстве или равенстве с нормами позитивного права. Естественное право само создается из закономерного процесса истории, развивается вместе с этим процессом и во всяком случае представляет собой не настоящее право, а только идеальное построение будущего и критическую оценку существующего права.

Среди российских ученых наиболее удачный подход, с точки зрения теории естественного права, предложил дореволюционный мыслитель П. И. Новгородцев. Согласно Новгородцеву, естественное право есть не что иное, как феномен правосознания – идеальный образ желаемого, совершенного права [21]. То, о чем говорит Новгородцев как о естественном праве, скорее всего правовой идеал, а не естественное право.

Однако подлинное возрождение юснатурализма происходит в первые десятилетия после Второй мировой войны. И обусловлено оно бы-

ло не столько какими-либо прорывными достижениями в постижении сущности права, сколько дискредитацией юридического позитивизма практикой тоталитарных режимов [22].

«Возрождающееся» естественное право выступало как объединяющее начало и общая платформа для всех противников юридического позитивизма, привлекая к себе мыслителей самой различной направленности [23].

Требование непосредственного применения естественного права, например, судом снимается. В правовом государстве единственной основой правопорядка должен быть закон. Естественное право «не должно служить идеальной заплатой на дырявом материальном плаще положительного права» [24]. Это в теории, а в действительности двусмысленность в подходе к позитивному праву сохраняется. Она выражается фразой Э. Цахера: «Естественное право – это еще не право, а право без естественного права – это уже не право» [25].

Естественное право имеет противоречивые критерии. Английский мыслитель И. Бентам перечисляет такие безусловные, по мнению его современников, основания естественного права, как «нравственное чувство», «здравый смысл», «правила справедливости», «закон природы», «закон разума», «сообразность вещей», «естественная справедливость», «добрый порядок» и т. п. [26]

Конфликт между свободой и равенством удачно показал еще А. де Токвиль, который считал, что такие противоречия не позволяют рассматривать современные естественно-правовые теории как взаимодополняющие, они являются часто взаимоисключающими [27].

Сегодня в качестве таких критериев чаще всего предлагаются мораль и нравственность. Однако христианская мораль выше справедливости ставит прощение и милосердие. Требование сохранения человеческого достоинства, считает Е. А. Матвиенко, вполне может прийти в противоречие с требованиями удовлетворения базовых (по природе своей биологических) потребностей индивида [28].

Даже в пределах одного общества достичь согласия относительно смысла предлагаемых критериев «естественности» права невозможно; каждый класс создает свою мерку справедливости, и свое право, и свои представления о праве [29].

Последовательно внедряется в общественное сознание превосходство естественного права над правом позитивным. Особенно негативно это отношение сказывается там, где отсутствуют правовые традиции подчинения праву и законы рассматриваются как препятствия для реализации цели.

Таким образом, с помощью естественно-правовой теории игнорируется буква закона в пользу его произвольно толкуемого «духа», оправдываются противоправные действия ссылками на «общественную пользу» или необходимость «укрепления вертикали власти» [30].

Естественно-правовая теория ведет к завышенным ожиданиям. В новой России начала 90-х годов XX века все ожидали справедливого правового государства, в котором все подчиняются естественному праву и справедливости, ждали равенства, а получили правовой беспредел. Можно вспомнить мнения «новых демократов» 90-х годов из партии «Выбор России», которые считали, что стоит раздать промышленные предприятия в частные руки, и собственники станут заботиться о своих доходах, а значит о производстве и работниках, и наступит торжество справедливости. Можно вспомнить и объединение двух Германий в 80-е годы XX века. Разочарование в правовых реалиях привело к обострению социальных проблем в германском обществе, что не изжито и сегодня.

Разбиваясь о правовые реалии, неоправданные ожидания приводят к жестокому разочарованию и правовому нигилизму.

В то же время можно согласиться с Ю. Ю. Ветютневым: «признать естественные или какие угодно другие права, способности, качества, свойства человеческой личности социально полезными, приемлемыми или, наоборот, вредными, недопустимыми, может власть – те лица, которые обладают соответствующими ресурсами влияния на общество, чтобы фактически навязать ему свое решение по этому вопросу» [31].

В отечественной и зарубежной литературе в течение многих столетий накапливался огромный опыт исследования позитивного права, что нашло отражение в многочисленной научной литературе [32].

Понятия функций позитивного права формулируются по-разному. «Почти вековой опыт активного исследования понятия «функция права» на сегодняшний день не позволяет констатировать наличие единого взгляда на эту проблему» [33].

По этому поводу высказываются разные мнения. Наиболее распространенными, по крайней мере в современной литературе, можно назвать три. Одни исследователи под функциями позитивного права понимают определенные (чаще всего основные) направления воздействия права на общественные отношения или поведение людей [34].

Другие считают, что функции позитивного права – это основные направления регулирующего воздействия права на общественные отношения [35].

Наконец, третьи исходят из того, что под функциями позитивного права следует понимать взятые в единстве социальное назначение и вытекающие из этого назначения направления воздействия права на общественные отношения [36].

Если сопоставить изложенные позиции, то можно заметить, что одни под функциями позитивного права понимают направления различного воздействия права на общественные

отношения, другие же – только регулирующего, т. е. первые трактуют функции позитивного права широко, вторые – узко. К узкой трактовке функций позитивного права тяготеет и позиция Т. Н. Радько, которая отмечена выше в качестве третьей точки зрения. Рассматривая функции права как взятые в единстве социальное назначение и вытекающие из этого назначения направления воздействия права на общественные отношения, он вольно или невольно функции позитивного права сводит к регулирующему воздействию права, поскольку назначение позитивного права состоит в регулировании общественных отношений. В то же время, рассматривая классификацию функций права, Т. Н. Радько исходит, по сути дела, из более широкого понимания функций позитивного права [37].

Для того чтобы определиться в вопросе о понятии функций позитивного права, обратим внимание на те моменты, которые являются, на наш взгляд, более предпочтительными. Во-первых, под функциями права многие исследователи понимают определенные направления воздействия права на общественные отношения или поведение людей, что представляется вполне обоснованным. Функции права нельзя отождествлять с самим воздействием права на общественные отношения или поведение людей, поскольку такое воздействие может быть самым разнообразным. Оно может быть непосредственным или опосредствованным, эффективным или неэффективным и т. д. Когда говорят о функциях права, то имеют в виду только непосредственное воздействие права на общественные отношения или поведение людей и каждую функцию права рассматривают как определенное направление, линию такого воздействия.

Определяя функции права как направления его воздействия на общественные отношения или поведение людей, многие исследователи предпочитают к функциям права относить только основные направления воздействия права, полагая, что не всякое направление воздействия права на общественные отношения можно считать функцией права. Думается, однако, что такое ограничение едва ли оправданно. Если под функциями права понимать только основные направления его воздействия, то чем являются неосновные направления? Или таковых у права не существует? Тогда на каком основании функции права довольно часто подразделяют на основные и неосновные? Более правильно к функциям права относить как основные, так и неосновные направления его воздействия на общественные отношения и под функциями позитивного права понимать определенные направления его воздействия на общественные отношения или поведение людей.

Совершенно оправданным следует признать увязывание функций права с его социальным назначением и ролью в общественной жизни. В одном из смысловых значений слово «функция» – это назначение, роль чего-нибудь [38].

Однако в юриспруденции функции права, как правило, не отождествляют с назначением и ролью права. Большинство исследователей рассматривают функции права как направления его воздействия на общественные отношения, выражающие назначение права, его роль в обществе. То есть функции права – это не само назначение или роль права, а определенные выразители, показатели назначения и роли права.

Отмечая этот момент, хотелось бы обратить внимание на то, что иногда социальное назначение права и его роль отождествляют. Этого не следует делать. Назначение права говорит о том, для чего создается и существует право, в чем его предназначение. В назначении выражается главная роль, которую играет в общественной жизни право. Эта главная роль состоит в том, что право есть регулятор общественных отношений. Оно создается для этой цели, в этом его предназначение. В то же время право, будучи регулятором общественных отношений, способно выполнять и выполняет некоторые другие ролевые функции. Оно способно быть источником информации – информации о правовом регулировании тех или иных общественных отношений, способно оценивать поведение людей в данной системе отношений, способно быть средством воспитательного воздействия и т. д. Иначе говоря, у права помимо регулирующего воздействия, безусловно являющегося доминирующим, существуют и так называемые «побочные эффекты». Поэтому сводить функции позитивного права только к его регулирующему воздействию представляется не совсем верным.

Каким же образом все-таки могут быть классифицированы функции позитивного права? Как представляется, для этого необходимо использовать несколько оснований. Прежде всего, это основания, которые используются при классификации функций государства. Известно, что государство осуществляет свои функции в правовых формах и с использованием правовых средств. Поэтому позитивное право, будучи тесно связанным с государством, так или иначе дублирует его функции. В этой связи функции позитивного права можно классифицировать с учетом значимости, сферы распространения, продолжительности осуществления и сфер общественной жизни [39].

С учетом значимости функции права следует подразделить на основные и неосновные. К основным функциям должны быть отнесены все те функции, которые позитивное право выполняет как регулятор общественных отношений и которые характеризуют его социальное назначение. Все остальные функции нужно отнести к неосновным.

С учетом сферы распространения функции позитивного права могут быть подразделены на внутренние и внешние. На первый взгляд такая классификация может показаться неприем-

лемой, поскольку позитивное право как продукт правотворческой деятельности государства является внутренним регулятором и регулирует общественные отношения в пределах страны. В то же время общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры зачастую входят в состав национальных правовых систем, что позволяет позитивному праву, имеющему в своей структуре такие элементы, регулировать отношения не только внутри страны, но и за ее пределами [40].

В зависимости от сфер общественной жизни функции позитивного права представляется возможным подразделить на экономические, политические, идеологические, социальные и экологические.

Такая классификация допустима, поскольку позитивное право осуществляет регулирование общественных отношений и в экономической, и в политической, и в духовной, и в социальной, и в экологической сферах общественной жизни, выполняя при этом самые разнообразные функции.

Рассмотренные классификации позволяют в определенной мере охарактеризовать функции позитивного права, но они не раскрывают главного – социальной роли и назначения права. Поэтому их нужно дополнить с учетом названных оснований.

Исходя из социальной роли позитивного права, представляется возможным выделить его регулятивную, оценочную, воспитательную, информационную и трансляционную функции.

Регулятивная функция выражается в том, что право регулирует, упорядочивает общественные отношения.

Оценочная функция проявляется в том, что позитивное право, регулируя общественные отношения, одновременно оценивает поведение их участников в качестве правомерного или неправомерного, желательного или нежелательного для государства и общества.

Воспитательная функция характеризуется тем, что право не только регулирует общественные отношения, но и выступает в качестве эталона, образца поведения, воспитывая у людей привычку совершать одни действия и воздерживаться от других.

Информационная функция вытекает из такого свойства позитивного права, как его формальная определенность. Правовые нормы, будучи закрепленными в различных официальных документах, приобретают письменную форму и становятся источниками информации о том, как осуществляется правовое регулирование тех или иных общественных отношений.

Суть трансляционной функции состоит в том, что позитивное право, накапливая в своем содержании социальный опыт, культуру человеческого общения, достижения в области правового регулирования, передает, транслирует все это как участникам существующих общественных отношений, так и будущим поколениям людей.

Практически всем социальным нормам присуща регулятивная функция, все они так или иначе оценивают поведение людей, оказывают воспитательное и информационное воздействие, осуществляют передачу положительного социального опыта. Вместе с тем выделение данных функций позитивного права позволяет наглядно продемонстрировать различные грани его социальной роли.

Функции позитивного права с учетом его назначения (собственно правовые, собственно юридические функции) обычно подразделяют, как об этом было сказано выше, на регулятивную статическую, регулятивную динамическую и охранительную.

Центральное значение среди правовых проблем, связанных с философией права, принадлежит группе вопросов о соотношении права и власти.

Существует ряд теорий, согласно которым право – это фактически то же, что власть. Но подобная интерпретация представляется не совсем верной.

Нельзя смешивать или путать право с властью. Власть является необходимым условием права, без которого его существование не представляется возможным [41].

Даже в обстановке, когда правовые положения, нормы и принципы прямо отражают условия жизнедеятельности людей, соответствуют их интересам и поддерживаются обычаем, религиозным верованием, необходимы обеспечивающие и страховочные механизмы, которые гарантировали бы в любых ситуациях строгость и неукоснительность действия права.

Основу таких механизмов составляет не что иное, как сила, которая может быть применена лишь властью. Здесь и далее понятием «власть» охватываются не все виды господства, а только господство в области организации общественных отношений и управления, то есть система подчинения, при которой воля одних лиц (властвующих) является императивно обязательной для других лиц (подвластных).

С наступлением эры цивилизации с целью упорядочения резко усложнившихся общественных отношений потребовались более мощные институты регуляции. И именно тогда, с появлением государства и письменности, стало формироваться позитивное право – право, выраженное в юридических источниках и поддерживаемое предельно могучей властью – властью политической, государственной. Такая власть концентрируется в аппарате, обладающем инструментами навязывания воли властвующих, прежде всего – инструментами принуждения, а также институтами, способными придать воле властвующих общеобязательный характер. Наиболее пригодными для таких целей, наряду с церковными установлениями, оказались законы, учреждения

юрисдикции, иные институты позитивного права, которые были объявлены «элементами государственности» [42].

Мировой опыт существования и функционирования государства и права говорит о том, что в праве выражается, прежде всего, воля властвующих. Вместе с тем она, опасаясь социальных взрывов и утраты своего привилегированного положения, порой вынуждена считаться с волей и интересами подвластных.

Воля и интересы властвующих групп, слоев или классов, однако, не являются безграничными. Их эгоизм, как справедливо подметил Г. Шершеневич, должен подсказывать им «благоразумие и умеренность в правовом творчестве». Помимо использования силовых средств, они могут охранять свои интересы также с помощью права, «тесно сплетая» свои интересы с интересами подвластных, «по возможности, не доводя последних до сознания противоположности» [43].

Власть может быть разумной, естественной, легитимной, законной, правовой, моральной, нравственной и т. д., но она может быть и неразумной, противоестественной, нелегитимной, беззаконной, неправовой, аморальной и безнравственной.

Законная власть, то есть власть дозволенная или предписанная позитивным правом, – это уже субъективное право влиять на поведение других людей. Содержанием такого права вполне может быть произвол. Но если осуществление власти регламентировано, то власть уже не является произвольной, но может являться моральной (если она регламентирована моральным чувством, совестью носителя власти), традиционной (если она регламентирована обычаем), правовой (если регламентирована правом).

Тотальная власть – это возможность влиять не только на все поведение, но и на всю целиком активность другого человека. Чем детальнее право регламентирует проявления человеческой активности, тем оно тоталитарнее [44].

В соответствии с религиозной формой власти люди добровольно подчиняются ей, поскольку усматривают в этом ясный смысл, диктуемый той идеей, которой они одержимы [45].

Нравственная власть является, по мнению Ю. В. Тихонравова, властью жертвенной. Поскольку нравственно в определенных ситуациях жертвовать собственными интересами ради интересов других людей, нравственная власть превращается в самоотверженное служение, когда правитель жертвует собой ради тех, кем он правит (например, последний царь Афин Кодр).

Если посмотреть на проблему с другой стороны, то несложно заметить, что право является основным и порой единственным препятствием на пути самовозрастания и ожесточения власти. Объяснить это можно двумя основными причинами.

Во-первых, законы, юрисдикционная, правосудная деятельность, крайне необходимые и незаменимые институты, при помощи которых власть оказывается способной с наибольшим эффектом проводить свою политику, имеют по своей сути иное, «свое» назначение. Право призвано утверждать начала справедливости, гарантированной свободы поведения, защищать интересы человека, что не всегда находится в согласии с притязаниями и устремлениями власти.

Во-вторых, право относится к числу внешних социальных факторов, которые благодаря своим свойствам способны свести власть к социально оправданным величинам, снять крайние, социально опасные, разрушительные проявления власти.

Из сказанного можно сделать вывод, что право и власть столь взаимосвязаны и взаимообусловлены, что ни противопоставлять, ни пытаться выяснить, что над чем доминирует, нет смысла [46].

В конечном итоге решающую роль играют природа и характер существующего в данном обществе строя, культура политического режима и особенно – «величина» власти, уровень и объем ее концентрации в функционирующих государственных учреждениях и институтах.

Однако строить рассуждения о правовом государстве невозможно с позиции преобладающего в России легистского правопонимания. Позитивисты отрицают естественные и неотчуждаемые права человека и говорят только о дарованных основных правах и свободах граждан. Поэтому для них понятие правового государства оказывается бессмысленным: власть, дарующая права, не может быть ограничена этими правами [47].

Российские авторы в основном придерживаются социологического понятия государства как силы, господства, наиболее мощной организации власти у данного народа на данной территории, например, организации классового насилия. В таком понимании право есть приказы власти, законы.

Подход к праву, сводящий право вообще к позитивному праву, т. е. отождествляющий право и закон, характерен для юридической догматики и представлен в различных вариантах юридического позитивизма и легизма (от lex – закон). Здесь, следовательно, истина о праве исчерпывается волей законодателя, мнением и позицией официально-властного установителя позитивного права.

Противоположный тип правопонимания – юридический – обосновывает необходимость различения права и закона. Такое теоретическое различение права и закона не только терминологически, но и понятийно, по своему смыслу выступает как общая теория для всех остальных частных случаев подобного различения. Это различие тем самым позволяет понять и выразить момент общности и единства в познавательной ориентированности, в смысловой структуре и предмете различных прошлых и современных философско-правовых учений [48].

Прошлые и современные философские учения о праве включают в себя тот или иной вариант различения права и закона, что собственно и определяет философско-правовой профиль соответствующего подхода.

Речь при этом идет о дифференциации формулировок, в частности, о различении права по природе и права по человеческому установлению, права естественного и права волеустановленного, справедливости и закона, естественного права и человеческого права, естественного права и позитивного права, разумного права и позитивного права, философского права и позитивного права, правильного права и позитивного права и т. д. [49].

История права – это история прогрессирующей эволюции содержания, объема, масштаба и меры формального (правового) равенства при сохранении самого этого принципа как принципа любой системы права, права вообще. Разным этапам исторического развития свободы и права в человеческих отношениях присущи свой масштаб и своя мера свободы, свой круг субъектов и отношений свободы и права, словом, свое содержание принципа формального (правового) равенства [50].

Либертарное правопонимание, то есть объяснение права через понятие свободы, отражает с сегодняшней точки зрения наиболее развитые формы государственности и права, сложившиеся в Западной Европе и Северной Америке. Вообще, понятия «правовое государство» и «господство права» имеют отношение лишь к европейской правовой культуре. В современной России эта концепция сформулирована главным образом в многочисленных работах В. С. Нерсесянца. Эта концепция опирается на теоретическое различение права и закона, а также идеологию естественных прав и свобод человека. Причем, что особенно важно, непротиворечивую концепцию правового государства, на наш взгляд, можно сформулировать только с такой теоретико-познавательной позиции [51].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма): Пер. с венгерского. М.: Юрист, 1990. С. 12.
2. См.: Finer H. Theory and Practice of Modern Government. Westport, 1970 (1949) reprint. P. 12.
3. Естественное право // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki
4. Ветютнев Ю. Ю. Естественное право как научная и идеологическая конструкция // Новая правовая мысль. 2006. № 2. С. 22.
5. Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового Мира. М., 1897. С. 35.
6. Чичерин Б. Н. История политических учений. М., 1869–77. С. 46.
7. Естественное право // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki
8. Там же.
9. Bergbohm K. M. "Jurisprudenz und Rechtsphilosophie". T. I. Лпц., 1892.
10. Новгородцев П. И. Право естественное // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1898. Т. XXIVA. С. 885.
11. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб. 1999. С. 13–16, 138, 144 и др.
12. Там же.
13. Естественное право // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki
14. Там же.
15. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб. 1999. С. 13–16, 138, 144 и др.
16. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 31, 44.
17. Естественное право // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki
18. Матвиенко Е. А. Возрождение естественно-правовой теории: причины и пределы // Новая правовая мысль. 2006. № 2. С. 24.
19. Штаммлер Р. Хозяйство и право: В 2 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 189.
20. Там же. С. 190, 192.
21. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. С. 13–16, 138, 144 и др.
22. Матвиенко Е. А. Возрождение естественно-правовой теории: причины и пределы // Новая правовая мысль. 2006. № 2. С. 25.
23. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2001. С. 608.
24. Гассен В. М. Возрождение естественного права. СПб., 1902. С.11.
25. Проблемы буржуазной теории права. Вып. 3. М., 1984. С. 57.
26. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 23.
27. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994. С. 371–373.
28. Матвиенко Е.А. Возрождение естественно-правовой теории: причины и пределы // Новая правовая мысль. 2006. № 2. С. 26.
29. Рейснер М.А. Право и революция. Пг., 1917. С. 19.
30. Матвиенко Е. А. Возрождение естественно-правовой теории: причины и пределы // Новая правовая мысль. 2006. № 2. С. 27.
31. Ветютнев Ю. Ю. Естественное право как научная и идеологическая конструкция // Новая правовая мысль. 2006. № 2. С. 22.
32. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч.1. СПб., 1875 С. 234; Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908 С. 346; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учебное пособие (по изд. 1910–1912 гг.) Вып.1. М, 1995. Т. 1. С. 304; Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 326; Бер-

жель Ж. Л. Общая теория права. М., 2000. С. 423; Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права: в 2-х томах. Т. 2. Право. М., 2007. С. 644; Он же. Проблемы теории государства и права. М., 2006. С. 132; Он же. Теория государства и права. М., 2005. С. 630.
33. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. М., 2000. С.154.
34. См. например: Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Учебное пособие / Под ред. В. Г. Стрекозова. М., 1995. С. 219; Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Учебник. М., 1995. С.103; Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 241
35. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник. М., 1999. С.181.
36. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. С.252–253; Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. С.155.
37. Пьянов Н. А. О понятии и классификации функций позитивного права // Сибирский Юридический Вестник. 2000. 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lawinstitut.ru/ru/science/vestnik/20004/pyanov.html
38. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 701.
39. Керимов Д. А. Основы философии права. М., 1992. С. 73.
40. Малинова И. П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995. С. 168.
41. Мальцев Г. В. Новое мышление и современная философия прав человека // Права человека в истории человечества и в современном мире. М., 1988. С. 622.
42. Лукич Радомир Методология права: Перевод с сербскохорватского В. М. Кулистикова. М., 1981. С. 225.
43. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, Тейс, 1996. С. 123.
44. Малинова И. П. Философия правотворчества. Екатеринбург, 1996. С. 67.
45. Тихонравов Ю. В. Религии мира. М., 1996. С. 89.
46. Нерсесянц В. С. Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема // Вопросы философии права. М., 1973. С. 44.
47. Тихонравов Ю. В. Основы философии права: Учебное пособие. М: Вестник, 1997. С. 76.
48. Лукич Радомир. О философии права. Белград, 1978. С.89.
49. Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма. 1999. С. 203.
50. Власть и право. М., 1990. С. 124.
51. Нерсесянц В. С. Философия права: Учебник. М., 1997.

УДК 346.93

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА КОЛЕСНИКОВА
кандидат юридических наук, старший преподаватель филиала Академии экономической безопасности МВД России, г. Ессентуки
ksk-kavkaz@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ

Институт арбитражного управляющего, становление которого в России было начато еще в дореволюционную эпоху, получил активное развитие в современном обществе, однако ряд норм права, регулирующих деятельность арбитражного управляющего на современном этапе, препятствует эффективному выполнению арбитражным управляющим поставленных перед ним задач, реализации предусмотренных законом полномочий.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, проблемы эффективности деятельности арбитражного управляющего при проведении отдельных процедур несостоятельности (банкротства)

Арбитражный управляющий является центральной фигурой проведения процедур несостоятельности (банкротства). В условиях нестабильности финансового состояния большинства хозяйствующих субъектов и увеличения количества рассматриваемых арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве) значимость деятельности арбитражного управляющего возрастает. От уровня образования, профессиональной этики, независимости, практических навыков арбитражного управляющего зависит не только результат проведения конкретной процедуры несостоятельности (банкротства), но и формирование правоприменительной практики в сфере несостоятельности (банкротства), а вместе с тем и социальной оценки такого экономически неизбежного явления, как несостоятельность (банкротство).

Институт арбитражного управляющего, становление которого в России было начато еще в дореволюционную эпоху [1], получил активное развитие в современном обществе в связи с законодательным регулированием отношений в области несостоятельности (банкротства). В отличие от дореволюционного опыта, складывающегося более столетия, а также многовековой истории развития зарубежных моделей арбитражного управления, современный российский опыт регулирования как отношений в области несостоятельности (банкротства) в целом, так и института арбитражного управляющего, в частности, имеет довольно непродолжительную историю.

Начиная с 1992 года в России было издано три основных закона, регулирующих правоотношения в области несостоятельности (банкротства) и определяющих правовой статус арбитражного управляющего: Закон РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [2], Федеральный закон РФ от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3], ныне действующий Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] (далее Закон о несостоятельности (банкротстве)).

© Колесникова О. Ю., 2008

Совершенствование законодательства о несостоятельности (банкротстве) преследовало цель установления оптимального баланса интересов должника и кредиторов, пресечения возможностей передела собственности с помощью банкротства, и в этом плане ныне действующий Закон о несостоятельности (банкротстве) содержит ряд принципиальных новелл, позволяющих должнику контролировать процесс несостоятельности (банкротства) и в любой момент удовлетворить требования кредиторов.

Однако, несмотря на положительную динамику развития законодательства о несостоятельности (банкротстве), ни один законодательный акт не устранил противоречий в регулировании правового статуса арбитражного управляющего. Правовое положение арбитражного управляющего с принятием нового Закона о несостоятельности (банкротстве) стало более противоречивым по сравнению с предыдущими законодательными актами в области несостоятельности (банкротства).

Так, действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве), регулируя правоотношения между участниками дела о несостоятельности (банкротстве) и арбитражным управляющим, по-разному определяет статус последнего в зависимости от совершаемых им действий.

С одной стороны, Закон о несостоятельности (банкротстве) предписывает арбитражному управляющему (подразумевая под ним и временного управляющего, и административного управляющего, и внешнего управляющего, и конкурсного управляющего) действовать разумно и добросовестно в интересах кредиторов, должника и общества, что предполагает определенную независимость его действий и объективность в принятии решений.

С другой стороны, Закон о несостоятельности (банкротстве) в ряде случаев определяет арбитражного управляющего как представителя должника (внешнее управление, конкурсное производство), игнорируя указанный выше принцип деятельности арбитражного управляющего [5].

В настоящее время идет процесс становления правового статуса арбитражного управляющего как в теории юридической науки, так и на практике. Законодательством предъявляются новые требования к лицам, проводящим процедуры банкротства, начинается процесс создания саморегулируемых профессиональных объединений.

Правоприменительная практика показала, что ряд норм права, регулирующих деятельность арбитражного управляющего, в результате своего несовершенства препятствуют эффективному выполнению арбитражным управляющим поставленных перед ним задач, реализации предусмотренных законом полномочий.

Но и в рамках одной и той же процедуры несостоятельности (банкротства) арбитражный управляющий имеет право совершать действия как от имени должника, так и от собственного имени, в то время как Закон о несостоятельности (банкротстве) наделяет арбитражного управляющего статусом индивидуального предпринимателя (абз. 1 п. 1 ст. 20), что предполагает совершение действий только от собственного имени. Наделение арбитражного управляющего статусом индивидуального предпринимателя также несет в себе немало противоречий, поскольку не соответствует критериям предпринимательской деятельности, установленным ст. 2 Гражданского кодекса РФ [6] (ГК РФ). Арбитражный управляющий, в силу своей правовой природы, не действует в коммерческом обороте посредством оказания услуг, не преследует цели получения прибыли и не имеет постоянного источника ее получения. Ответственность арбитражного управляющего наступает за виновные действия. Деятельность арбитражного управляющего близка к деятельности лиц привилегированных профессий (нотариусы, адвокаты), выполняющих особые социально значимые функции и не преследующих цели извлечения прибыли.

Сопоставление правового статуса предпринимателя и арбитражного управляющего позволяет сделать некоторые выводы.

Арбитражный управляющий по правовому положению значительно отличается от исполнительного органа юридического лица, поэтому нет оснований утверждать, что арбитражный управляющий становится «новым директором» должника на период банкротства.

Деятельность арбитражного управляющего содержит в себе все признаки предпринимательской деятельности. Это требующая государственной регистрации самостоятельная деятельность, осуществляемая с целью получения прибыли на свой риск и под свою ответственность.

Правовое положение арбитражного управляющего как индивидуального предпринимателя обусловлено спецификой процедур банкротства и находит свое выражение в необходимости особого распределения предпринимательских рисков и осуществления арбитражным управляющим деятельности как от своего имени, так и от имени должника, как в интересах должника, так и в интересах кредиторов. Даже получение вознаграждения, которое с экономической точки зрения является прибылью, регулируется способами, неприменимыми к прибыли.

Для арбитражного управляющего как предпринимателя государственная регистрация обязательна, но начальный момент осуществления его деятельности устанавливается не государственной регистрацией, а определением или решением арбитражного суда.

Каждый арбитражный управляющий должен быть членом одной из так называемых саморегулируемых организаций (СРО), которые и будут представлять арбитражному суду и собраниям

кредиторов кандидатуры этих самых арбитражных управляющих из числа своих членов. Причем представляться кандидатуры будут списком (из трех членов СРО), в котором кандидатуры должны располагаться «в порядке уменьшения их соответствия требованиям к кандидатуре арбитражного управляющего» или «в порядке снижения уровня их профессиональных качеств» (ст. 45 Закона о несостоятельности (банкротстве)). Более того, должник и заинтересованный кредитор наделены правом безмотивно отвести по одной из кандидатур из числа представленных СРО, а на арбитражный суд возлагается обязанность утвердить в качестве арбитражного управляющего оставшуюся (неотведенную) кандидатуру.

По мнению большинства специалистов, данные нововведения не только являются неоправданными с точки зрения правовой действительности, но и противоречат Конституции РФ [7]. Так, например, в соответствии со ст. 24 Закона о несостоятельности (банкротстве) арбитражным управляющим может быть любой гражданин РФ, профессиональные качества которого соответствуют требованиям закона и который является членом одной из СРО. Из содержания ч. 2 ст. 30 Конституции РФ вытекает, что участие в каких бы то ни было объединениях – это право, а не обязанность. Далее, если мы обратимся к статье 24 Закона о несостоятельности (банкротстве), то увидим, что она закрепляет право арбитражного управляющего быть членом только одной СРО АУ. В то же время статья 55 Конституции РФ говорит, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В этой ситуации говорить о том, что арбитражный управляющий обязан быть членом только одной СРО, значит в существенной степени ограничить его гражданские права и свободы.

Несомненно, вопрос о соответствии приведенных выше норм Закона о банкротстве Конституции РФ должен стать предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Говоря об этой проблеме, нельзя не упомянуть о Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П «Об обязательности членства в нотариальной палате нотариусов, занимающихся частной практикой, как условии их профессиональной деятельности» [8]. Рассматривая данный вопрос, суд пришел к выводу, что осуществление нотариусами нотариальных функций от имени государства предопределяет их публично-правовой статус и обусловливает необходимость организации государством эффективного контроля за деятельностью, включая деятельность нотариусов, занимающихся частной практикой и в качестве таковых принадлежащих к лицам свободной профессии. В связи с этим Основами законодательства Российской Федерации о нотариате предусматривается создание в каждом субъекте Российской Федерации нотариальных палат – некоммерческих организаций, представляющих собой профессиональные объединения, которые основаны на обязательном членстве нотариусов, занимающихся частной практикой, и организуют работу на принципах самоуправления в соответствии с федеральным законодательством, законодательством соответствующего субъекта Российской Федерации и своим уставом (части первая, третья и четвертая статьи 24 Основ).

Однако с саморегулируемыми организациями ситуация обстоит иначе, поскольку в отличие от нотариусов арбитражные управляющие не обладают публично-правовым статусом, следовательно, установление обязательности их членства в СРО является необоснованным.

Таким образом, устанавливается довольно прочная зависимость арбитражного управляющего от СРО. Закон не только ограничивает права лиц, участвующих в деле, но и существенно умаляет роль арбитражного суда в вопросах утверждения, отстранения арбитражного управляющего и контроля за его деятельностью.

Систематический анализ комплекса правовых норм, регулирующих правовое положение арбитражных управляющих в Российской Федерации, позволяет сделать вывод, что основной целью привлечения в процесс банкротства фигуры арбитражного управляющего заключается в ограничении в различной степени правомочий прежнего руководства осуществлять управление организацией – неплатежеспособным должником, а также в проведении арбитражным управляющим комплекса специальных мероприятий. Объем правомочий арбитражного управляющего, а также цель его деятельности зависит от конкретной процедуры банкротства. Согласно Закону о несостоятельности (банкротстве), арбитражные управляющие принимают непосредственное участие при осуществлении процедур банкротства неплатежеспособного должника – юридического лица, а именно при осуществлении процедуры наблюдения, внешнего управления, а также при конкурсном производстве.

Подводя итог всему вышесказанному, мы пришли к следующему.

Правовая природа статуса арбитражных управляющих различна в зависимости от проводимой процедуры банкротства, притом что у всех она основывается на ограничении в той или иной степени дееспособности организации-банкрота:

во-первых, каждый арбитражный управляющий является индивидуальным предпринимателем со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде государственной регистрации в качестве такового, постановки на налоговый учет и уплаты налогов;

во-вторых, внешний, конкурсный, осуществляют функции исполнительного органа юридического лица – банкрота; в рамках этого статуса

управляющие исполняют все полномочия руководителя организации;

в-третьих, арбитражные управляющие действуют в рамках полномочий, специально предусмотренных законом о банкротстве для выполнения целей и задач каждой процедуры банкротства: наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, конкурсного производства.

Арбитражный управляющий при проведении процедур банкротства обязан действовать добросовестно и разумно в интересах двух сторон с изначально противоположными интересами: должника и его кредиторов, учитывая при этом интересы общества, что делает его деятельность чрезвычайно ответственной и социально значимой, а зачастую и просто невыполнимой.

К кандидатуре арбитражного управляющего и его непосредственной деятельности при осуществлении процедуры несостоятельности законодательством предъявляются очень серьезные требования, несоответствие или несоблюдение которых не позволит ему быть назначенным на конкретную процедуру или послужит основанием для его отстранения.

Деятельность управляющего подвергается постоянному контролю со стороны собрания и (или) комитета кредиторов, арбитражного суда, саморегулируемой организации арбитражных управляющих, регулирующего органа – Федеральной регистрационной службы РФ в лице региональных отделений, что, с одной стороны, стимулирует качественное выполнение обязанностей во избежание жалоб или ходатайств с требованием об отстранении, а, с другой стороны, при наличии необоснованных и безосновательных жалоб, коих, поверьте, большинство, существенно затруднит выполнение этих самых обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Законы о несостоятельности торговой и неторговой / Сост. Г. Бертгольдт. М, 1905; Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. Казань, 1898.
2. Российская газета. 1992. 30 декабря.
3. Российская газета. 1998. 20 января. № 10; 21 января. № 11.
4. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) // Российская газета. 2002. 2 ноября.
5. Витрянский В. В. Новое в правовом регулировании несостоятельности (банкротства) // Хозяйство и право. 2003. № 1. С. 5.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. // Сборник федеральных и конституционных законов. 1995. № 2.
7. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П «Об обязательности членства в нотариальной палате нотариусов, занимающихся частной практикой, как условии их профессиональной деятельности» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 5.

УДК 342.518

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАРИЧЕВ
преподаватель кафедры международного и конституционного права юридического факультета ПетрГУ
larichev@petrsu.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Административная реформа (реформа исполнительной власти) является одним из важнейших направлений текущих государственных преобразований, проводимых в Российской Федерации с целью социально-экономического развития страны, укрепления ее конституционного строя. Успешной реализации данной реформы сегодня препятствуют проблемы практического и концептуального характера, требующие незамедлительного решения.

Ключевые слова: административная реформа, институциональное и функциональное направления, государственные функции и услуги

Исполнительная власть как власть правоприменительная, позволяющая реализовывать решения законодательной и судебной власти, играет особую роль в системе государственного управления любой страны. Поскольку именно исполнительная власть ответственна за организацию социальных процессов в обществе, то эффективность ее работы является одним из важных условий динамичного социально-экономического развития государства. Это особенно важно для такого огромного и сложного по своему политико-территориальному устройству государства, как Российская Федерация, в котором налаженность управленческих связей и возможность эффективной координации, распределения и перераспределения ресурсов имеет жизненно важное значение – оно обеспечивает единство и государственную целостность.

К сожалению, неэффективность государственного управления является серьезной и долговременной проблемой Российской Федерации. В соответствии с интегральным показателем качества государственного управления GRICS, рассчитываемым Всемирным банком один раз в два года на основе сопоставления 25 различных показателей эффективности государственного управления, процентный ранг Российской Федерации по эффективности государственного управления в 2004 году равнялся 48,1 (из 100 возможных единиц), по качеству государственного регулирования – 30,5 (из 100 возможных единиц) [1].

По результатам проведенного фондом «Общественное мнение» в 2004 году исследования, только 14 процентов граждан, обращавшихся в течение последних двух лет в государственные органы, смогли получить интересующую их государственную услугу приемлемого качества [2].

Проблемы, связанные с эффективностью системы государственного управления, неоднократно признавались высшим руководством страны [3]. Среди основных проблем назывались: избыточное вмешательство государства в экономическую деятельность субъектов пред-

© Ларичев А. А., 2008

принимательства (избыточность государственного регулирования); дублирование функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти; организационное смешение функций регулирования экономической деятельности, надзора и контроля, управления государственным имуществом и предоставления государственными организациями услуг гражданам и юридическим лицам в рамках деятельности одних государственных органов.

Цели административной реформы, направленной на решение данных проблем, были определены в Указе Президента Российской Федерации от 23.07.2003 № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» [4]. Обязанности, связанные с разработкой концепции самой административной реформы и координацией ее осуществления, были возложены на Правительственную комиссию по проведению административной реформы, образованную согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 31.07.2003 № 451 [5].

С 2003 года работа в рамках реформы осуществлялась по нескольким основным направлениям. Среди них можно выделить институциональное, внешнее функциональное и внутреннее функциональное направления.

Под институциональным направлением административной реформы следует понимать оптимизацию структуры органов исполнительной власти, трансформацию старых видов органов исполнительной власти в новые. Внешнее функциональное направление реформы заключалось в пересмотре функций, осуществляемых органами государственного управления, выявлении их избыточности и дублирования. Внутреннее функциональное направление заключалось в поиске путей оптимизации рабочих процессов, протекающих в государственных органах при реализации ими своих функций, улучшения механизма бюджетного обеспечения их деятельности.

В рамках каждого из выделенных направлений административной реформы в течение последних пяти лет было реализовано немало мероприятий, однако, как показывает анализ, не все из них были успешными и (или) оправданными.

Одним из первоначальных мероприятий в рамках административной реформы стала оптимизация институциональной составляющей системы государственного управления. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 года № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [6] были образованы новые система и структура федеральных органов исполнительной власти. Функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию были возложены на федеральные министерства, функции контроля и надзора – на федеральные службы, функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом – на федеральные агентства. Старые органы в различных отраслях управления, включая государственные комитеты, комиссии, российские агентства, федеральные надзоры и другие, были ликвидированы. «Всесильные» ранее министерства потеряли большую часть своих полномочий, став, по сути дела, лишь координирующими органами по отношению к федеральным службам и агентствам. Реформа позволила укрупнить сферы государственного управления, частично ликвидировать дублирование функций органами управления различных отраслей.

Однако следует отметить и неполноту осуществленной реформы. В соответствии с Указом № 314, под его действие и вводимую им концепцию могли не подпадать те органы и сферы управления, для которых федеральными законами или иными специальными нормативно-правовыми актами предусматривались иные правила деятельности. К таким отраслям и органам, фактически изъятым из действия реформы, можно отнести весь блок управления в сфере обороны и безопасности – Минобороны, МВД, ФСБ, МЧС. Сохранило свои прежние полномочия и Министерство иностранных дел.

Институциональная реформа вызвала немало противоречивых откликов. Некоторые специалисты и правоприменители посчитали осуществленную «децентрализацию» ошибочной, многие увидели в ней предпосылки к росту бюрократического аппарата (за счет увеличения количества федеральных служб и агентств и т. д.) [7]. Между тем реформа прошла, причем полное ее осуществление (включая создание новых территориальных федеральных органов исполнительной власти – представителей центральных органов власти в регионах) заняло практически два года – до начала 2006 года.

По смыслу официальной «Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25.10.2005, данный аспект реформы (институциональный) был провозглашен одним из важнейших ее элементов и основой всех последующих мероприятий. Но уже к середине 2007 года отношение Президента РФ и Правительства РФ к новой системе органов резко изменилось. В сентябре 2007 года вновь назначенный Председатель Правительства РФ В. Зубков заявил о «неэффективности» структуры федеральных органов исполнительной власти [8]. Его мнение было поддержано высказываниями Президента РФ В. В. Путина [9]. Однако четкого определения того, что в новой системе исполнительной власти не устраивало высшее руководство государства, не было дано. Кроме того, возник вполне обоснованный вопрос: каким образом Правительство РФ смогло всего за один-полтора года полноценной работы новой системы проанализировать все ее структурные и функциональные возможности и прийти к выводу о полной ее неэффективности?

24 сентября 2007 года Президент РФ издал Указ № 1274 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» [10], который, казалось бы, должен был внести ясность в этот вопрос. Однако новый Указ Президента РФ содержит лишь одно принципиальное положение, которое выбивается из контекста административной реформы. Настоящим указом в структуру федеральных органов исполнительной власти вводится новый «старый» вид органов – государственные комитеты. При этом под государственным комитетом понимается «федеральный орган исполнительной власти, который в установленной для него сфере деятельности осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом, если это предусмотрено положением об указанном федеральном органе исполнительной власти» (п. 4 Указа № 1274). Таким образом, очевидно, что сущность и функциональное наполнение государственного комитета как вида федерального органа исполнительной власти противоречит основам административной реформы, направленной на разделение вышеуказанных функций между несколькими видами органов.

Указ не производит полномасштабного преобразования внутри структуры федеральных органов власти. В соответствии с его положениями на сегодняшний день организованы и функционируют лишь два государственных комитета – Государственный комитет Российской Федерации по рыболовству и Государственный комитет Российской Федерации по делам молодежи. Создается впечатление, что реабилитация такой формы исполнительного органа, как «государственный комитет», и создание двух подобных органов – это лишь пробный шаг, начало преобразований, по всей видимости, обратных тем, которые были осуществлены в 2004 году.

В связи с этим возникает вопрос – существует ли на сегодняшний день единая концепция понимания институциональной составляющей административной реформы в Российской Федерации? Уже упоминавшаяся выше «Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» продолжает декларировать старый курс на «разделение функций», несмотря на то что в начале февраля 2008 года, уже после выхода Указа Президента РФ № 1274, в нее вносились определенные изменения [11]. Если все же концепция структуры федеральных органов исполнительной власти образца 2004 года несовершенна, то чем она должна быть заменена? Все эти вопросы пока еще нуждаются в ответах, а в это время первая, институциональная часть административной реформы явно «буксует», во всяком случае, в ее концептуально-идейном плане.

Анализ мероприятий, проведенных в рамках внешнего функционального направления реформы, также позволяет выявить ряд его недостатков. Как было заявлено в начале реформы в 2003 году, одна из важнейших ее целей – ликвидация избыточного присутствия государства в различных сферах общественной жизни, сокращение или урезание в объеме функций, осуществляемых государственными органами. Согласно официальным данным, в рамках работы Правительственной комиссии по проведению административной реформы было проанализировано 5634 функции государственных органов, из них признано избыточными – 1468, дублирующими – 263, требующими изменения – 868 [12]. Итогом этой работы стало сокращение функций, признанных избыточными и дублирующими, но далеко не всех. Основной массив избыточных функций, содержащихся в нормативно-правовых актах различного уровня, по-прежнему сохранен. Кроме того, следует согласиться с мнением Т. Я. Хабриевой, А. Ф. Ноздрачева, Ю. А. Тихомирова: отсутствие четких критериев избыточности функций позволяет оставить многие действительно ненужные и обременительные для хозяйствующих и иных субъектов функции и ликвидировать те, «потеря» которых может привести к ослаблению публичных интересов, например в сфере стандартизации и строительного контроля [13, 14].

Разработка и внедрение стандартов государственных услуг – важная составляющая процесса оптимизации функций исполнительной власти. Само понятие «государственная услуга» является понятием новым, не закрепленным в законодательстве. Очевидно, что «государственная услуга» является формой деятельности государственных органов по реализации материальных действий, необходимых гражданам и организациям, и что данное материальное действие должно быть по своему содержанию достаточно качественным. Однако отсутствие не только законодательных критериев качества государственных услуг, но и механизма их разработки и предоставления является препятствием для их эффективного применения «новой» исполнительной властью, которая (в соответствии с духом административной реформы) должна быть нацелена на партнерство с обществом и обеспечение всех его социальных, экономических и иных потребностей.

В связи с этим удивление вызывает объявление Правительством РФ «нового этапа» административной реформы, который будет характеризоваться в 2009–2010 годах «созданием многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг и... организацией предоставления государственных услуг в электронной форме» [15]. Каким образом в 2009–2010 годах можно создать межотраслевые, многофункциональные центры предоставления государственных услуг, если до сих пор не реализован или

не в полной мере реализован предыдущий этап реформы, то есть не проведена разработка стандартов государственных услуг, не созданы четкие, структурированные их реестры?

Немаловажным сегментом административной реформы следует считать ее «внутреннее» функциональное направление, то есть оптимизацию рабочих процессов, протекающих в государственных органах при реализации ими своих функций. Данное направление реформы должно быть реализовано посредством внедрения системы «управления по результатам», а также разработки административных процедур и регламентов, внедрения электронных технологий в управление.

Постоянный контроль и корректировка курса органов исполнительной власти действительно являются важными слагаемыми успеха системы государственного управления, а заявленное в рамках административной реформы внедрение «управления по результатам» является важным нововведением. Данный процесс предполагает и оптимизацию использования бюджетных средств органами исполнительной власти.

Однако реализация этого принципа на практике выявила ряд сложностей и «перегибов». Так, например, в некоторых ведомствах, перешедших на «управление по результатам», отдельные подразделения и департаменты вынуждены планировать расходование ими бюджетных средств на несколько лет вперед и задавать (самостоятельно!) критерии эффективности собственной работы. На практике это приводит к подсчету карандашей и ручек, которые будут использованы в ближайшие три года, а также учету увеличения в мегабайтах компьютерной базы данных соответствующего подразделения и т.д.

Подобные «критерии» говорят об отсутствии четкого представления о том, чем же на самом деле является «управление по результатам» и какие показатели будут свидетельствовать о реальной динамике эффективности управления. Как и в случае с государственными услугами, критерии эффективности работы органов исполнительной власти должны быть унифицированными, а соответствующие показатели должны контролироваться извне системы управления конкретной отраслью [16].

Что касается разработки административных регламентов, то это, безусловно, важная задача. Административный регламент должен предусматривать порядок и сроки осуществления органами исполнительной власти отдельных функций. Следует отдать должное разработчикам двух нормативно-правовых актов Правительства РФ – Постановлений от 28.07.2005 № 452 «О типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» [17] и от 19.01.2005 № 30 «О типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти» [18], с изменениями от 21.02.2008 [19]. Принятие данных документов позволило ускорить процесс разработки регламентов и инструкций по осуществлению административных процедур в федеральных органах исполнительной власти, хотя, учитывая вышеуказанные недостатки концептуального понимания и законодательного регулирования вопросов предоставления государственных услуг, считать работу по составлению административных регламентов полноценной нельзя.

Помимо всех перечисленных мероприятий, «Концепция административной реформы в РФ в 2006–2010 годах» также содержала положения о внедрении электронных технологий в процесс управленческой деятельности в органах государственной власти РФ. Положения Концепции во многом коррелируют с планом федеральной целевой программы «Электронная Россия» [20].

«Электронная Россия» предусматривает значительные инвестиции в компьютерную и сетевую инфраструктуры, образование в области информационных технологий, а также эффективное использование компьютерных технологий на всех уровнях управления, и как цель – реализацию концепции электронного правительства.

Некоторые из мер, предпринятых в рамках программы «Электронная Россия», можно признать успешными. Например, Постановление Правительства РФ № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти», принятое в 2003 в году качестве дополнительной меры по внедрению «Электронной России», обязывало федеральные органы государственной власти опубликовывать на своих Интернет-страницах информацию по 36 темам, включая списки банков данных, информационных ресурсов и услуг, предлагаемых гражданам и организациям [21].

Между тем внедрение систем предоставления электронных услуг населению, разработка электронных регламентов в ряде отраслей управления затягивается. Представляется, что причиной тому является отсутствие четкого разделения полномочий между органами исполнительной власти, отвечающими за инновации в области информационных технологий в публичном секторе. Кроме того, должна быть создана единая система стандартов по внедрению и контролю за качеством государственных электронных услуг. Данная система не только содействовала бы созданию равных условий для развития электронных услуг во всех сферах государственного управления, но также способствовала бы повышению ответственности федеральных органов власти за внедрение электронных услуг в отдельных сферах. Подобная система позволила бы решить и проблемы низкого качества предоставляемых электронных услуг. Однако очень важно, чтобы данный контроль осуществлялся не самими государственными органами, предоставляющими электронные услуги, а некой внешней инстанцией, независимой и непредвзятой [22].

Подводя итог анализу вышеуказанных направлений административной реформы, следует отметить, что осуществление каждого из них на сегодняшний день осложнено различными факторами негативного характера, которые включают в себя как отсутствие единого понимания некоторых аспектов реформы (например институционального), так и затягивание с реализацией отдельных мер в рамках реформы и несогласованность некоторых из них. Все это приводит к фактической стагнации реформы, утраты ею своих преобразовательных качеств. С учетом вышеизложенного, следует еще раз выделить те проблемы, которые нуждаются в срочном решении:

- Выработка единой концепции институциональной составляющей реформы (формирование системы органов исполнительной власти, соответствующих целям реформы, а также социальным, экономическим и политическим условиям Российской Федерации).
- Разработка четких критериев полезности и избыточности государственных функций, продолжение работы по оптимизации функционального аппарата органов исполнительной власти.
- Разработка общих стандартов государственных услуг и механизмов их предоставления (следует рассмотреть возможность принятия специализированных федеральных законов, которые содержали бы соответствующие правила).
- Оптимизация и наращивание темпов внедрения информационных технологий в государственное управление. Создание специализированной государственной структуры по вопросам электронного правительства и контроля за внедрением электронных услуг в различных сферах государственного управления.

Административная реформа направлена на достижение благородной цели – создание «новой власти», способной быстро реагировать на возникающие перед государством и социумом сложности, ориентированной на свободный рынок и гражданское общество. Успешное осуществление данной реформы крайне важно для России, и государственная власть на пути к этой цели обязана предпринимать реальные, а не «фантомные» усилия, отслеживать реализацию всех мер реформы, оптимизировать ее содержание. Лишь в этом случае административную реформу 2004–2010 годов ждет успех и она не войдет в длинный список реформаторских неудач в российском государственном управлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 46. Ст. 4720.
2. Там же.
3. См., например: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2003 год // Российская газета. 2003. № 93. 17 мая.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 30. Ст. 3046.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 31. Ст. 3150.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 11. Ст. 945.
7. См., например: Сатышев В. Е. Административная реформа: цели, результаты, перспективы // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 2. С. 149.
8. Каким будет новое правительство, станет известно в начале недели. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rian.ru/review/20070922/80450148.html
9. Грядет революция управляющих? // Труд. 2007. № 172. 22 сентября.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 40. Ст. 4717.
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.02.2008 № 157-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 7. Ст. 633.
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 46. Ст. 4720.
13. ХабриеваТ. Я., Ноздрачев А. Ф., Тихомиров Ю. А. Административная реформа: решения и проблемы // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 9.
14. Тихомиров Ю. А. Правовые аспекты административной реформы // Законодательство и экономика. 2004. № 4. С. 29.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.02.2008 № 157-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 7. Ст. 633.
16. Подробнее об этом см., например: Материалы круглого стола «Управление по результатам в контексте реформ государственного управления в России» [Электронный ресурс] / Центр стратегических разработок. Режим доступа: http://www.csr.ru/event/original_1160.stm, свободный.
17. Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 31. Ст. 3233.
18. Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 4. Ст. 305.
19. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.02.2008 № 112 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации деятельности федеральных органов исполнительной власти и совершенствования процедур межведомственного согласования документов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 9. Ст. 852.
20. См.: Информационный портал ФЦП «Электронная Россия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-rus.ru
21. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 7. Ст. 658.
22. Чернов С. Н., Ларичев А. А., Чернова Т. И. Электронное правительство в России: препятствия на пути оптимизации государственного управления в федеративном государстве: пер. с англ. // Proceedings of the Third International Conference on E-government. 27–28 September 2007 [Electronic resource] / Universite du Quebec a Montreal. Montreal, 2007.

УДК 34С3

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ОЛЕНИНА
менеджер эколого-правового центра, преподаватель кафедры международного и конституционного права ПетрГУ
tyolenina@mail.ru

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧРЕЖДЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье впервые формулируется определение административно-правового статуса учреждения начального профессионального образования. Анализируется действующая в России нормативно-правовая база в сфере начального профессионального образования. Также автором статьи дается рекомендация по принятию законов в сфере начального профессионального образования.

Ключевые слова: учреждение начального профессионального образования, административно-правовой статус, законодательство в сфере начального профессионального образования.

Многие специалисты в области административного права говорят об административно-правовом статусе субъектов административных правоотношений. При этом некоторые из них приводят общее определение административно-правового статуса, относящееся к любому субъекту административного права. Например, под указанным статусом понимается совокупность определенных прав, обязанностей, гарантий их реализации, а также объем юридической ответственности за нарушения установленных правил поведения в сфере государственного управления [1].

Кроме того, подчеркивается, что основу административно-правового статуса составляет его административная правосубъектность – совокупность административной правоспособности и административной дееспособности [1]. В связи с этим необходимо выяснить, что понимается под данными терминами.

Так, административная правоспособность – это возможность субъекта административного права вступать в административно-правовые отношения, иметь права и обязанности в сфере государственного управления.

Административная дееспособность – это способность своими действиями приобретать права и обязанности, которые необходимы лицу для реального вступления в административно-правовые отношения.

Помимо этого, специалистами выделяется понятие административной деликтоспособности, то есть способности субъекта нести ответственность по административному праву [1].

Таким образом, можно согласиться с мнениями указанных авторов и определить административно-правовой статус как совокупность определенных прав, обязанностей в сфере регулирования административного права, гарантий их реализации, юридической ответственности за нарушения установленных правил поведения в сфере государственного управления.

© Оленина Т. Ю., 2008

Говоря об административно-правовом статусе учреждений, специалисты, как правило, не дают определения данного юридического термина.

Например, Ю. А. Тихомиров [2] рассматривает статус государственного учреждения. В частности, он приводит определение учреждения, данное в статье 120 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], говорит о том, что правовое положение определяется также Федеральным законом «О некоммерческих организациях» [4]: у них присутствует устав, для образовательных учреждений имеют значение типовые положения, которые, по его мнению, играют роль уставов. С данным предположением нельзя согласиться, поскольку устав разрабатывается для конкретного образовательного учреждения, отражает его особенности на основании действующего российского законодательства, к которому относится и типовое положение. Следовательно, оно не может «играть роль устава». Это один из значимых нормативно-правовых актов, который образовательное учреждение должно соблюдать при формировании и в своей деятельности.

Кроме того, Ю. А. Тихомиров говорит о внутреннем управлении государственным учреждением на примере статьи 35 Закона «Об образовании» [5] – «Управление государственными и муниципальными образовательными учреждениями». Рассматривает внешнее управление высшим учебным заведением.

Подводя итог, Ю. А. Тихомиров отмечает, что «для государственных учреждений и их взаимоотношений с государственными органами общерегулирующее значение имеет содержание главы VI «Коммерческие организации и органы государственной власти» Федерального закона «О некоммерческих организациях»». Он поясняет, что «речь идет о четком порядке создания учреждений, определении их правового положения, закреплении имущества на праве оперативного управления, о формах экономической поддержки, о ведении бухгалтерского учета и статистической отчетности» [2].

А. Г. Чернявский, доктор юридических наук, доцент, и Б. Н. Габричидзе, доктор юридических наук, профессор, рассматривают учреждения как субъекты административного права, дают определение учреждения, аналогично Ю. А. Тихомирову, выделяют виды учреждений по различным классификациям (например, по роду деятельности, по формам собственности). Говоря о статусе учреждений, выделяют, что «он отличается большим диапазоном их прав и обязанностей, и выделять какие-то общие черты в статусе всех учреждений не представляется возможным, а потому в решении данного вопроса законодательство пошло по пути установления правового статуса учреждений по отраслям» [6].

С данным утверждением нельзя не согласиться, и, видимо, этим и объясняется тот факт, что специалисты административного права лишь поверхностно характеризуют административно-правовой статус учреждений.

Таким образом, обобщая приведенные мнения специалистов, можно вывести, что административно-правовой статус учреждений определяется на основании Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О некоммерческих организациях», устава и для образовательных учреждений – типовых положений, состоит в совокупности определенных прав, обязанностей, гарантий их реализации в сфере регулирования административного права, юридической ответственности за нарушения установленных правил поведения в сфере государственного управления, государственного управления учреждением и управления внутри учреждения.

Закон «Об образовании» не содержит понятия «начальное профессиональное образование» (далее НПО). Статья 22 определяет лишь его цель, которой выступает подготовка работников квалифицированного труда по всем основным направлениям общественно полезной деятельности на базе основного общего и среднего (полного) общего образования.

Важным является тот факт, что начальное профессиональное образование может быть получено в образовательных учреждениях начального профессионального образования (далее УНПО), а также в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего профессионального образования при наличии соответствующих лицензий.

Среди специалистов административного права четко не формулируется понятие и составных элементов административно-правового статуса учреждения начального профессионального образования.

Поэтому исходя из проведенного исследования можно определить административно-правовой статус УНПО как совокупность прав, обязанностей, законных интересов данного учреждения, его ответственность, а также осуществление государственного управления УНПО (то есть лицензирование образовательной деятельности, государственная аккредитация УНПО) и управление внутри УНПО.

Необходимо определить, что составляет правовую основу административно-правового статуса УНПО. Некоторые специалисты выделяют термин «образовательное законодательство» и говорят о самостоятельной отрасли российского права – образовательном праве.

Можно согласиться с определением В. В. Спасской, что «система законодательства об образовании, понимаемая как совокупность законов и подзаконных актов, представляет собой огромный массив нормативных правовых актов, объединенных в отдельную отрасль законодательства. Основная функция этой системы заключается в том, чтобы обеспечить законодательную основу для правового регулирования

отношений, возникающих в сфере образования, и, прежде всего, образовательных правоотношений, вытекающих непосредственно из естественного права человека на образование» [7].

Ряд исследователей образовательного законодательства дали оценку образовательного закона. В частности, В. И. Шкатулла пишет о «самостоятельной комплексной отрасли правовой системы России, включающей нормы педагогического, трудового, административного, гражданского, финансового и других законодательств» [8]. В более поздней работе он дополняет это определение тем, что данная отрасль имеет непростую структуру, то есть связь составляющих ее элементов [9]. Нельзя не согласиться с мнением указанного автора о том, что в настоящее время можно говорить о сформировавшейся отрасли образовательного права.

Данное мнение разделяет и Н. Н. Хридина, которая полагает, что «это комплексная отрасль, включающая нормы разных отраслей права: педагогической, трудовой, административной, гражданской, финансовой и других. Эти нормы не объединены единым методом правового регулирования, однако все они регулируют единое образовательное пространство, единые образовательные отношения» [10].

Как считают В. И. Шкатулла и Н. Н. Хридина, правовая система законодательства об образовании согласно части 4 статьи 15 Конституции России состоит из двух частей: российское законодательство, куда составной частью входит законодательство об образовании субъектов Российской Федерации; общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России [9, 10].

Соглашаясь с приведенным мнением, источники образовательного права, регулирующие начальное профессиональное образование, необходимо рассмотреть в следующем порядке: сначала международные нормы, а затем нормативно-правовые акты Российской Федерации. Причем последние включают в себя акты трех уровней: федеральные, субъектов Федерации, органов местного самоуправления. Кроме того, для административно-правового статуса УНПО существенное значение имеют, помимо указанных, локальные нормативные акты, принимаемые в конкретном учреждении уполномоченными на то его органами, одним из которых является устав УНПО.

В настоящее время принято очень большое количество правовых норм в указанной сфере, но, несмотря на это, не все образовательные правоотношения остаются урегулированными. Многообразие правовых норм приводит к несоответствию одних норм другим, и субъекты данных правоотношений в сфере НПО не всегда знают, какими нормами необходимо руководствоваться. Для решения данной проблемы некоторые специалисты образовательного права предлагают кодифицировать правовые нормы. Так, о необходимости принятия Кодекса Российской Федерации об образовании говорят В. И. Шкатулла [8], В. М. Сырых [11], В. Садков, Б. Петухов, Д. Аронов [12]. Но на сегодняшний день объективно невозможно систематизировать все нормы, затрагивающие образовательные правоотношения. Поэтому для решения данной проблемы предлагается принять рамочный федеральный закон, посвященный начальному профессиональному образованию, и на уровне Республики Карелия принять на основании федеральных законов законы «Об образовании», который отражал бы специфику системы образования в настоящее время, и «О начальном профессиональном образовании».

Таким образом, административно-правовой статус учреждения начального профессионального образования представляет собой совокупность прав, обязанностей, законных интересов данного учреждения, его ответственность, а также осуществление государственного управления УНПО и управление внутри УНПО. Правовая основа административно-правового статуса учреждения начального профессионального образования включает в себя общепризнанные международные нормы и принципы, нормативно-правовые акты Российской Федерации, ее субъектов, органов местного самоуправления, локальные нормативные акты УНПО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Административное право Российской Федерации / В. Я. Насонов, В. А. Коньшин, К. С. Петров, В. М. Редкоус. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 17.
2. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. М.: Тихомиров, 2006. С. 328–334.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть Первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32; 2007. № 50.
4. Федеральный закон от 12.01.1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3; 2007. № 49.
5. Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30; Российская газета. 2007. 25 апреля; Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 43.
6. Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г. Административное право. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 145–146.
7. Спасская В. В. Современная система российского законодательства об образовании. 31.05.2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lexed.ru/pravo/journ/0506/spasskaya.doc
8. Шкатулла В. И. Образовательное законодательство: состояние и перспективы // Высшее образование в России. 1995. № 4. С. 3.
9. Шкатулла В. И. Образовательное право: Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА •М), 2001. С. 118.

10. Хридина Н. Н. Правовое регулирование как фактор развития единого образовательного пространства // Право и образование. 2004. № 1. С. 65.
11. Сырых В. М. Образовательное право как отрасль российского права. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. С. 118.
12. Садков В., Петухов Б., Аронов Д. Кодификация законодательства в сфере образования – проблемы и перспективы // Alma Mater. 2004. № 10. С. 47.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ИСТОРИЯ 2008

УДК 947 (470.22)

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН,
кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета ПетрГУ
verigin@psu.karelia.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НКВД-НКГБ КФССР ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ РАБОТЫ В ТЫЛУ ФИНСКИХ ВОЙСК В 1941–1944 ГОДАХ [1]

В статье на основе анализа широкого круга архивных источников, многие из которых были рассекречены только в 1990-е годы, показывается борьба органов НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР против финских войск в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется процессу подготовки и деятельности разведывательно-диверсионных групп 4-го отдела НКВД-НКГБ КФССР на оккупированной финскими частями территории Советской Карелии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупационный режим, НКВД-НКГБ КФССР, разведывательно-диверсионная деятельность, агентура, разведшколы, радиоигры

Более 60 лет прошло со времени окончания Великой Отечественной войны, однако многие ее сюжеты до сих пор остаются недостаточно исследованными. К таким слабо изученным вопросам относится и проблема деятельности органов НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР по организации разведывательно-диверсионной деятельности в тылу финских войск, в том числе и разведгрупп на Карельском фронте, направляемых чекистами в тыл финских войск в период военных действий 1941–1944 гг. Лишь в отдельных публикациях периодической печати, мемуарах, художественных изданиях и специальных сборниках рассказывается о деятельности некоторых разведчиков [2]. Что касается научной литературы, то можно отметить только одну небольшую по объему статью петрозаводского исследователя С. С. Авдеева, посвященную вопросам подготовки и деятельности в тылу врага бойцов спецотряда НКВД-НКГБ КФССР [3].

Настоящая статья является одной из первых попыток представить в обобщенном виде на основе анализа рассекреченных материалов карельских государственных и ведомственных архивов (архива УФСБ России по Республике Карелия, архива МВД РК и др.) картину борьбы органов НКВД-НКГБ КФССР против оккупантов и, прежде всего, процесс подготовки и деятельности разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ КФССР в тылу финских войск в 1941–1944 гг.

Нападение нацистской Германии и ее союзников на СССР 22 июня 1941 года заставило военно-политическое руководство страны кардинально пересмотреть свое отношение к разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника.

Уже 1 июля 1941 года нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов подписал Директиву № 168 о задачах органов безопасности в условиях военного времени, в которой, в частности, говорилось: «… в захваченных вра-

© Веригин С. Г., 2008

гом районах надо создать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу…». Эта же мысль прозвучала и в выступлении по радио 3 июля 1941 года Председателя ГКО И. В. Сталина: «…В захваченных врагом районах создать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу и срывать все их мероприятия…». В Постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск» подчеркивалось: «…Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, … уничтожать захватчиков и их пособников…» [4]. Фактически был отдан приказ на проведение террора и диверсий в тылу противника и указаны категории лиц, которые подлежали уничтожению.

5 июля 1941 года нарком внутренних дел Л. П. Берия подписал приказ № 00882 о создании при НКВД СССР Особой группы, перед которой ставились следующие задачи: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов; организация подпольной и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника [5]. Начальником Особой группы был назначен Павел Анатольевич Судоплатов, его заместителем – Наум Исаакович Эйтингон.

При Особой группе было создано воинское подразделение, включавшее два полка, которые делились на батальоны, отряды и спецгруппы. В октябре 1941 года войска Особой группы были преобразованы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), ставшую первым соединением отечественного «спецназа».

Сама Особая группа НКВД СССР в этом же месяце была реорганизована во 2-й отдел, который в свою очередь в январе 1942 года был преобразован в 4-е управление НКВД СССР. В республиканских и областных управлениях НКВД, в том числе и в Карело-Финской ССР, были созданы опергруппы (в августе 1941 года преобразованные в 4-е отделы), на которые и возлагались задачи по формированию и руководству деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, организации разведки районов их вероятной деятельности [6].

С самого начала Великой Отечественной войны НКГБ КФССР приступил к активной организации агентурной и диверсионной работы за линией фронта. Она включала в себя следующие направления: подготовка и оставление на угрожаемой оккупацией противником территории Карелии нелегальных резидентур и агентов-одиночек для контрразведывательной работы; формирование и переброска в ближайший тыл финских войск разведывательных групп для сбора сведений о противнике; засылка диверсионных групп на коммуникации врага для уничтожения живой силы и дезорганизации тыла наступавших финских воинских частей.

Уже 23 июня 1941 года начальникам Выборгского, Сортавальского, Яскинского, Суоярвского, Ребольского, Калевальского и Кестеньгского, а 27 июня – Кексгольмского и Ухтинского районных отделов НКГБ были даны указания об оставлении агентуры для разведывательно-диверсионной работы на территории, которую угрожал захватить противник.

В ноябре 1941 года начальник карельской разведки майор госбезопасности Г. И. Кудрявцев в «Отчете о проделанной работе разведотдела НКВД КФССР по состоянию на 10 ноября 1941 г.» докладывал, что отделом подготовлена резидентура для оставления в г. Медвежьегорске, в случае занятия его противником. Одной из задач резидентуры является «подготовка и проведение террористических актов над представителями командования, разведки и органов власти противника» [7]. За день до захвата финскими войсками г. Петрозаводска НКГБ КФССР оставил в городе 8 агентов, одному из которых («Ситникову») была поставлена задача «по совершению террористических и диверсионных актов в отношении врага и его живой силы» [8]. Всего при отступлении частей Красной Армии в оккупированных районах Карелии, включая г. Петрозаводск, был оставлен 61 агент [9].

Однако, как показали дальнейшие события (быстрое наступление финских войск, недостатки в подготовке агентуры, отсутствие надежной связи, предательство отдельных агентов, переселенческая политика финских оккупационных властей), свою деятельность эта агентура не развернула и существенной роли в зафронтовой работе не сыграла. Практика привлечения агентов-одиночек к совершению террористических актов себя также не оправдала.

В первые месяцы войны негативное влияние на организацию деятельности агентурной работы органов безопасности Карелии, как и других прифронтовых регионов страны, оказывало то обстоятельство, что они вынуждены были решать задачи по силовой поддержке обороняющихся воинских частей, формированию, в том числе за счет оперативного состава, истребительных батальонов и партизанских отрядов (до образования в июне 1942 года при Военном совете Карельского фронта штаба партизанского движения).

Направление диверсионных групп в тыл противника стало применяться с самого начала войны. Уже 12 июля 1941 года наркомом госбезопасности КФССР М. И. Баскаковым и зам. командующего тылом 7-й армии Киселевым издается «Боевой приказ № 1» о направлении спецгруппы НКГБ в составе 25 чел. с диверсионным заданием на территорию Финляндии в район Лиекса-Йоэнсуу. Во время рейда в оперативный тыл противника группа взорвала мост и склад боеприпа-

сов в дер. Лубосалми, уничтожила две грузовые автомашины, заминировала 3 км дороги, повредила в нескольких местах телефонные провода, вышла в расположение советских войск, потеряв 3-х человек в ходе боестолкновений с группами преследования. Примерная нагрузка на бойца составила 25 кг (винтовка – 4,5 кг, 120 патронов – 2,6 кг, 4 гранаты РГД, ВВ – 1 кг, продукты – 14 кг). В отчете командира группы был высказан ряд предложений по улучшению оснащения будущих диверсионных групп.

Анализ данной и других «ходок» в тыл противника в первые недели войны показал настоятельную необходимость более тщательно вести подготовку диверсионных групп для заброски их за линию фронта. И уже в июле 1941 года в НКГБ КФССР была организована специальная (особая) диверсионная школа. СНК республики 8 июля 1941 года утвердил подготовленную разведотделом «Ориентировочную смету расходов по подготовке лиц специального назначения», в которой указывалось, что курсы рассчитаны на 7 дней (по 40-часовой программе), количество курсантов – 27 чел., преподавателей – 2 чел. Численность курсантов в первые полгода войны постоянно увеличивалась: в октябре 1941 года школа состояла из 4 отрядов по 3 группы в каждом и насчитывала 154 чел., а к концу 1941 года учебу в школе закончило 196 чел. и было сформировано 15 диверсионных групп. Она имела две грузовые машины, катер и моторную лодку. Руководство школой было возложено на начальника 4-го отдела комбрига С. Я. Вершинина [10].

С организацией в октябре 1941 года 4-го отдела все диверсионные кадры, за исключением созданных в РО, вошли в спецотряд школы особого назначения НКВД, который имел свой номер и дислоцировался до конца войны в селе Шижня Беломорского района республики.

Подбор кадров в спецотряд производился отделами НКГБ на предприятиях, в различных учреждениях и организациях на добровольной основе и, как правило, из числа молодежи. При этом учитывались профессиональные качества кандидата, проверялась его благонадежность и «политическая лояльность». Затем по письменному ходатайству наркомата («направляем список лиц, давших согласие на работу по выполнению спецзаданий в тылу врага») принималось распоряжение СНК КФССР, которое направлялось руководителям предприятий: «Работающий у Вас (ФИО) временно призван для выполнения особых заданий, связанных с обороной страны. Сохраните за ним занимаемую должность и зарплату» [11].

Привлекались и отдельные заключенные, осужденные за незначительные преступления, а также чекисты, арестованные в годы репрессий, а с началом войны подавшие заявления о посылке их на фронт. Через ОИТК им оформлялось освобождение, и они направлялись в распоряжение НКГБ КФССР.

Возможность использования этого контингента для диверсионной работы в тылу противника в июле 1941 года обосновывал в рапорте на имя наркома государственной безопасности КФССР М. И. Баскакова начальник отделения КРО НКГБ республики Я. Х. Каган. Он передал список заключенных ОИТК НКВД КФССР, осужденных за незначительные преступления (подчеркивалось, что не за контрреволюционные), проявивших себя стахановцами в ИТЛ, имеющих положительные характеристики со стороны администрации лагерей и выразивших желание о посылке их на фронт добровольцами [12].

Интересное обоснование целесообразности использования заключенных приводит в своем заявлении на имя секретаря ЦК КП(б) КФССР, члена Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянова сотрудник НКВД Креков: «По работе в органах НКВД мне приходилось работать над деклассированным преступным элементом. Часть из этой категории (осужденных за мелкие преступления) молодых, здоровых людей, имеющих твердый и решительный характер, неплохие умственные способности, имеет возможности принять непосредственное участие в защите Родины, вернуться в семью уже не преступником. После тщательной военной и политической подготовки из них можно сформировать группу для выполнения любых боевых заданий. Вооружение этого контингента при наличии заградительных заслонов исключает возможность проявления трусости или измены» [13].

Так же, как и в партизанские отряды, бойцы в спецотряд особой школы НКВД КФССР отбирались и в соседних регионах (часто это приходилось делать с «боем»). Например, в январе 1942 года в распоряжение 4-го отдела для комплектования диверсионных групп прибыло 25 чел. из Архангельской области, в том числе 6 работников милиции. Так как хороших, как правило, не отдавали, то уже по прибытию в Беломорск, который после оккупации Петрозаводска финскими войсками стал военной столицей республики, было «отбраковано» по состоянию здоровья 7 человек (один оказался даже с ампутированными пальцами ног) [14].

По состоянию на 1 ноября 1942 года численность спецотряда составляла 87 чел., из них:

а) по социальному положению: служащие – 40, рабочие – 45, колхозники – 1;

б) по партийности: члены (кандидаты) партии – 22, комсомольцы – 35;

в) по возрасту: до 28 лет – 41, до 22 лет – 22, до 18 лет – 24;

г) по национальности: русские – 63, карелы – 9, украинцы – 5, финны – 2, вепсы – 2, др. национальности – по 1 чел.

Состав спецотряда постоянно менялся. Многие бойцы погибали на заданиях, попадали в плен к финнам, некоторые спецгруппы пропадали без вести. Пополнение спецотряда НКВД КФССР в период всей войны шло, прежде всего,

за счет тех бойцов, чьи родственники находились на оккупированной территории и которых можно было использовать в агентурной работе. Часть бойцов спецотряда передавали в распоряжение штаба партизанского движения при Военном Совете Карельского фронта и, наоборот, за счет партизанских отрядов пополняли состав спецотряда НКВД КФССР.

Всего с мая по ноябрь 1942 года выбыло по различным причинам 77 чел., в том числе было убито и пропало без вести – 26, ранено – 13, отчислено по состоянию здоровья и в партизанские отряды - 15, в военкомат - 15, на учебу – 5, прибыло – 17 [15].

На 1 июня 1942 года по линии 4-го отдела НКВД КФССР имелось 278 чел., зачисленных на довольствие, в том числе: специальный диверсионный отряд – 156 чел.; нелегальные резидентуры – 72; закончивших двухмесячную подготовку в НКВД – 25; закончивших подготовку радистов – 10 чел.

Обучение бойцов в спецшколе НКВД КФССР проводилось ежедневно с 10.00 до 22.00 по специальной программе, включавшей в себя военную (устав пехоты, боевое оружие, подрывное дело, топография, самбо, медпомощь) и оперативную (разведка, основы партизанской тактики, методы работы финской контрразведки) подготовку. В основу политической подготовки брались публикации в газетах, выступления лекторов парторганов, изучались доклады руководителей страны и республики. Подготовка к парашютному делу (теория и прыжки) осуществлялась с выездом в г. Онега Архангельской обл., при этом часть бойцов из-за страха отказывалась прыгать. Подготовка радистов в первое время велась на полугодовых курсах в Москве, но уже в 1942 году 8 девушек окончили курсы в Беломорске, организованные при 4-ом отделе, в 1943 – 10 чел.; в 1944 – 13 чел. [16].

Снабжение продпайками и вооружением бойцов спецотряда особой школы НКВД КФССР осуществлялось по нормам 4-го управления НКВД СССР со склада хозяйственного отдела по нарядам и накладным. Обоснованные рапорта-заявки (по количеству людей, задачам, нормам) подавались оперработниками начальнику 4-го отдела за 5 дней до выхода группы на задание. При недостатке пайков и снаряжения они взаимообразно запрашивались у начальника тыла Карельского фронта. Использовались также и природные ресурсы: отстрел лосей (по разрешениям), ловля рыбы, сбор грибов и ягод.

Первые заброски диверсионных групп за линию фронта, анализ их деятельности в тылу противника и возвращения обратно позволили определить оптимальное количество вооружения, боеприпасов и продовольствия, которое должны были брать с собой бойцы, отправляясь на задания в тыл противника. Примером расчета вооружения и снабжения 10-дневного рейда диверсионной группы из 14 человек может служить документ, утвержденный наркомом НКВД 13 октября 1941 года:

а) вооружение: винтовка-карабин «Маузер» – 9 шт. (патронов – 900 шт.), винтовка СВД-40 – 5 шт. (патронов – 500 шт.), пистолет-пулемет ППД – 1 шт. (патронов – 210 шт.), ручных гранат РГД – 33 – 60 шт., ВВ (тол) – 12 кг (запалов – 15 шт.), бикфордов шнур – 10 м, противопехотных мин с капсюлями – 15 шт.;

б) продовольствие: мясные консервы – 90 банок, суп-пюре гороховый – 10 кг, колбаса – 15 кг, сахар – 6 кг, сухари – 45 кг, чай – 0,4 кг, соль – 1,5 кг, махорка – 90 пачек, спирт – 10 л, спички – 60 кор. [17].

Кроме осуществления диверсионно-разведывательной деятельности в тылу противника, бойцы спецшколы использовались и для решения других боевых задач. Так, в декабре 1941 года 77 чел. в составе 6 групп в полном боевом снаряжении были переданы в оперативное подчинение начальнику транспортного отдела НКВД Кировской ж.д. для патрулирования участка Сорокская-Нюхча в целях предотвращения диверсионных актов со стороны финских войск.

Всего с июля 1941 года, с момента создания спецшколы, по июнь 1942 года (до реорганизации 4-го отдела) диверсионные группы совершили 35 боевых походов (кроме участия в двух походах сводного партизанского отряда Журиха). В результате было убито 49 солдат и офицеров противника, уничтожено 9 автомашин, взорвано 19 мостов, сожжено 49 домов, захвачены 2 пленных и 1 секретный документ. В 10 случаях по различным причинам, прежде всего из-за столкновения с финнами, выполнить задания не удалось [18].

На 15 марта 1942 года за образцовое выполнение боевых заданий командования, проявленные при этом доблесть и мужество 32 бойца спецотряда были награждены: орденами Красной Звезды – 13 чел.; Красного Знамени – 8 чел.; медалью «За отвагу» – 2 чел.; «За боевые заслуги» – 9 чел.

В начале 1942 года, после провала гитлеровского «блицкрига», в целях усиления разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника НКВД СССР принял меры по перестройке зафронтовой работы органов безопасности. Приказом наркома от 18 января 1942 года для проведения специальной работы в тылу врага было организовано 4-е управление (руководитель – П. А. Судоплатов). 1 июня 1942 года утверждено новое положение о 4-х отделах территориальных органов, перед которыми ставились следующие задачи:

- внедрение агентов в разведывательные и административные органы противника на оккупированной территории и подготовка маршрутников;
- создание нелегальных резидентур на оккупированной и угрожаемой оккупацией территории, восстановление связи с оставшейся там агентурой;

- организация деятельности диверсионно-разведывательных групп в тылу врага.

В условиях стабилизации линии Карельского фронта и конкретизации задач разведывательной работы в тылу противника НКВД КФССР также начал перестройку этой деятельности. В марте 1942 года спец. школа особого назначения НКВД КФССР была реорганизована, наиболее подготовленные бойцы отобраны в спецотряд НКВД, остальные переведены в партизанские отряды. Начальником спецотряда НКВД был назначен ст. лейтенант Колесник [19]. Приказом наркома НКВД КФССР М. И. Баскакова от 9 июня 1942 года уже сокращенный спецотряд, состоящий из 4-х взводов, был передан в подчинение 3-му (агентурному) отделению вновь созданного 4-го отдела НКВД КФССР и использовался в дальнейшем для сопровождения разведчиков в тыл врага и совершения в отдельных «ходках» диверсий на коммуникациях финских войск.

На 3-е (агентурное) отделение 4 отдела НКВД КФССР была возложена задача подготовки специальных мероприятий по диверсии и террору в тылу противника. В целях секретности диверсия и террор в документах были зашифрованы буквами «Д» – диверсия и «Т» – террор. Так, в сентябре 1942 года член военного совета Карельского фронта, бригадный комиссар Г. Н. Куприянов утвердил разработанный 4-м отделом НКВД КФССР «План проведения специальных мероприятий по «Т» и «Д» на временно оккупированной противником территории на период октябрь и ноябрь 1942 года». Этим планом, в частности, предусматривалось уничтожение Шелтозерской комендатуры, коменданта и полицейских (всего 20 человек), совершение террористических актов над старостами Шелтозерского района Изотовым, Широковым и другими [20].

В целях лучшей организации работы по заброске на оккупированную финнами территорию разведгрупп, подготовленных НКВД, штабом партизанского движения в августе 1942 года в с. Пудож создается оснащенный радиостанцией переправочный пункт 4-го отдела в количестве 5 оперработников во главе с зам. начальника отдела Я. Х. Каганом [21]. Были определены три основных способа переброски спецгрупп в тыл противника: переход линии фронта пешим порядком (зимой – на лыжах); десантирование с транспортных самолетов с использованием самолетов фронтовой авиации; переправа за линию фронта водным путем на катерах Онежской (Шала) и Ладожской флотилий.

До переброски групп через линию фронта (в основном использовался Свирский участок фронта) через сотрудников особых отделов достигалась договоренность с военными о времени и пункте пропуска, организации ложной «активности» их разведки на переднем крае обороны, паролях для обратного выхода. Однако при использовании этого способа переброски бойцов (всего было осуществлено 26 «ходок») случались и «накладки», когда возвращающихся разведчиков НКВД встречали военные контрразведчики и допрашивали их с пристрастием как вражеских шпионов.

При выброске с двухместного самолета (29 «ходок») выбирался край большого болота, летчики наблюдали за раскрытием всех парашютов, о чем по возвращению на аэродромы (использовались аэродромы Сегежа, Сосновец, Водлозеро Карелии и Алеховщина Ленинградской области) докладывали сопровождавшему группу сотруднику НКВД. Безопасность этого способа по сравнению с первым была выше, так как разведчики реже попадали в финские засады. Однако были случаи, когда некоторые парашюты не раскрывались и бойцы гибли, так и не приступив к выполнению задания.

При выброске катерами (23 «ходки») последние не доходили до берега несколько сотен метров, бойцы высаживались в резиновые лодки, которые они затем утапливали камнями или маскировали, а весла прятали в лесу.

Несмотря на то что на Карельском фронте не было сплошной линии фронта, стыки оборонительных рубежей тщательно охранялись финскими караулами и патрулями, минировались дороги, тропы и дома, использовалась светоракетная сигнализация [22]. Поэтому разведчикам в суровых климатических условиях Карелии приходилось в длительных походах преодолевать бездорожье, многочисленные озера и реки.

Анализ документальных материалов, прежде всего архивных источников, которые сравнительно недавно были рассекречены и стали доступны исследователям, позволяет выделить три основных этапа в деятельности разведывательно-диверсионных групп 4-го отдела НКВД-НКГБ КФССР в период военных действий на Карельском фронте: первый этап – вторая половина 1941 г. – начало 1942 г. – решение чисто боевых и диверсионных задач в начальный период войны; второй этап – массовая заброска спецгрупп в 1942 г. при недостатке опыта и информации об обстановке на оккупированной финнами территории Карелии; третий этап – более эффективная работа в 1943–1944 гг. по добыванию информации о военных и административных органах противника и проведению диверсионных операций.

Первый период разведдеятельности 4-го отдела стал наиболее трудным, так как многое приходилось начинать с «нуля»: заново выяснять наличие на оккупированной территории агентуры и преданных советской власти людей; выявлять и привлекать к работе лиц, располагавших надежными связями в тылу противника, а таких лиц по обе стороны фронта было не так и много [23]. При этом приходилось учитывать, что на оккупированной финнами территории Карелии остались в основном женщины, старики и дети, использование которых в оперативных целях было достаточно проблематично [24].

На организации работы сказывался также жесткий полицейский режим, установленный финскими оккупантами: в г. Петрозаводске практически все русское население было заключено в лагеря; в деревнях оккупированной Карелии в каждом доме имелся список проживающих; населению выдавались специальные паспорта; с 21.00 вводился комендантский час; разрешение на перемещение между деревнями выдавалось только старостами. По ночам выставлялись караулы, регулярно проводились облавы с собаками. В зимнее время вокруг деревень прокладывалась контрольная лыжня, велось наблюдение с самолетов.

Наряду с политикой заигрывания с национальным населением (к ним относились финны, карелы, вепсы) финские оккупационные власти принимали суровые меры к лицам, заподозренным в оказании помощи партизанам и разведчикам: их заключали в тюрьмы, судили и часто расстреливали прямо на глазах у односельчан. Это не могло не сказываться на населении, оказавшемся на оккупированной финнами территории Карелии.

До перелома в ходе войны многие местные жители боялись встреч с партизанами и разведчиками, отказывались принимать их и давать какую-либо информацию. Как правило, в состав разведгрупп включали бойцов, которые имели родственников на оккупированной территории. Но когда разведчики шли на встречу с родственниками, часто слышали: «Уходи, а не то нас убьют». Имелись случаи предательства как среди местных жителей, так и среди самих разведчиков, которые после уговоров родных сдавались финским оккупационным властям.

В связи с такими случаями в «Инструкции для разведчиков» говорилось: «Вопросы конспирации должны быть в центре внимания, так как от них зависит успех выполнения задания. Вы должны быть осторожны на каждом шагу, но осторожность не должна переходить в трусость, ибо трусость, паникерство несовместимы со званием советского разведчика. Всякая попытка идти на сделку с врагом является предательством интересов Родины, советского народа и покроет имя труса величайшим позором. Оружие применяется в крайнем случае, стремясь вырваться или покончить с врагом».

У финнов не хватало совершенных радиопеленгаторов, поэтому точно определить место расположения разведчиков они могли не всегда, радисты попадали в плен чаще в ходе облав или из-за предательства. На случай захвата разведчиков финскими властями, как вариант, предусматривалось «согласие на сотрудничество», но без выдачи товарищей и существа задания. Необходимо было говорить, что о задании знает только командир. Предусматривался вариант и радиоигр, когда разведчик, попавший в плен, «передавал информацию» под контролем финнов, но должен был подать условный сигнал, что работает под диктовку.

Так, 4 апреля 1944 года самолетом на территорию Финляндии в район Суомуссалми была заброшена группа «Соседи» в составе Андрея Иевлевича Юнтунена, Эссы Омеевича Кемпайнена и Рейно Ласеевича Пехтконена с задачей собрать данные о деятельности Суомуссалминского пункта финской разведки и его агентуры. 16 апреля группа была захвачена финнами, которые попытались начать радиоигру с советскими органами безопасности. Однако их планы не осуществились: 19 апреля радист «Рае» дал сигнал, что работает под диктовку противника. Началась очередная радиоигра с финской разведкой, которая длилась около 2-х месяцев. В ходе расследования было установлено, что 16 апреля группа пошла на хутор к родственникам агента «Корпи». При попытке установления с ними связи последние выдали группу противнику [25].

Однако это происходило не всегда. Радиоигры в период войны проводила и финская сторона. Так, 10 марта 1944 года на территорию оккупированного Пряжинского района Карелии была заброшена группа «Приятели». Как стало известно уже после освобождения Петрозаводска в конце июня 1944 года, группа провалилась, разведчики были арестованы и содержались в Петрозаводской тюрьме. Финская сторона провела радиоигру с НКГБ КФССР. С 30 марта по 21 июня 1944 года радист группы «Приятели» работал под диктовку противника, передавая дезинформацию о деятельности Петрозаводской школы финской разведки, при этом он не дал никаких условных сигналов [26].

Как правило, за месяц до выхода на задание, отобранные в группу заброски разведчики выводились в изолированные пункты (Сегежа, Руйга, Летний и др.), где под руководством оперработника проходили совместную подготовку по специальным планам, согласованным с НКГБ СССР (в отдельных случаях в них вносились существенные коррективы). Отрабатывалось задание, легенда каждого разведчика (на случай захвата – «шли как военная разведка»), при необходимости изготовлялись документы на вымышленные фамилии, изучалась обстановка в районе действия (маршруты движения, схемы, расположение домов, списки жителей, рекомендательные письма, пароли для связи), совершались тренировочные походы и сеансы радиосвязи.

Добытая военная информация передавалась в разведотдел штаба Карельского фронта, оперативная – в отделы НКГБ, которые осуществляли «разработку» граждан, подозреваемых в шпионаже или антисоветской деятельности.

Для направления в тыл противника разведгруппы комплектовались из 2–3 чел., реже – 5–6 чел., хорошо знавших район действий, располагавших там связями, владевших финским или карельским языками. Всего за три года войны, как следует из архивных данных, было направлено 145 разведчиков.

Первой успешно проведенной операцией стала заброска в январе 1942 года группы «Табор» в Заонежский район. Группа состояла из 3-х цыган (старик с женой и их невестка), которые на лошади, запряженной в сани, по льду Онежского озера достигли Большого Клименецкого острова, в течение недели объехали много деревень и собрали подробную информацию о дислокации и численности финских гарнизонов, об обстановке на оккупированной территории. Эта дерзкая операция окончилась успешно лишь потому, что в первое время финны не создали в районе жесткого режима. Но после разгрома партизанской бригадой, направленной вскоре в Заонежский район, девяти финских гарнизонов противник принял ответные меры: население с восточного побережья было переселено либо в глубь территории Заонежья, либо направлено в лагеря г. Петрозаводска, передвижение между деревнями было строго ограничено. На войне «учились» обе стороны.

Успешно действовала в тылу противника группа «Косачи» в составе Евгения Ильича Меккелева, Николая Ивановича Филатова и Бориса Павловича Балина. Она была заброшена 9 сентября 1942 года на территорию оккупированного Сегозерского района и имела задание добыть сведения о г. Медвежьегорске и его окрестностях, о положении местного населения и войсковых частей финнов в этом районе. Разведчики находились в тылу противника 18 дней, получив ценную информацию. В районе Кяппесельга группа была обнаружена финнами, которые стали преследовать разведчиков, намереваясь взять их живыми. Однако разведчики оказали сопротивление, уничтожили 4-х финских солдат и оторвались от преследования. В общей сложности группа прошла по тылам финских войск 350 км, последние 7 дней, когда закончились продукты, разведчики питались грибами и ягодами [27]. Следует отметить, что в начальный период войны таких примеров эффективной деятельности разведывательно-диверсионных групп в тылу финских войск было немного.

Второй этап – 1942 год – характеризуется массовой заброской спецгрупп в тыл финских войск. Однако большинство разведгрупп возвратилось, не выполнив задания, а половина из них попала в плен. Основной причиной неудач явились слабые знания оперативными работниками местной обстановки, недостатки в подготовке разведчиков, имелись факты предательства как среди местных жителей, так и среди самих разведчиков.

Группа «Боевики» в составе Мянду и Егоровой 13 октября 1942 году катерами была переброшена в Петрозаводск с задачей установить судьбу ранее переброшенных агентов, вербовки новых, а также сбора разведданных. Группа не выполнила задание, была пленена финнами во время переправы. Мянду пошел на сотрудничество с финнами (он был позднее увезен в Финляндию и его судьба неизвестна), а Егорова сидела в финской тюрьме и вернулась в СССР после репатриации [28]. Спецгруппа (арх. № 598) в количестве 8 человек под командованием Бориса Александровича Минина 7 сентября 1942 года была переброшена в район дер. Ялгуба Прионежского района с задачей сопроводить агента «Птицина» в Петрозаводск и разгромить финскую комендатуру в пос. Соломенное (пригород Петрозаводска). По данным агента «Птицина» радист группы сдался в плен финнам и выдал всю группу [29].

Многие спецгруппы НКВД КФССР, заброшенные в тыл финских войск в 1942 года, пропали без вести. Так, группа «Супруги» в составе Ивана Георгиевича Липпонена и Марии Александровны Алтуховой в апреле 1942 года на лыжах была направлена на оккупированную территорию Заонежского района с задачей сбора разведданных. С момента выброски группы о ней не было никаких известий. То же произошло и с группой «Товарищи» в составе Сергея Петровича Федорова и Ивана Михайловича Трофимова, заброшенной на территорию этого же района 27 декабря 1942 года с задачей установить связь с оставшейся там агентурой, провести вербовку новых агентов и собрать разведывательную информацию. Группа пропала без вести [30]. Спецгруппа «Гранит» в составе Михаила Гавриловича Трантина, Ивана Федоровича Белоусова и Пиджаковой 26 апреля 1942 года была заброшена на оккупированную территорию Шелтозерского района. С момента выброски группы никаких данных о ней в центре не имелось [31]. Как выяснилось позднее, группа разведчиков была выдана Пиджаковой [32].

Группа «Лесогвардейцы» в составе Кости Вильберга, Отто Пакаринена, Юхо Ахья, Кале Хершансона и Пекки Онтуева 12 августа 1942 года была заброшена в Финляндию с задачей установить связь с дезертирами финской армии, которых называли «лесогвардейцы», с последующей организацией их в отряд для проведения диверсионной деятельности в тылу финских войск. Разведчики в течение 30 дней находились на территории Финляндии, но задание не выполнили. Местные жители пытались задержать группу. В перестрелке был легко ранен К. Вильберг, и группа возвратилась обратно. 14 сентября 1942 года эта же группа, имея то же задание, вторично была заброшена самолетом на территорию Финляндии. Связь с ней не была установлена, и судьба группы не известна [33].

Анализ неудовлетворительной деятельности разведывательно-диверсионных групп был проведен на совещании в НКВД КФССР в ноябре 1942 года. На нем отмечалось, что многие работники 4-го отдела разведработой ранее не занимались, поэтому допускали «роковые ошибки». Была проанализирована практика работы в 1942 году, выработаны новые принципы и система подготовки разведкадров. В марте 1943 года уже отмечались некоторые положи-

тельные сдвиги, хотя все же требовалось улучшить работу переправочного пункта.

По мере накопления опыта, более глубокого и тщательного изучения обстановки на оккупированной финскими войсками территории Карелии росла и эффективность проводимых в 1943–1944 годах мероприятий. Изменилось и отношение местного населения, которое в большинстве случаев уже шло навстречу разведчикам. Об этом свидетельствует и финский генеральный штаб, который в своем документе от 17 марта 1944 года «Тактические и другие сведения о противнике» констатировал: «Несмотря на успешные действия наших частей против партизан (финны имели в виду и разведчиков. – С. В.), не везде правильно понимается необходимость готовности для отражения их действий, не говоря уже о гражданском населении…» [34].

В качестве успешной деятельности в Заонежском районе можно привести примеры выполнения заданий в январе, а затем в октябре 1943 года разведгруппами «Овод» и «Мстители». Разведчики разгромили штабы в деревнях Лонгасы и Ламбасручей, уничтожили 4 сотрудников Военного Управления Восточной Карелии, 3 полицейских и 14 солдат, захватили штабные документы. Но и со стороны разведчиков в последнем бою погибло 5 человек.

Финны установили, что в этих операциях принимал участие отважный разведчик Алексей Михайлович Орлов, на розыск которого были мобилизованы значительные силы финской контрразведки, в том числе предатели из местного населения. Финским солдатам за поимку Орлова было обещано вознаграждение и отпуск домой. Но разведчик был неуловим: за время войны он совершил 11 походов в тыл врага и действовал там по нескольку месяцев.

Можно привести примеры успешной деятельности разведывательно-диверсионных групп в 1943–1944 годах и в других районах Карелии, оккупированных финскими войсками.

После длительной подготовки в августе 1943 года на территорию Шелтозерского района 4-м отделом НКВД КФССР была переброшена агентурная группа «Аврора» (другое название – агентурная группа «База № 2»), которая, потеряв радистов, соединилась с подпольной группой Д. М. Горбачева и до апреля 1944 года активно действовала по сбору разведданных об оборонительных сооружениях на западном побережье Онежского озера и на Свирском участке фронта.

В своей работе разведчики опирались на старосту д. Горное Шелтозеро Дмитрия Егоровича Тучина и на актив из числа молодежи. Связь с Тучиным была установлена 24 августа 1943 года. Староста оказывал существенную помощь группе: без него вряд ли удалось бы разведчикам пробыть так долго и так успешно действовать на оккупированной территории Шелтозерского района. Группа нелегально проживала в доме Тучина, а с наступлением холодов разведчики выстроили землянку в лесу, подальше от деревни. По заданию группы Тучин собирал разведывательные данные как по району, так и по Петрозаводску, куда выезжал по служебным делам [35].

О деятельности разведывательно-диверсионной группы «Аврора» 4-й отдел НКГБ КФССР регулярно докладывал народному комиссару госбезопасности СССР В. И. Меркулову и начальнику 4-го управления НКВД-НКГБ СССР П. А. Судоплатову [36]. В центральном аппарате НКВД СССР высоко оценивали работу этой агентурной группы. Возможности Тучина заинтересовали 4-е управление, готовившее мероприятие по ликвидации начальника штаба Военного Управления Восточной Карелии [37].

Именно поэтому 24 мая 1944 года начальник 4-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности П. А. Судоплатов и заместитель начальника 1-го отдела 4-го управления НКГБ СССР полковник госбезопасности Б. А. Рыбкин [38] направили наркому госбезопасности КФССР А. М. Кузнецову [39] указание (№ 4/1/3894) о ликвидации начальника штаба Военного Управления Восточной Карелии генерал-майора Й. В. Араюри [40] и предложили свой план с использованием Тучина. Выбор последнего Москва обосновывала по ряду причин: во-первых, он как староста пользовался доверием у врага, мог свободно ездить в Петрозаводск, где имел знакомых; во-вторых, по своему положению мог найти предлог для посещения здания штаба Араюри, чтобы познакомиться с расположением служебных помещений, системой охраны, обслуживающим персоналом; в-третьих, как бывший комендант домов СНК КФССР, наверняка мог иметь знакомых среди обслуживающего персонала здания штаба Араюри [41].

Планом также предусматривалось среди обслуживающего персонала завербовать человека, через которого установить точное расположение служебного и личного помещения Араюри, его образ жизни и т. д. для разработки соответствующего плана. При этом П. А. Судоплатов и Б. А. Рыбкин не настаивали на своих предложениях, а давали возможность НКГБ КФССР проявить инициативу по ликвидации Араюри: «Если у вас имеются другие возможности в Петрозаводске для выполнения вышеуказанной операции без привлечения Тучина, то можно будет провести эту разработку иным путем», – и просили сообщить свои соображения по существу данного дела» [42].

Известный карельский специалист по истории спецслужб Э. П. Лайдинен в этой связи пишет: «Встает вопрос, зачем надо было ликвидировать И. В. Араюри ? Конец войны очевиден. С 1943 г. финская сторона зондировала возможность выхода из войны. В 1944 году начались переговоры. Однако 19 апреля 1944 года Финляндия отклонила советские условия перемирия и переговоры прекратились. Противодействие политике войны вступило в новую фазу. У насе-

ления Финляндии и в армии нарастали открытость суждении и действий в пользу мира, а среди политической оппозиции правительственному курсу усилилась решимость добиться выхода страны из войны путем установления прямых контактов с Советским Союзом. Полагаю, что СССР в полной мере владел обстановкой в Финляндии и прикладывал все силы для вывода Финляндии из войны. Однако ситуация после прекращения переговоров изменилась. Это, вероятно, одна из причин намерения ликвидации руководителя ВУВК, преследовавшая следующие цели: надавить на неуступчивых финнов, запугать руководство Финляндии, сделать его сговорчивее и заставить пойти на переговоры и выход из войны» [43].

На наш взгляд, можно согласиться с точкой зрения Э. П. Лайдинена, который, анализируя данный вопрос, отмечает, что, вероятно, на отдачу подобного приказа во многом повлиял пример известного боевика 4-го Управления НКГБ СССР Н. Н. Кузнецова, который в 1943 году провел несколько успешных террористических актов в отношении германского руководства на оккупированной Украине: расстрелял имперского советника Ганса Гелля и его адъютанта, заместителя гауляйтера Украины Эриха Коха, генерала Германа Кнута, ликвидировал президента верховного суда А. Функа; похитил и вывез из Ровно командующего карательными войсками на Украине генерала фон Ильгена, были и другие эксцессы [44].

И далее он добавляет: «Однако покушение на руководителя Военного управления Восточной Карелии так и не состоялось, да и не могло состояться по ряду причин. Во-первых, приказ на ликвидацию Араюри поступил в секретариат НКГБ КФССР (Беломорск) только 24 июня 1944 года. В то время как финские войска уже 17 июня приступили к всеобщей эвакуации из Петрозаводска и рано утром 28 июня последние финские солдаты покинули Петрозаводск, а в 10 часов утра того же дня передовые отряды Онежской военной флотилии в рамках Свирско–Петрозаводской операции (21.6–9.8.1944) высадились в город. Во-вторых, НКГБ КФССР не располагал точными сведениями о положении в оккупированном Петрозаводске. Так, генерал-майор Й. В. Араюри еще в августе 1943 года покинул Петрозаводск и вместо него начальником ВУВК был назначен бывший начальник Олонецкого округа полковник Олли Палохеймо, который находился на указанной должности вплоть до окончания оккупации Петрозаводска. В-третьих, 4-й отдел НКГБ КФССР не располагал возможностями для выполнения вышеуказанного приказа вследствие отсутствия у НКВД-НКГБ КФССР опыта проведения подобных террористических операций, опытных кадров из числа сотрудников и агентуры, необходимой подготовки» [45].

Несмотря на неудачу в вопросе ликвидации начальника штаба ВУВК генерал-майора Араюри, которая, на наш взгляд, была вызвана объективными обстоятельствами, в целом деятельность агентурной группы «Аврора» на оккупированной территории Шелтозерского района в 1943–1944 годах следует признать весьма результативной.

Что касается Д. Е. Тучина, то в карельской литературе он признан одним из главных лиц, которые сотрудничали с советскими разведчиками в период войны на территории оккупированного Шелтозерского района. Тучин в течение длительного времени укрывал и помогал получать информацию группе разведчиков и подпольному Шелтозерскому райкому партии во главе с Д. М. Горбачевым [46]. Он стал одним из героев известной повести О. Н. Тихонова «Операция в зоне «Вакуум».

Вместе с тем, по архивным документам финских оккупационных властей, Д. Е. Тучин являлся одним из самых лояльных сторонников финского режима, оказывал всевозможную помощь властям. В составе группы старост из оккупированных районов Карелии в 1942 году он ездил в Финляндию, встречался с президентом Рюти и главнокомандующим Маннергеймом [47]. Тучин был одним из тех старост, которые до самого последнего момента пребывания финнов на территории Шелтозерского района агитировал местное население на эвакуацию в Финляндию. Он был награжден финской медалью за помощь в поимке десанта.

Не следует забывать и тот факт, что Д. Тучин пошел на контакты с советскими разведчиками и подпольщиками только в августе 1943 года, когда уже наметился явный перелом в войне и было ясно, что планы Финляндии по присоединению к ней Восточной Карелии провалились. Тучин, будучи умным человеком, не мог не задумываться о том, что ждет его, как старосту и представителя финской администрации в Шелтозерском районе, после освобождения района советскими войсками от финской оккупации.

Весьма странной выглядит сама смерть Д. Е. Тучина. Он трагически погиб сразу после окончания войны – летом 1945 года, работая в должности зам. председателя Суоярвского райисполкома: вывалился из кузова грузовой машины прямо под колесо. Все это наводит на мысль о том, что Д. Е. Тучин вполне мог быть двойным агентом, который слишком много знал о тайнах как советской, так и финской разведок, и был устранен сотрудниками НКВД КФССР. Это является только предположением автора статьи.

Примерно ту же мысль проводит финляндский исследователь Х. Сеппеля, который пишет: «Шелтозерский комендант капитан Лаури Орисля в июле (имеется в виду в 1944 году. – С. В.) в отчете об эвакуации писал, что местное население соблюдало спокойствие, но «…к сожалению, один инцидент все же произошел. Староста деревни Миенкюля (Горнее Шелтозеро. – Ред.) Мийтро Пилвехинен или Тучин, который очень усердно помогал нашему руководству и награж-

ден медалью за помощь в поимке десанта, попросился с нами в Финляндию. Но его истеричная жена не согласилась на переезд, а Пилвехинен в одиночку не согласился уехать. После этого, чтобы как-то оправдать себя в глазах русских, он организовал из местного населения «шайку», задачей которой было противодействовать финнам». Далее Орисля рассказывает, что «шайка» застрелила одного полицейского. При преследовании ее двое были задержаны, а самого Пилвехинена поймать не удалось. Орисля никак не верил, что Пилвехинен мог быть агентом, настолько он был старательным» [48].

И далее Х. Сеппеля отмечает: «Лейтенант Монтонен хорошо знал Пилвехинена по работе в Военном управлении и допускал, что в самом конце он мог организовать какое-то сопротивление, но поначалу вызывал полное доверие… В списках партизанских отрядов нет упоминаний о создании партизанских отрядов в Шелтозере и Сегозере в конце войны. Судя по всему, в Шелтозере все же работала подпольная группа. *Тучин-Пилвехинен искусно служил двум хозяевам* (выделено автором статьи) и поддерживал подпольную группу в Шелтозере» [49].

Необходимо отметить успешную деятельность и других разведывательно-диверсионных групп НКВД КФССР в тылу финских войск на заключительном этапе военных действий на Карельском фронте. Так, в сентябре 1943 года разведгруппа «Парус» заминировала ж.д. полотно на важном участке Кировской ж.д. между станциями Медгора и Кондопога, в результате 2 воинских эшелона финнов были пущены под откос. В мае 1944 года группа «Мстители», находившаяся в тылу противника в Кондопожском районе, приняла на свою базу 17 партизан, которые в ходе активных боевых действий уничтожили 12 военных автомашин, перерезали основную коммуникацию Медвежьегорской группы войск противника. Разведчиками этой группы был захвачен и доставлен за линию фронта сотрудник финской контрразведки, переводчик охранного отделения штаба главной квартиры финской армии лейтенант Павлов. По его показаниям было арестовано 18 человек агентуры и полиции из числа местных жителей, вставших на путь сотрудничества с финскими властями, получены ценные данные о работе финских контрразведывательных органов [50].

В мае–июне 1944 года (до самого освобождения) в Ведлозерском районе активно действовала группа «Дублеры». Через родственников и местных патриотов, в том числе старост ряда деревень, разведчики собирали ценные сведения о строительстве финнами оборонительных рубежей, прибытии дополнительных сил (в д. Салминица был установлен отряд из 250 шведов), интенсивности перевозки грузов, которые немедленно передавались в разведотдел штаба Карельского фронта. Аналогично работала в Сегозерье группа «Лесники».

Однако и на третьем, более успешном, этапе деятельности разведгрупп НКВД КФССР (1943–1944 гг.) допускались ошибки и недостатки предшествующих периодов, имелись факты предательства и трусости.

Группа «Земляки» 18 августа 1943 года самолетом была переброшена в Олонецкий район с задачей связаться с оставшейся там агентурой, организовать базу и собрать разведывательные данные. Группа не выполнила задание, была предана одним из разведчиков – Леонтьевым (после войны он был осужден на 20 лет) [51]. На территорию этого же района 27 октября 1943 года самолетом была заброшена группа «Южные» в составе Кайпанена, Кошкина и Пешеходовой. Из-за предательства Пешеходовой группа была захвачена финнами, не выполнив задание. Унто Петрович Кайпанен и Николай Васильевич Кошкин по приговору финского суда были расстреляны. Пешеходова по репатриации вернулась после войны в СССР и была осуждена на 20 лет [52].

В апреле 1944 года на оккупированную территорию Прионежского района самолетом была выброшена группа «Боевики» в составе Виктора Павловича Петрова, Михаила Васильевича Попова, Унто Петровича Хакканена, Сергея Егоровича Алексеева с задачей создать базу на территории района для проведения диверсионной работы. Группа не выполнила задание: из-за предательства Ивановой, также входившей в состав группы, все разведчики были обнаружены и убиты. Иванова после войны была арестована и осуждена советским судом [53].

Как показывает анализ архивных документов, многие спецгруппы НКВД КФССР не выполняли задание вследствие нерешительности или трусости разведчиков. Так, спецгруппа «Сокол» в составе Серова и Филатова зимой 1943 года дважды направлялась на оккупированную территорию Заонежского района с задачей завербовать родственника Филатова и собрать разведданные. В обоих случаях группа доходила до берега противника, но из-за трусости и нерешительности на берег не выходила и возвращалась обратно. Группа «Лесники» в составе Дорофеева и Тукачева 18 мая 1944 года самолетом была переброшена в тыл противника на территорию Сегозерского района с целью сбора разведданных. Группа находилась за линией фронта 40 дней и по рации передала некоторые сведения о противнике. Но действовала очень нерешительно, больше сидела в лесу, хотя финские части уже начали отступление. Только по радиограмме из центра группа вышла из леса и явилась в райотделение, когда район был освобожден от финнов и уже действовали советские органы []54].

Группа «Разведчики» в составе Лаукканена, Артукова и Семенова 4 апреля 1944 года была десантирована в тыл противника на территорию Калевальского района с задачей разведки гарнизонов финских войск и движения транс-

порта по дороге Юнтусранта-Войница. Группа не выполнила задание: Лаукканен разбился при приземлении (не раскрылся парашют), а Артуков и Семенов находились в тылу более 6 месяцев, сидели в лесу, никаких данных не собрали и вышли из леса спустя 3 месяца после окончания военных действий на севере Карелии [55]. Группа «Торпеда» в составе Романова и Гридиной 19 мая 1944 года самолетом была выброшена на территорию Олонецкого района с целью сбора данных о противнике. Однако разведчики не выполнили задание, до 28 июня 1944 года скрывались в лесу, не собрав никаких данных, а когда финны покинули территорию района – вышли из леса [56].

Разведывательно-диверсионной деятельности органов НКВД Карелии на Севере в период военных действий 1941–1944 годов противостояли серьезные противники – финская и немецкие разведки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Продолжение статьи будет опубликовано в следующем номере.
2. Воробьев Н. и др. Ухожу на задание. Док. очерки. Петрозаводск, 1974; Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1975; Бацер И. и др. Позывные из ночи. Док. повесть. Петрозаводск, 1977; Тихонов О. Операция в зоне «Вакуум». Док. повесть. Петрозаводск, 1979; Журавлев и др. Чекисты Карелии. Док. очерки. Петрозаводск, 1982; Яровой А. и др. Дублеры. Док. повесть. Петрозаводск, 1984; Тигушкин А.и др. Чекисты Карелии. Док. очерки. Петрозаводск, 1986; .Богданов А. и др. Чекисты Карельского фронта. Док. очерки. Петрозаводск, 1988.
3. Авдеев С. С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941–1944 гг.) // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). Петрозаводск, 2001. С. 9–22.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн.1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000. С. 136–138, 161–165, 343.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн.1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000. С.186; Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 2003. С. 197.
6. Погоний Я. Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 230.
7. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по РК (далее – Архив УФСБ РФ по РК). ФСДП. Оп.1. П.102. Л. 250–251.
8. Там же. С. 241.
9. Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП. Оп.1. Д. 302. Л. 2.
10. Архив УФСБ РФ по РК. ФСДП. Оп.1. Д. 302. Л. 2; Литер. дело 9. Л. 30.
11. Архив УФСБ РФ по РК. Литер. дело 9. Л. 117.
12. Там же. Литер. дело 10. Л. 38, 39.
13. Там же. Л. 181.
14. Там же. Литер. дело 9. Л. 212.
15. Архив УФСБ. Литер. дело 9. Л. 164.
16. Там же. Ф. 2. Д. 95. Л. 153.
17. Там же. Литер. дело 9. Л. 29, 205.
18. Там же. Л. 246.
19. Архив УФСБ РФ по РК. ФДОУ. Д. 9. Т.1. Л. 50.
20. Там же. ФЛД. Д. 10. Т. 1. Ч. 3. Л. 1–2.
21. Там же. Ф. 2. Д. 93. Л. 25.
22. Карельский фронт в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 111, 164, 172.
23. По обе стороны Карельского фронта: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 267, 411.
24. Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999. С. 48, 52, 61, 62.
25. Архив УФСБ РФ по РК. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 23, 24.
26. Архив УФСБ. Ф. КРО. Оп.1. Д. 95. Л. 111–113.
27. Архив УФСБ РФ по РК. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 4.
28. Архив УФСБ РФ по РК. ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 11.
29. Там же. Л. 17.
30. Там же. Л. 12, 20.
31. Там же. Л. 17.
32. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп.1. П. 98, 351.
33. Там же. Л. 20.
34. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2. Д. 95. Л. 136.
35. Там же. Ф. КРО. Оп. 1. П. 95. Л. 26–40.
36. Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), комиссар госбезопасности. С 1925 г. работал в органах ОГПУ-НКВД-НКГБ, один из руководителей советской внешней разведки, специалист по террору. В 1938 г. в Роттердаме (Нидерланды) ликвидировал лидера украинских националистов Е. Коновальца, в 1939–1940 гг. руководил подготовкой операции «Утка» по ликвидации Л. Д. Троцкого. С января 1942 г. начальник 4-го отдела НКВД-НКГБ СССР. Руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в ближнем и дальнем тылу противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и ее союзников.
37. Там же. Ф.2. Д. 95. Л. 144.
38. Рыбкин Борис Аркадьевич, он же Ярцев Борис Николаевич, настоящая фамилия Рывкин Борух Аронович (1899–1947), с сентября 1935 г. под псевдонимом «Кин» работал в качестве легального резидента ИНО НКВД в Хельсинки, в 1939–1940 гг. – начальник 6-го, 8-го отделений 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с 1941 по 1945 гг. – начальник 4-го отдела 1-го управления НКГБ СССР, резидент в Стокгольме, зам. начальника 1-го отдела 4-го управления НКГБ СССР, полковник госбезопасности.
39. Кузнецов Андрей Михайлович (4.11.1901–23.11.1971). С 31 июля 1943 по 10 сентября 1950 гг. – нарком, министр госбезопасности КФССР.

40. Араюри Йохан Виктор, генерал-майор, в период с июня 1942 по август 1943 г. – начальник штаба Военного управления Восточной Карелии.
41. Лайдинен Э. П. НКВД-НКГБ против генерала Араюра (террор НКВД-НКГБ КФССР в годы Великой Отечественной войны) // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии. Материалы 2 Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения известного музейного деятеля и краеведа Северного Приладожья Т. А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы (11–13 июня 2007 г., Сортавала). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 139–140.
42. Там же. С. 140.
43. Там же. С. 140.
44. Там же. С. 141.
45. Там же. С. 141.
46. См.: Афанасьева А. И., Бутвило А. И., Вавулинская Л. И. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 640–641.
47. Архив УФСБ. ФСДП. Оп.1. Д. 117. Л. 64.
48. Сеппеля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 125.
49. Там же. С. 125.
50. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп.1. П. 95. Л. 119.
51. Архив УФСБ. ФСДП. Оп.1. Д. 302. Л. 10.
52. Там же. Л. 21.
53. Там же. Л. 23.
54. Там же. Л. 9, 12.
55. Там же. Л. 21.
56. Там же. Л. 23

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ИСТОРИЯ 2008

УДК 281.2

МИХАИЛ ИСААКОВИЧ БАЦЕР
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ПетрГУ, исторический факультет, международный научно-образовательный центр по истории и культуре Европейского Севера ПетрГУ
recenter@psu.karelia.ru

ОЛОНЕЦКАЯ ЕПАРХИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЖИЗНЬ ДУХОВЕНСТВА [1]

В статье показано, что церковь опиралась на поддержку властей и сохраняла господствующие позиции в обществе, пользуясь большими привилегиями. Автор констатирует, что в Петрозаводском уезде церковью проводилась работа, ставящая своей целью сохранить для будущих поколений реликвии прошлого. Проанализирована реакция духовенства на крупные исторические события начала XX века.

Ключевые слова: духовенство, православие, староверие, церковь

Олонецкая епархия была организационно оформлена в 1828 году. Как свидетельствуют дореволюционные источники, эта мера была предпринята в целях усиления борьбы с расколом, имевшим в крае большое распространение. Именно здесь находилась Выгореция, крупнейшее старообрядческое общежительство, на протяжении многих десятилетий являвшееся одним из наиболее важных центров всего русского беспоповщинского раскола. В последующие десятилетия, особенно благодаря деятельности архиепископа Аркадия, авторитет православной церкви в крае резко повысился. И хотя борьба с расколом по-прежнему оставалась одной из главных задач местного духовенства, епархиальная деятельность стала гораздо более многообразной, особенно в конце XIX–начале XX века.

В этой связи нельзя не сказать о точке зрения автора известной работы «История русской церкви» Н. М. Никольского, который полагал, что «эпоха после 1861 г.» явилась для православной церкви «эпохой безысходного кризиса» [2], резко усилившегося, по мнению автора, после царских манифестов 17 апреля и 17 октября 1905 года, даровавших, соответственно, веротерпимость и свободу совести. На самом деле есть основания полагать, что Н. М. Никольский в данном случае преувеличил остроту кризиса русского православия. Церковь по-прежнему опиралась на поддержку официальных властей и сохраняла господствующие позиции в обществе, пользуясь большими привилегиями.

В пользу такого вывода свидетельствует, в частности, вся практическая деятельность Олонецкой епархии в конце XIX–начале XX века. Конечно, в первую очередь речь должна идти о Петрозаводском уезде, который, естественно, являясь центральным в губернии, был и центром церковной организации, средоточием жизни и практической деятельности епархиального духовенства.

Такая роль уезда определялась тем, что здесь находилось руководство епархии и связанные с ним организации, церковные учебные заведения, наиболее крупные храмы, посещаемые не только жителями Петрозаводска, два монастыря.

© Бацер М. И., 2008

Надо принять во внимание, что в уезде было наибольшее количество приходов и 45 церковно-приходских школ, а к 1909 году их число увеличилось до 73-х.

В последней четверти XIX и начале XX века во главе епархии находились епископы Павел Доброхотов (1882–1897 гг.), Назарий Кириллов (1897–1901 гг.), а затем Анастасий (1901–1905 гг.), Михаил (1905–1908 гг.), Никанор (1908–1916 гг.). Каждый из них, конечно, стремился к преемственности и решал традиционные церковные задачи. Но при этом были в их деятельности и особенности, отличавшие одного от другого. Например, вот как характеризовала епископа Назария «Памятная книжка Олонецкой губернии»:

«Своею широкою и разностороннею деятельностью преосв. Назарий оставил по себе имя ревностнейшего архипастыря.

На собранные преосвященным Назарием средства выстроено против собора большое одноэтажное каменное здание (очевидно, здесь и располагался впоследствии названный в честь его основателя Братский Назариевский дом. – М. Б.). Несмотря на бездорожье, Владыка лично побывал почти во всех приходах (имеется в виду вся Олонецкая епархия, в которой только «зараженных» расколом было 139 приходов. – М. Б.), даже в таких, куда еще по сие время летом ведут одни верховые тропы. По распоряжению Владыки начато (с 1 июля 1898 года) издание епархиальных ведомостей, в которых сотрудничали лучшие силы из среды духовенства и учительского персонала» [3].

Предшественником Назария, как сказано выше, был Павел Доброхотов, человек преклонного возраста. Однако именно он отдал руководящие распоряжения по упорядочению хозяйственного управления церковными доходами. Правда, многого в этом деле добиться ему не удалось, так как он «по дряхлости и болезненному состоянию в епархию для обозрения не выезжал, находился неотлучно в Петрозаводске» [4].

На страницах «Олонецких епархиальных ведомостей» публиковались материалы, не только утверждающие православные церковные истины, но и имеющие дискуссионный характер. Печатались здесь даже стихи, правда, исключительно религиозного содержания. Среди постоянных авторов поэтических произведений особенно выделялся количеством публикаций преподаватель Олонецкой духовной семинарии Д. Ягодкин. Из-под его пера вышли, например, такие строки:

Люби, мой друг, от всей души творенье Бога!
Везде в нем есть для счастья светлый уголок.
Везде к нему найдется верная дорога,
Не будь лишь сам от светлых радостей далек.

Смотри на мир Творца ты светлым взором.
Найди во всем ты мудрый, светлый интерес.
Не будь, мой друг, пленен ты низким разговором
Про чудный мир Творца, про мир его чудес! [5]

Конечно, эти стихи нельзя судить по законам высокой поэзии, но они интересны стремлением адресоваться не к работникам епархии, а к их пастве.

Как и повсюду в России, в Петрозаводском уезде церковь вошла во все поры жизни населения. Без нее не могли обойтись ни создание новой семьи, ни рождение ребенка, ни смерть близкого, ни стремление исповедоваться о своей жизни, решить, что праведно, что неправедно. Конечно, не следует идеализировать всю эту деятельность, ведь и священники были разные (что составляет особую страницу в истории епархии). И все же, особенно в дни религиозных праздников, церковь немало делала для того, чтобы проповедовать высокие моральные принципы среди населения всех возрастов.

Вот какую заметку, любопытную во многих отношениях, опубликовали в 1902 году «Олонецкие епархиальные ведомости»:

«3 января в Братском Назарьевском доме был устроен для учащихся всех церковно-приходских школ г. Петрозаводска детский праздник «елка». Праздник был устроен на средства попечителей И. Ф. Тихонова, А. М. Пикина, Н. Н. Румянцева, С. Л. Леонтьева и других жертвователей. Средств понадобилось немало, так как, кроме обычных гостинцев всем детям, которых было около 350 человек, очень многим из них как беднякам были даны весьма существенные подарки вроде платьев, рубашек, сапогов и т. п.

Детский праздник почтили своим посещением Преосвященнейший Владыка Анастасий, г. Управляющий губерниею, Вице-губернатор К. С. Старынкевич, ректор семинарии, г. начальник Олонецких горных заводов И. С. Яхонтов, председатель земской управы И. Г. Лазук, секретарь консистории и многие другие.

Праздник можно считать вполне удавшимся» [6].

Следует подчеркнуть, что и эта елка, как и многое другое, проводимое по инициативе церкви, опиралась на своеобразное меценатство со стороны тех, кто обладал необходимыми средствами и был готов пожертвовать часть из них на доброе дело. Именно в этом смысле приковывает внимание та материальная помощь, которая оказывалась церковно-приходским школам, причем не только со стороны отдельных богатых людей, прежде всего купцов, но и всего земства. Известно, например, что в 1901 году очередное Олонецкое губернское земское собрание ассигновало в качестве пособия на нужды церковно-приходских школ более пяти тысяч рублей. По тем временам это были большие деньги, что особенно существенно, если учесть, что такие ассигнования делались ежегодно. Поэтому совершенно естественно то, что Олонецкий Епархиальный Училищный Совет счел долгом выразить губернскому земскому собранию благодарность за назначение упомянутого пособия церковным школам Олонецкой епархии.

Многое, конечно, зависело и от практической деятельности руководителей епархии. В частности, немало благодарностей было адресовано епископу Мисаилу. В посвященной ему книге «25-летие служения в епископском сане Преосвященного Мисаила, Епископа Олонецкого и Петрозаводского» говорилось: «В нашей Олонецкой епархии Вы епископствуете еще только два года. Но уже в это время Вы успели во время летних поездок ознакомиться со многими приходами, монастырями, с положением духовенства и с религиозно-нравственным состоянием мирян, так что можете судить о состоянии епархии не по одним только бумагам, но и на основании своих личных наблюдений».

И далее: «Но предметом особых попечений Ваших всегда были вдовые, сирые, бедные, голодные и обездоленные судьбой. Вами устроена при Архиерейском доме и отчасти на Ваши средства содержится бесплатная столовая, которая питает всех неимущих, немощных без различия, и о которой здесь засвидетельствовано как о явлении, небывалом в летописях г. Петрозаводска» [7].

Если учесть, что олонецкая миссия Мисаила относится к сложному времени (1905–1908 гг.), то нельзя не отнестись с определенным уважением к этим свидетельствам.

В своей практической деятельности владыки Олонецкой епархии и все их окружение стремились постоянно поддерживать связи со светскими властями, с руководителями горных заводов, с широкими слоями купечества и обеспеченного крестьянства. Это объяснялось не только и не столько тем, что церковь рассчитывала на материальную поддержку и получала ее, но и тем, что таким образом все перечисленные выше привлекались к укреплению связей между церковью и широкими массами населения.

Характернейшим примером служит история организации в 90-е годы так называемого Александро-Свирского братства, которое получило свое название от св. Александра Свирского чудотворца, имя которого носил один из крупнейших монастырей Олонецкой губернии. Чрезвычайно показателен состав Главного совета Александро-Свирского братства, данные о котором относятся к 1902 году. Входившим в совет попечителем братства являлся епископ Олонецкий и Петрозаводский Анастасий, председателем совета братства – ректор семинарии архимандрит Нафанаил. Почетными членами были тогдашние председатель Олонецкой губернской земской управы и председатель Петрозаводского уездного съезда. Членами совета – директор Олонецкой губернской гимназии, управляющий государственными имуществами Олонецкой губернии, губернский врачебный инспектор, губернский архитектор, кафедральный протоиерей – настоятель собора, законодатель и инспектор классов Олонецкого епархиального женского училища, директор народных училищ Олонецкой губернии и ряд представителей церкви. В число почетных членов, кроме того, входили: олонецкий губернатор, действительный статский советник В. А. Левашов, крупнейший петрозаводский предприниматель, потомственный почетный гражданин М. Н. Пикин, пудожский купец М. И. Плоскирев, торгующий крестьянин И. В. Распутин (он же и попечитель братской воскресной школы), торгующий крестьянин М. И. Оленев, олонецкий купец В. Е. Куттуев, пудожский 1-й гильдии купец Н. А. Базегский, лодейнопольский купец И. И. Корнышев и ряд других петрозаводских и вытегорских купцов и торгующих крестьян.

Здесь не приведены имена деятелей церкви, занимавших официальные посты в братстве, и даже архиепископа Ионафана и епископа Назария. Суть этого перечисления фамилий и должностей состоит в том, что состав членов совета непосредственно свидетельствует о стремлении духовенства епархии объединить вокруг себя всех сильных мира сего, на которых можно положиться и от которых можно многого ожидать. А ведь был еще состав так называемых пожизненных членов братства, в числе которых наряду с игуменами – статские советники, камер-юнкеры, купцы…

Организационные мероприятия сочетались с культурно-просветительными, неизменно проводившимися на религиозно-церковной основе. К их числу, прежде всего, надо отнести религиозно-нравственные чтения, проводившиеся с 24 сентября 1900 года по воскресным и праздничным дням. Проходили они в Братском Назариевском доме.

«Выработана была программа религиозно-нравственных чтений, – писал в „Олонецких епархиальных ведомостях“ член комиссии по организации чтений, преподаватель духовной семинарии В. И. Крылов. – Каждое чтение, по постановлению комиссии и с утверждения его преосвященства (Назария. – М. Б.) должно состоять из трех отделений: 1) из объяснения воскресного или праздничного евангельского чтения; 2) из религиозно-нравственного чтения на какую-либо божественную или церковно-историческую тему, причем чтения могли быть и самостоятельного характера, т. е. составленные самими лекторами, и несамостоятельного характера, т. е. чтения по книжке на темы, предложенные или самими лекторами, с разрешения Председателя комиссии и ведома заведующего, или избранные заведующим чтениями (таковым состоял автор цитируемого текста В. И. Крылов. – М. Б.) и 3) из какого-либо поучительного рассказа или стихотворения религиозно-нравственного содержания. Нужно, впрочем, заметить, что намеченная программа не всегда обязательно выполнялась: по разным причинам и по независящим от устроителей чтений обстоятельствам бывали некоторые отступления от намеченной программы – иногда, например, не объяснялось праздничное или воскресное евангелие, а иногда предлагалось чтение исключительно из Отечественной истории.

Всех чтений в отчетном году было 29.

Самостоятельных чтений, т. е. составленных самими лекторами на различные темы религиозно-нравственного содержания, предложено было – 13…»

Далее автор сообщает некоторые подробности: «Чтения сопровождались пением разных церковных песнопений, исполнявшихся некоторое время специально организованным для религиозно-нравственных чтений под руководством В. П. Семенова и Д. П. Островского „Любительским братским хором“… Потом на нескольких чтениях было общее пение всех собравшихся слушателей… Большею же частью пели архиерейский и семинарский хоры певчих и несколько раз хор воспитанниц Епархиального женского училища. Исполнялись преимущественно церковные песнопения, а иногда пелись гимны.

Чтения несомненно имели успех, ибо обширный зал Братского дома был всегда полон, и на многих чтениях так переполнен, что дышать было очень трудно. Но какие чтения более нравились посетителям – трудно с точностью определить. Кажется, с большим вниманием слушались рассказы из разных сборников и производили большее впечатление. При чтении некоторых рассказов, например, „Слезы сиротские вопиют к небу“, и стихотворений, например, „Иоанн Дамаскин“ и других многие из посетителей плакали. Справедливость требует еще отметить, что некоторые из чтений самостоятельного характера слушались с большим интересом, вызывали оживленный обмен мнений» [8].

Здесь не приводится список конкретных чтений, но стоит подчеркнуть, что почти все они носили религиозный характер по тематике, да и литературные произведения, о которых сказано выше – тоже. Однако стоит напомнить, что вызвавшая благодарные слезы слушателей поэма А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» в течение длительного времени была источником непримиримого конфликта между министерством просвещения и Третьим отделением, которое через своих цензоров пыталось ее запретить. Сложность и разнообразие религиозной тематики чтений свидетельствует о том, что вопросы богословия были родной стихией для петрозаводского духовенства, а многочисленность аудитории – об очевидном интересе населения к этому регулярно проводившемуся мероприятию.

Через двадцать два года после организации Братства, в 1914 году вышла книга «Александро-Свирское Братство в 1911–1913 годах», в которой наряду с данными, относящимися к этому периоду, дается характеристика всей деятельности Братства, ставшего формой организации религиозного «актива» епархии. Далее излагаются основные положения его устава: «Александро-Свирское Братство открыто 9 февраля 1892 года. Главным предметом его деятельности на первых порах существования были церковные школы, которые до 1895 года находились даже и в административном заведовании Братства. Вместе с тем, как и тогда, так – особенно – в последующее время – Братство несло заботу о распространении в народе книг и брошюр религиозно-нравственного содержания, об устройстве чтений такого же содержания, о содействии успехам Олонецкой противораскольнической миссии. Но, по-прежнему, значительная часть Братских средств уходила на церковно-школьное дело. В 1908 году при участии тогдашнего Олонецкого Архипастыря, Преосвященнейшего Мисаила, был выработан новый устав, который и введен в действие после бывшего 11 марта 1908 года общего собрания Братства. По нынешнему уставу, у Александро-Свирского Братства главная цель деятельности – религиозно-просветительская. Соответственно этой цели, в круг деятельности Братства входит: 1) устройство внебогослужебных бесед, назидательных чтений для разных классов населения, духовных концертов и народных читален, как непосредственно самим Братством, так и содействие в этом духовенству и школам путем снабжения их книгами, брошюрами, листками и указаниями; 2) содействие миссионерам при обращении заблудших в лоно Православной церкви чрез снабжение их книгами, оказание денежной помощи при устройстве миссионерских курсов и привлечение к миссионерской деятельности ревнителей веры из мирян; 3) устройство складов и распространение чрез книгонош книг, брошюр, икон, крестиков и картин религиозно-нравственного содержания и различных церковно-богослужебных принадлежностей для более удобного приобретения их духовенством и населением; 4) забота о поддержании памятников церковной старины» [9].

Членов Братства было до 850 человек. В него входили все священнослужители епархии, по § 11 устава являвшиеся непременными членами Братства: 394 священника, 103 диакона, 243 псаломщика. Что касается остальных, то их место в системе Братства определялось размерами взноса: 50 рублей для пожизненных членов, 3 рубля для действительных членов и от 50 копеек до 1 рубля для членов-соревнователей. Последние две категории, чтобы сохраниться в членах Братства, должны были повторять свои взносы ежегодно. И вот еще любопытная деталь: членами-соревнователями, оказывается, могли быть лица «неправославного вероисповедания». Конечно, это было не случайно, являлось одним из способов вовлечения их в православие. Все действительные члены Братства по уставу участвуют с правом голоса в общих собраниях и могут быть избираемы в должности по делам Братства.

Изложение было бы неполным без более подробного описания функций Братского Дома, ставшего центром всей общественной практики религиозных кругов. В книге говорится: «С 1900 года Братство имеет в г. Петрозаводске свой дом под названием Назариевского, как устроенный по

мысли и при содействии Высокопреосвященного Назария, Архиепископа Херсонского, в бытность его Епископом на Олонецкой кафедре. Главное назначение этого дома – устройство в нем религиозно-нравственных чтений. Но в то же время он служил и служит многим и другим целям и нуждам. Здесь помещаются библиотеки: епархиальная миссионерская, церковно-учительская, собственно Братская, Карельского Братства, Палестинского общества. Некоторое время в доме была библиотека-читальня гимназического Александро-Невского Братства с канцелярией его и производилось регистрирование учеников гимназии. Тут же, в Братском доме, находятся два музея – церковно-школьный и с предметами Олонецкой церковной старины, в свое время помещались здесь две школы – постоянная и воскресная; устраивались временные педагогические курсы для учащих церковных школ и курсы миссионерские; была художественно-бытовая выставка, устроенная высшим кругом светской интеллигенции; производились выборы в Государственную Думу. – Съезды духовенства, миссионерские, наблюдательские; собрания Епархиального Училищного совета и Петрозаводского Уездного Отделения его (у первого здесь и архив с канцелярией, у второго книжный склад), Совета Александро-Свирского Братства, Карельского Братства, Палестинского Отдела, Миссионерского Комитета и разных светских учреждений и обществ, чтения Попечительства о народной трезвости, палестинские и иные; популярные лекции от Петрозаводского общества распространения образования; концерты гимназические – Александро-Невского братства и разных благотворительных и просветительных учреждений; юбилейные и прощальные чествования; наконец, в последнее время, лекции для полицейских стражников – все это имело и имеет место для себя в Братском доме» [10].

Из приведенного текста видно, что борьба с расколом, хотя и стала менее интенсивной и более гибкой, все еще приковывала к себе внимание официальной церкви. Но появились у нее и новые заботы. Свидетельство этому – книга «25-летие служения в епископском сане Преосвященного Мисаила, Епископа Олонецкого и Петрозаводского», выпущенная в 1908 году. Среди многих заслуг епископа перед православием упоминается и такая, весьма своеобразная: «При Вас, при Вашем полном сочувствии и деятельнейшей поддержке, учреждено Православное Карельское Братство и Вами лично открыто в Петрозаводске Олонецкое отделение его, поставившее себе задачей охранять от врагов православия и русской государственности в Олонецкой епархии целую окраину, ее так называемую Олонецкую Карелию, которой вместе с другими – Финляндской и Архангельской Карелиями – грозит опасность панфинско-лютеранской пропаганды, и утверждать среди православных карел русские церковные и народные начала» [11].

Одним словом, получается так – из беспоповцев в ортодоксальные приверженцы церковной иерархии, из лютеран – в православные. Все это имело место в те годы в России, и особенно в Олонецкой губернии, хотя в большинстве стран Европы в то время уже взяла верх религиозная терпимость. И все же к чести руководителей епархии и, в частности, Мисаила следует отнести то, что в своих стремлениях они руководствовались лишь организационными и пропагандистскими мерами. И хотя отличившимся членам Православного Карельского Братства по указу царя выдавались специальные нагрудные знаки, насилия и принуждения здесь, в основном, не было.

Олонецкая епархия, как, впрочем, и вся русская православная церковь, постоянно направляла свои взгляды к святым местам – Палестине и Иерусалиму – куда систематически выезжали паломники и из Олонецкой губернии. В этой связи уместно привести письмо, адресованное в 1904 году епископу Олонецкому и Петрозаводскому Анастасию дядей царя великим князем Сергеем Александровичем: «Преосвященный Владыко! Считаю приятным долгом выразить Вашему Преосвященству мою глубокую благодарность как за вполне успешное руководительство действиями состоящего под Вашим Архипастырским председательством Олонецкого отдела Палестинского общества в истекшем 1903–1904 году, так и за благопопечительное внимание и сочувствие, с которыми Вы изволили отнестись к Обществу в годину ниспосланного нашей дорогой родине испытания, своевременно приняв меры к производству в 1904 году в церквях вверенной Вам Олонецкой епархии тарелочного сбора на нужды православных в Иерусалиме и Святой Земле» [12].

Чем же объясняется такое внимание великого князя к тем, кто оказывает содействие Палестинскому обществу именно в этот период? Ответ содержится в самом письме, где речь идет о «године ниспосланного нашей дорогой родине испытания». Здесь имеется в виду, конечно, русско-японская война.

Несомненно далеко идущие цели ставились и перед созданным в 1912 году Олонецким Епархиальным историко-археологическим Комитетом, которому предстояло провести большую работу по сбору и сбережению памятников старины, имеющих крупное историческое и художественное значение. Сохранился документ, имеющий прямое отношение к организации этого дела. Речь идет об указе Олонецкой духовной консистории от 28 февраля 1912 года за № 1694, в котором сообщено предложение епископа Никанора от 25 февраля того же года за № 829. В тексте говорится: «В видах прочности и активности Олонецкого епархиального археологического комитета предлагаю пополнить его членами по должности: а) членом Консистории, заведующим строением храмов; б) секретарем

консистории; в) преподавателем литургии; г) смотрителем духовного училища; д) епархиальным наблюдателем церковных школ и е) епархиальным миссионером. 2) В собраниях Комитета, по его приглашению всегда желательны в качестве почетных членов собраний: начальник губернии и его помощник, Преосвященные, Ректор семинарии, кафедральный протоиерей, а также лица, имеющие в своем распоряжении музеи или исторические коллекции, например, настоятели монастырей и пр.» [13].

На собрании Комитета, состоявшемся в Братском Назариевском доме, во исполнение этих пожеланий было признано необходимым «сосредоточить дело регистрации, хранения и описания предметов старины в духовном ведомстве, тем более, что и первоначальное сбережение этих предметов нужно отнести к заслуге духовенства. Преосвященнейший Владыка Никанор заявил, что он лично признал бы целесообразным иметь одно объединенное древлехранилище с двумя отделениями – церковным и гражданским. В виду этого найдено уместным просить подлежащую гражданскую власть о передаче в ведение историко-археологического Комитета имеющихся у нее предметов старины.

За сим разбирался вопрос о регистрации и описании церквей и часовен в Олонецкой епархии и постановлено: 1) просить в этом содействия отцов благочинных, 2) предоставить каждому члену Комитета внести как в это, так и вообще во все археологическое дело свой посильный труд – чрез разного рода услуги, чрез доклады, описания, снимки и проч., располагая полным содействием Комитета; 3) составить особенно подробное описание тех церквей, часовен, крестов, которые стоят на месте бывших Олонецких монастырей, в свое время многочисленных и 4) собравши сначала весь отдельный статистический, исторический и прочий, нужный для археологического дела материал, разобрать, систематизировать и объединить его» [14].

Приведенные выше факты о деятельности комитета, возглавляемого священником Д. Островским, проявившим себя и широтой взглядов, и миссионерской деятельностью, и публицистическими работами (статьи, книги) свидетельствуют о том, что в Петрозаводском уезде церковью проводилась позитивная работа, ставящая целью своей сохранить для будущих поколений реликвии прошлого.

Именно тот же Д. Островский из номера в номер писал в «Олонецких епархиальных ведомостях», как и за счет чего пополнялось и из чего состояло Олонецкое Епархиальное Церковное Древлехранилище. Любопытно, что и тут автор счел возможным возвратиться к теме Выгореции. Он писал: «Из других икон, находящихся в древлехранилище, заслуживают внимания иконы, писанные рукою выговских старообрядческих мастеров. Их имеется до 10-ти. Иконы эти можно назвать образчиками иконописи нашей северной поморской иконописной, к сожалению, старообрядческой школы. Известно, что в Выговском старообрядческом монастыре, бывшем в Повенецком уезде, иконописное дело в XVIII в. было в цветущем состоянии. Впрочем, Выгореция того времени и во многих других отношениях была выдающимся центром старообрядчества, влияющим не только на Олонецких старообрядцев, но и на старообрядческий мир всей России. Имеющиеся в древлехранилище иконы и являются образчиками работ Выговской иконописной школы. В древлехранилище иконы переданы из кладовой Петрозаводского кафедрального собора, а сюда они попали, надо полагать, в 1854–1855 гг. – в то самое время, когда по Высочайшему повелению закрывались Выговские монастыри, а часть имущества их передана была собору. Иконы принадлежали даниловскому большаку или настоятелю Степану Иванову. Об этом гласит имеющаяся на обороте надпись на бумажной наклейке, сделанная неизвестным составителем описи: «из моленной даниловского большака Степана Иванова». Выговские иконы писаны на досках с выемкою, на каких обычно писали свои иконы древнерусские иконописцы. На некоторые доски наложен холст, затем алебастр и затем уже самое изображение, в большинстве, на позолоченном или желтом (от вохры) фоне. На других досках холста нет, а изображения сделаны прямо на алебастре».

Однако, как бы спохватившись, автор вдруг делает недоказанный вывод о том, что «на основании имеющихся образчиков нельзя сказать, чтобы работы выговских иконописцев отличались художественностью», и противопоставляет им в качестве образца иконы школы Симона Ушакова (XVII в.), которые, в сущности, знаменовали собой кризис и разложение древнерусского искусства посредством усвоения чуждых ему реалистических тенденций. Выговская иконописная школа следовала глубинным традициям древнерусского искусства, традициям Андрея Рублева и Феофана Грека. И, конечно, Д. Островский это понимал, о чем свидетельствуют следующие строки этой публикации: «Но в то же время надо заметить, что работа их (выговцев. – М. Б.), несомненно выше многих работ современных нам владимировцев – разных палеховцев и мстерцев, столь широко распространяющих свои произведения в народе» [15].

Как бы там ни было, Олонецкое Епархиальное Церковное Древлехранилище самим фактом своего существования показывает, что и в 1913 году в Олонецкой епархии стремились бережно хранить реликвии прошлого.

Характерным для руководства епархии было стремление на основе помощи богатых доброхотов (а купцов в Олонии было много) к строительству церквей и других объектов религиозного назначения. Еще архиепископ Игнатий (1828–1842 гг.) ознаменовал свое управление возведением до сорока новых каменных и деревянных

церквей. Активно занимались этим и его поздние преемники. Например, в целое торжество вылилось открытие и освящение церкви в деревне (селе) Ватчела Петрозаводского уезда в 1912 году. Это стало общеепархиальным событием, о чем «Олонецкие епархиальные ведомости» писали так:

«Скоро стало известно, что Владыка днем освящения храма назначает 4 марта и намерен сам прибыть.

3 марта, к 12 ч. дня, в деревню Ватчелу прибыло окружное духовенство из шести приходов… В ожидании Владыки пропеты были некоторые песнопения из чина освящения храма, всенощного бдения и литургии. Около пяти часов вечера послышались колокольчики… показался поезд… духовенство и народ высыпали на улицу встречать Владыку.

Когда тройка сытых, лучших, конечно, лошадей торжественно въехала в деревню и остановилась у предназначенного для Владыки, украшенного национальными флагами дома и Владыка изволил выйти из повозки, духовенство во глазе с о. Благочинным Иоанном Успенским, ученики Вахтозерского министерского училища под управлением г. учителя И. А. Харитонова, дружно и громко пропели „ис-полла“…

Преподав общее благословение, благословив о.о. иереев и облобызав каждого из них, Владыка вступил на крыльцо, где встретил Его хозяин дома, местный церковный староста, крестьянин Василий Назаров и приветствовал его хлебом и солью и низким поклоном.

Войдя в дом, Владыка изволил с дороги выкушать стакан чая и, сделав предварительные к службе распоряжения, велел звонить ко всенощной. Встреченный по обычаю в храме со св. крестом местным священником о. Василием Соколиным и приложившись ко кресту, Владыка прошел чрез царские двери в алтарь. Получив Архипастырское благословение, о. Василий Соколин начал служение всенощной. За порядком службы следил сам Владыка» [16].

Та приподнятость описания, которая характерна для этой заметки, свидетельствует о стремлении показать освящение церкви и присутствие на нем владыки как крупное событие. Надо полагать, что оно и было в тогдашних условиях крупным событием. Новая церковь в деревне! Что же касается таких деталей, казалось бы, не имеющих отношения к делу и носящих прозаический характер, как, например, информация о том, что владыка «выкушал стакан чая», то и это как бы сближало его с повседневной жизнью и бытом приходских крестьян (тем более, что и остановился он в крестьянском доме, к которому, однако, подъехал на звенящей бубенцами тройке «сытых, лучших лошадей»).

Жизнь епархии протекала по определенному, десятилетиями установившемуся порядку, к которому привыкли прихожане, что создавало условия для серьезного влияния церкви на общество. При всем этом происходили события выдающиеся, знаменующие собой новый этап церковной деятельности. Таким этапом в 1912 году было приглашение епархиального владыки просвященнейшего Никанора согласно воле царя в г. Петербург для присутствия на летней сессии Святейшего Синода. Событием это стало в связи с тем, что в последний раз олонецкий владыка получал такое приглашение за полвека до этого. Тогда приглашенным был архиепископ Аркадий, чьи заслуги в преодолении влияния раскола высоко оценивались в правительственных и церковных кругах. Чем же объяснить новое приглашение через пятьдесят лет, когда уже несколько лет имело место терпимое отношение к старообрядцам? По-видимому, на этот раз были другие причины, например, возросшая роль Олонецкой губернии в экономике России, да и активность местного духовенства.

В связи с готовящимся отъездом владыки в Петрозаводском уезде и за его пределами состоялось много мероприятий богослужебного и иного характера. Вот как об этом писали «Олонецкие епархиальные ведомости»: «6 мая наш Епархиальный Владыка Преосвященнейший Никанор в виду предстоящего отъезда своего на довольно продолжительное время (месяца на 3–4) изволил в кафедральном соборе церковно прощаться с своею паствою. После торжественного служения, положенного на 6 мая, Владыка обратился к предстоящим, городскому духовенству, представителям гражданской власти во главе с временно управляющим губернией, к учащим и учащимся и другим богомольцам с сердечным прощальным словом. Владыка трогательно и поучительно говорил о связи с паствою, о любви к ней, просил не нарушать установившегося порядка, уклада в церквах и вне их, взаимности молитв, прощении обид, выражал искренние благожелания всем…»

В этом тексте есть немало примечательного: и упоминание владыкой о необходимости поддержания установившегося порядка, уклада в церквах и вне их, и присутствие на церемонии руководителей губернии во главе с временно управляющим ею, а также «учащих и учащихся».

Этим торжественным служением не ограничились предотъездные мероприятия. Далее газета писала:

«С мая вечером Владыка совершил в соборе торжественную вечерню и молебен св. Иоасафу с общенародным пением.

8 мая в духовной семинарии Владыка служил литургию, молебен и умилительно говорил праздничное слово учащим и учащимся. В этот же день Владыка был на выпускном экзамене в мужской гимназии и говорил отеческое напутствие учащимся. Вечером 8-го Владыкой совершено было в Крестовой церкви торжественное бдение Св. Николаю. 9 мая литургию и молебен Владыка совершил в Александро-Невской церкви. 10 мая Преосвященный Владыка среди хло-

потливых сборов не опускал посещать экзамены в разных учебных учреждениях Петрозаводска. Утром его Преосвященством посещены были все классы духовной семинарии и снова преподано учащим и учащимся отеческое наставление и утешение. Кроме того, Владыка изволил посетить и напутствовать Архипастырским словом назидания и любви учащих в епархиальном женском и мужском духовных училищах, в двухклассном женском и мужском городских училищах, в образцовой школе и др.»

На этот раз стоит особо отметить наличие в тексте такой детали, как присутствие владыки не только на выпускном экзамене в гимназии, но и в ряде других учебных заведений, прежде всего церковных.

Статья завершается развернутой картиной проводов и отъезда епископа. 11 мая «в 12-м часу в покои Преосвященнейшего владыки собрались о. Ректор семинарии, секретарь и протоиереи члены Консистории, смотритель духовного училища и его помощник, ключарь собора, преподаватель семинарии иеромонах Иоанн, иеромонахи Крестовой церкви и пр. В 12 час. Владыка с немногими спутниками при торжественном колокольном звоне и теплых благожеланиях и пении „исполла“ провожавшими выехал в Александро-Свирский монастырь и далее в С-Петербург» [17].

Можно себе представить, что все эти церковные церемонии в тогда еще небольшом, малонаселенном Петрозаводске привлекали к себе всеобщее внимание и служили основным целям церкви – усилению своего влияния на паству. Надо иметь в виду, что в течение всего этого предотъездного времени проводился целый ряд молебнов в церквах Петрозаводского уезда, на которых присутствовали тысячи людей.

Естественно, в течение всего периода пребывания епископа Никанора в Петербурге олонецкая пресса подробно сообщала обо всех синодальных мероприятиях, в которых принимал участие владыка. Особое внимание было уделено тому, что «Владыка, вместе с прочими синодальными иерархами, удостоился приема государем императором в Петергофском дворце». Рассказывалось и о том, что «Владыка молился за литургией Зимнего дворца с народом», что «он вечером участвовал в Синодальном (особом) заседании в доме на Литейном, 62», что «на подворье совершал раннюю литургию, посвятив в диаконы учителя В. Тервинского», что вместе с прочими иерархами участвовал в крестном ходе из Казанского собора к Зимнему дворцу и в совершении молебна по случаю 100-летия Бородинской битвы», что «вместе с прочими иерархами Владыка совершал крестный ход в Александро-Невской лавре и молебен у раки сего Князя. По литургии была парадная трапеза в покоях Высокопреосвященного священника – архимандрита лавры» [18]. И так день за днем, час за часом. Во всем этом просматривалось стремление духовенства активно привлекать массы населения к духовным ценностям в церковном их понимании. Естественно, предполагалось, что все эти торжественно-религиозные церемонии получат отклик на местах, в епархиях. По всей видимости, так оно и происходило, например, в той же Олонецкой епархии и во время пребывания епископа Никанора в Петербурге, и после его возвращения.

Большую роль в жизни города и в распространении религиозных истин играла Олонецкая духовная семинария, располагавшаяся в здании, которое считалось одним из лучших в Петрозаводске. Во главе семинарии с 1898 по 1902 год стоял архимандрит Нафанаил, отличавшийся большими организационными способностями и умевший продуктивно строить отношения не только с духовной, но и со светской властью. В повседневной жизни семинарии большую роль играли не только обычные, свойственные этому учебному заведению занятия, но и участие семинаристов в мероприятиях Братского Назариевского дома, в его хоре, религиозно-нравственных чтениях, «живое проповедывание слова божьего» в городских церквах, не говоря уже о литературно-музыкальных вечерах в самой семинарии. По мнению местного духовенства, весьма полезными были выступления учащихся семинарии в городской тюрьме и местной казарме.

Руководитель семинарии и его помощники при содействии епархиального руководства и местных властей не только усовершенствовали здание самой семинарии, но и позаботились о том, чтобы были возведены иные здания – для церковно-приходской школы (считавшейся образцовой) и для местной больницы. При этом благодаря большой экономии и сбережению средств при строительстве удалось обратить часть сумм, которые были выделены, на улучшение быта и питания семинаристов, на приобретение новых парт, шкафов и иной мебели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никольский Н. М. История русской церкви. М. 1985. С. 404.
2. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск. 1902. С. 225–226.
3. Там же. С. 225.
4. Ягодкин Д. О любви к творению Божию // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 4. С.109.
5. Елка в Назариевском доме для учащихся церковных школ г. Петрозаводска. Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 2. С. 80.
6. 25-летие служения в епископском сане Преосвященного Мисаила, Епископа Олонецкого и Петрозаводского. Петрозаводск. 1908. С. 5, 9.
7. Крылов В. Религиозно-нравственные чтения в Братском Назариевском доме г. Петрозаводска в 1900–1901 году // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 1. С. 19–22.

8. Александро-Свирское Братство Олонецкой епархии в 1911–1913 годах. Петрозаводск. 1914. С. 3, 4.
9. Там же. С. 8, 9.
10. 25-летие служения в епископском сане Преосвященного Мисаила, Епископа Олонецкого и Петрозаводского. Петрозаводск. 1908. С. 9.
11. Рескрипт Его Императорского Высочества, Великого Князя Сергия Александровича… // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 105.
12. Второе заседание Олонецкого Епархиального историко-археологического Комитета // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 18. С. 317.
13. Там же.
14. Островский Д. Краткое описание церковных древностей Олонецкого Епархиального Церковного Древлехранилища. Иконы // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. № 2. С. 26, 27.
15. Духовное торжество в селе Ватчеле Петрозаводского уезда 4 марта 1912 г. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 14. С. 257–258.
16. Отъезд в С-Петербург для присутствования в Св. Синоде Его Преосвященства, Преосвященнейшего Никанора, епископа Олонецкого и Петрозаводского // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 15. С. 275–277.
17. Служения Епархиального Преосвященного // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 29. С. 498.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ИСТОРИЯ 2008

УДК 947

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ПетрГУ
dianowa@onego.ru

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ В КАРЕЛИИ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)

Статья посвящена актуальному вопросу развития сельскохозяйственной кооперации в Карелии в первой трети XX века. Рассмотрены различные процессы кооперирования крестьянства до революции 1917 года и в период новой экономической политики.

Ключевые слова: кооперация, сельскохозяйственное товарищество, новая экономическая политика, Карелия

Одно из направлений приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» предполагает развитие сельскохозяйственной кооперации. Государство обещает оказать поддержку в создании и деятельности кооперативов фермерских и крестьянских хозяйств. В то же время очень важно знать исторический опыт развития кооперации как по всей стране, так и в отдельных регионах. В первые десятилетия XX века кооперация сыграла значительную роль в развитии отдельных крестьянских хозяйств и модернизации сельского хозяйства в целом как основной отрасли экономики России вплоть до 1930-х годов.

Сельскохозяйственная кооперация представляет собой объединение мелких крестьянских хозяйств для совместной заготовки, сбыта, переработки, продажи сельхозпродукции. Сельскохозяйственные товарищества осуществляли также приобретение и использование машин, инвентаря и других орудий труда, разведение племенного скота, получение выгодного кредита и распространение агрономических знаний и передовых технологий.

В России на рубеже XIX–XX веков развивалось особое течение экономической мысли – организационно-производственная школа (А. В. Чаянов, А. А. Рыбников, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров). Эта школа ставила целью преобразовать крестьянское хозяйство на основе рациональной организации производства и его интенсификации на основе кооперации. А. В. Чаянову принадлежит несколько книг по кооперативной теории, в том числе «Очерки по теории трудового хозяйства», «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации», «Краткий курс кооперации» и др. А. В. Чаянов рассматривает сельскую кооперацию как неотъемлемую часть крестьянского хозяйства. Указывая на исключительную выживаемость и приспособляемость крестьянского хозяйства ко всякого рода условиям существования, А. В. Чаянов в то же время признает преимущество крупного хозяйства над мелким, а потому он считает, что когда «сотни и тысячи мелких крестьянских хозяйств не имели возможности осилить тот или иной технический или экономический прогресс, они выделяли его

© Дианова Е. В., 2008

из индивидуального хозяйства и организовывали совместными усилиями на стороне крупное коллективное предприятие кооперативного типа». В крестьянской кооперации А. В. Чаянов видел прежде всего «весьма совершенный организованный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому трудовому хозяйству, не разрушая своей индивидуальности», выделять и организовывать в кооперативное предприятие те отрасли, в которых это укрупнение давало заметный положительный эффект [1].

В России сельскохозяйственная кооперация возникла в конце XIX века, а в начале XX века была создана настоящая система сельскохозяйственной кооперации, которая охватывала миллионы крестьянских хозяйств. В начале 1917 года система сельскохозяйственной кооперации объединяла 13,5 млн. крестьянских хозяйств и насчитывала 27,5 тысяч первичных кооперативов. В конце 1917 года сельскохозяйственная кооперация насчитывала 16200 кредитных и ссудо-сберегательных товариществ (10,5 млн. членов), 6132 сельскохозяйственных обществ (380 тысяч членов), 2400 сельскохозяйственных товариществ (280 тысяч членов) и 3000 маслодельных (молочных) артелей (450 тысяч членов). Крестьянская кооперация обслуживала 94 млн. человек, или 82,5 % сельского населения. Большинство кооперативов было смешанного типа, т. е. они занимались не только заготовкой, сбытом и переработкой сельхозпродукции, но и предоставляли дешевый кредит [2].

В 1917 году в стране действовало 500 различных союзов сельскохозяйственной кооперации. В 1918 году были образованы всероссийские центры сельскохозяйственной кооперации: союз «Кооперативное зерно», союз «Кооперативное яйцо», Льноцентр, Пенькосоюз, Плодовощ, Союзкартофель, Союз сибирских маслодельных артелей и др. Всероссийский закупочный союз сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз) производил закупку сельскохозяйственных машин и инвентаря, удобрений, стройматериалов и т. п., осуществлял сбыт сельхозпродукции. Финансовым центром кооперации был Московский Народный Банк. Идейным центром и главным рабочим органом Сельскосоюза был Совет объединенной сельскохозяйственной кооперации (Сельскосовет). В него входили А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров, С. Л. Маслов, Н. П. Гибнер, С. В. Бернштейн-Коган и др.

На Европейском Севере первые сельскохозяйственные товарищества (маслодельные и сыродельные артели) были созданы в 1890-е годы в Вологодской губернии. Дальнейшему росту сельскохозяйственной кооперации в крае способствовало созданное в 1908 году Центральное Вологодское общество сельского хозяйства, которое занималось заготовкой, хранением и сбытом сельхозпродукции, снабжением необходимыми орудиями труда и кредитованием кооперированных крестьянских хозяйств. Росту кооперативного движения способствовало проведение аграрной реформы П. А. Столыпина.

В 1918 году в Архангельской и Вологодской губерниях насчитывалось 250 сельскохозяйственных кооперативов. Подавляющее большинство этих кооперативов объединялось Вологодским союзом кооперативов северного края, или Северосоюзом. На складах Северосоюза имелись сельскохозяйственные орудия труда, машины, мелкий ручной инвентарь нескольких десятков наименований. С 1912 года Северосоюз ежегодно продавал крестьянским хозяйствам более 90 веялок, до 120 маслобоек, около 2,3 тыс. сепараторов, 2,4 тыс. плугов [3].

В Олонецкой губернии в период проведения реформы П. А. Столыпина также стали создаваться сельскохозяйственные общества на кооперативных началах. Многие из них были организованы при помощи земств. Эти общества занимались пропагандой передовых методов агротехники, прокатом инвентаря, разведением породистых животных. По примеру соседних северных губерний были созданы и маслодельные артели. В 1912 году в старинном селе Шуньга был основан первый в Карелии маслодельный кооператив «Производитель», в который вступило 26 хозяйств, имевших стадо в 80 коров.

Проведение аграрной реформы, развитие кооперации в крае и другие факторы способствовали некоторому оживлению сельского хозяйства Карелии. В 1913 году численность лошадей в деревнях и селах составила 110,2 % (43,3 тыс. голов), а крупного рогатого скота 109,5 % (96,7 тыс. голов) к уровню 1900 года. Крестьяне все больше проявляли интерес к маслоделию с использованием сепараторов. Так, за период с 1905 по 1912 год только по трем уездам Олонецкой губернии – Петрозаводскому, Олонецкому и Повенецкому – количество сепараторов в крестьянских хозяйствах увеличилось с 7 до 174. В это время появились земские агрономическая и ветеринарная службы. Через кооперативные товарищества земские агрономы и ветеринары старались распространять необходимые знания по травосеянию, мелиорации, маслоделию, животноводству, огородничеству, садоводству и пчеловодству, а также познакомить с новыми машинами и орудиями труда [4].

В хозяйствах некоторых крестьян, вышедших на хутора и отруба, стали применяться многопольные севообороты с травосеянием. Однако эта сторона модернизации сельского хозяйства осуществлялась медленно: к 1917 году сеянными травами засевалось 154 гектара, или 0,3 % посевной площади края. Карельские крестьяне по старинке сушили сено из дикорастущих трав. А на севере Карелии, как писал М. М. Пришвин, для зимнего корма скота заготовляли даже осоку и березовый лист. Из-за разбросанных по всем пожням камней траву косили косой-горбушей, т. е. большим серпом, все время согнувшись, обвязав голову плат-

ком от комаров. Повсеместно на полях и лугах Карелии крестьяне делали ровницы из камней, собранных во время полевых работ [5].

Благодаря развитию кооперативного движения в Олонецкой губернии в 1917 году были зарегистрированы 45 сельскохозяйственных товариществ: в Вытегорском уезде – 13, в Каргопольском – 9, в Олонецком и Повенецком – по 6, в Петрозаводском – 5, в Пудожском – 4, в Лодейнопольском уезде – 2. Все сельскохозяйственные товарищества входили в Олонецкий губернский кредитно-производительный союз [6].

В условиях гражданской войны и политики «военного коммунизма» происходит огосударствление всех видов кооперации. В 1918–1919 годах сельскохозяйственная кооперация выполняла задания Советской власти по заготовкам ненормированной сельхозпродукции, в том числе хлеба. В 1919 году с введением продразверстки заготовкой и распределением сельхозпродуктов стала заниматься главным образом потребительская кооперация, которая была подчинена Народному комиссариату продовольствия. Работники сельскохозяйственной кооперации выступали с резкой критикой многих мероприятий Советской власти, в том числе таких, как: установление продовольственной диктатуры и твердых цен на сельхозпродукцию, запрет частной торговли, продразверстка и т. п.

Советская власть решила подчинить сельскохозяйственную кооперацию путем ее объединения с потребкооперацией, ставшей частью аппарата Наркомпрода. Согласно декрету СНК от 27 января 1920 года «Об объединении всех видов кооперативных организаций» произошло слияние кредитных и сельскохозяйственных товариществ с потребительскими обществами. Все центры сельскохозяйственной кооперации были упразднены, вместо них с 15 июня 1920 года была открыта Центральная сельскосекция Центросоюза. В результате такой реорганизации сельскохозяйственной кооперации произошло сокращение низовой сети. Так, в начале 1920 года в стране насчитывалось 17,5 тысяч кооперативов, в декабре 1920 года – около 3 тысяч товариществ по закупке, сбыту и переработке продуктов, 6 тысяч сельскохозяйственных обществ, около 4 тысяч молочных кооперативов. Большинство сельскохозяйственных кооперативов не имело условий для эффективной работы.

Перестройка сельскохозяйственной кооперации на основе декрета от 27 января 1920 года совпала с периодом, когда хозяйственная разруха достигла наивысшего уровня, продразверстка распространилась на все основные продукты сельского хозяйства, а процесс свертывания товарно-денежных отношений достиг наивысшей точки. «Это был черный в летописях русской кооперации год. Все ее имущество погибло или почти погибло. Кооперативная жизнь замерла. И в экономической жизни России наступила такая зловещая тишина, что она заставила коммунистическую фракцию изменить свою политику по отношению к кооперации», – так оценивали последствия декрета от 27 января 1920 года оказавшиеся в эмиграции русские экономисты [7].

Переходом к новой экономической политике 16 августа 1921 года был декрет СНК «О сельскохозяйственной кооперации». Сразу после опубликования этого закона 18–19 августа 1921 года был созван учредительный съезд Всероссийского союза сельскохозяйственных кооперативов, на котором рассматривался вопрос о восстановлении сельскохозяйственной кооперации. Один из выступавших на съезде кооператоров говорил: «В свое время нищая страна со страшным усилием создавала кооперацию на почве взаимного доверия и бесплатного труда. База сельскохозяйственной кооперации – взаимное доверие, но сейчас его нет. Задача центра – создать такие правовые условия, чтобы крестьянин почувствовал себя полным хозяином, распорядителем своего имущества». На съезде присутствовали представители 49 союзов, объединявших около 600 первичных кооперативов. После съезда началось восстановление системы сельскохозяйственной кооперации: товарищество – губернский союз – Всероссийский союз сельскохозяйственных кооперативов (Сельскосоюз). На 1 июля 1922 года в России (без Украины) насчитывалось уже 300 кооперативных союзов и около 1700 товариществ, объединявших 2,3 млн. крестьянских хозяйств [8].

23 августа 1921 года газета «Правда» напечатала передовую статью «К съезду сельскохозяйственной кооперации». В ней говорилось о роли сельскохозяйственной кооперации в восстановлении народного хозяйства: «В современных экономических условиях Советской России сельскохозяйственная кооперация представляет из себя лучшее средство воздействия на крестьянское хозяйство. Через кооперативные организации, которые должны охватить миллионы крестьянских хозяйств, пролетарское государство сможет влиять на сельскохозяйственное производство. Для широких крестьянских масс сельскохозяйственная кооперация представляет лучшую форму участия в создании единого социалистического хозяйства. Сельскохозяйственная кооперация – это начало того моста, который приведет крестьянство к социализму. В Советской России при всемерном поощрении со стороны пролетарской власти сельскохозяйственная кооперация может достигнуть небывалого расцвета» [9].

Начало работы сельскохозяйственной кооперации в 1921–1922 гг. было обусловлено хозяйственной разрухой, последствиями политики «военного коммунизма» и гражданской войны. Падение сельскохозяйственного производства прежде всего проявилось в сокращении посевных площадей. В 1921 году засевалось только 56 % полей от уровня 1913 года, 44 % полей находились в запустении. НКЗ разработал целую систе-

му мер борьбы с запустением полей, но только переход от продразверстки к продналогу и разрешение свободной торговли способствовали преодолению хозяйственной разрухи.

Восстановление сельскохозяйственной кооперации зависело от состояния крестьянского хозяйства. В 1921 году крестьянство испытывало острый недостаток сельскохозяйственных орудий труда и инвентаря, вызванный тем, что в годы войны все предприятия перешли на выпуск военного снаряжения. Сокращение на ⅓ поголовья скота привело к нехватке органических удобрений и падению плодородия земли. Уменьшилось количество рабочего скота, сократились посевы технических культур. Разруха на транспорте сдерживала товарообмен.

В Карелии сельское хозяйство после окончания гражданской войны и интервенции находилось «в страшном запустении и нищете». По сравнению с 1913 годом посевные площади сократились на 30–40 %, упала урожайность, почти наполовину уменьшилось поголовье скота, не хватало сельхозорудий. Как выразился секретарь Олонецкого губкома РКП(б) Я. Ф. Игошкин, в крае «положение сельского хозяйства близко к катастрофе» [10].

В таких тяжелых условиях некоторые кооператоры задавались вопросом: «Возможно ли при таких условиях вновь строить сельскохозяйственную кооперацию?» Ответ был утвердительным: «Да! Основа кооперации – крестьянское хозяйство – подорвано, но не убито, разрушено, но осталось живым и жизнеспособным. Крестьянское хозяйство – организм удивительно гибкий и приспособляющийся. А раз крестьянское хозяйство живо, то есть и почва для сельскохозяйственной кооперации». Очень острой была нехватка средств для работы кооперации. До 1921 года кооперация была огосударствлена, ее имущество было национализировано, при нэпе она должна была начинать работу практически с нуля. Поэтому кооперативные работники решили, что в целях экономии средств «надо интегрировать, объединять ряд отраслей сельского хозяйства в одном кооперативе, а не разъединять их по нескольким специальным, отсюда вытекает основной лозунг местного строительства: интегральное товарищество – интегральный союз» [11].

В Карелии в октябре 1921 года был создан Олонецко-Карельский Краевой союз сельскохозяйственных и производительно-промысловых кооперативов (Крайсоюз). В октябре 1921 года состоялось собрание инициативной группы и представителей семи первичных кооперативов Петрозаводска в составе 13 человек. Инициативная группа выбрала организационное бюро, которое написало обращение к первичным кооперативам о создании краевого союза сельскохозяйственной кооперации. 20 октября 1921 года состоялось первое собрание уполномоченных, которое определило основные задачи нового кооперативного союза Карелии.

Задачи Крайсоюза состояли в том, чтобы оказывать помощь в создании, укреплении первичных кооперативов, осуществлять снабжение населения необходимыми орудиями труда, рабочим скотом, семенами, предметами первой необходимости. Крайсоюз брал на себя обязательства заниматься заготовкой, хранением, переработкой и сбытом на комиссионных началах продукции сельского хозяйства и кустарных промыслов. Работники Крайсоюза считали необходимым содействовать организации на местах различных предприятий на кооперативных началах (маслозаводы, прокатные и случные пункты) и проведению агротехнических мероприятий, способствующих улучшению сельского хозяйства, а также развивать лесные и кустарные промыслы, вести культурно-просветительскую работу. На Крайсоюз были возложены задачи по восстановлению сельского хозяйства республики [12].

Основным районом деятельности Крайсоюза была территория Олонецкой губернии и Карельской Трудовой Коммуны. Крайсоюз представлял собой кооперативную организацию универсального (интегрального) типа, так как не только объединял сельскохозяйственные товарищества и кустарно-промысловые артели, но и занимался торговлей потребительскими товарами. По договорам с госорганами Крайсоюз занимался снабжением пограничных волостей хлебом, обеспечением больниц и детских домов продуктами питания. Крайсоюз был шефом опытно-показательного учреждения г. Петрозаводска – Центрального детского сада № 1 имени III Интернационала.

На первом собрании уполномоченных были избраны руководящие органы Крайсоюза: правление и ревизионная комиссия. В правление Крайсоюза вошли М. С. Стратонников, А. П. Тихомиров, И. Л. Наймарк, М. К. Абакумов, А. И. Татаринов и кандидат Г. И. Прохоров. Ревизионная комиссия состояла из таких работников, как: А. Ф. Кожевников, И. М. Росляков, И. М. Никитин и кандидат Л. Г. Попов. Устав Олонецко-Карельского Краевого союза сельскохозяйственных и промыслово-производительных кооперативов был зарегистрирован в ВСНХ РСФСР 6 марта 1922 года [13].

Руководство республики с самого начала с недоверием отнеслось к этому кооперативному союзу. Для поднятия сельского хозяйства карельские коммунисты хотели использовать прежде всего государственный аппарат. Секретарь Олонецкого губкома РКП(б) Я. Ф. Игошкин говорил об «особом праве советского государства указывать крестьянину, какие семена и в каком количестве он должен засевать» [14].

Не случайно в 1921 году для регулирования отношений между городом и деревней был выбран товарообмен как способ заинтересовать крестьян сдавать продукты и сырье госзаготовителям в обмен на промышленные товары и тем самым начать восстанавливать

разрушенное войной сельское хозяйство. Товарообменные фонды формировались исходя из запросов деревни и реальных возможностей городской промышленности. На предприятиях рабочие Карелии принимали решения «делать плуги, косы, топоры, серпы для обмена с крестьянами на хлеб». Товарообменный фонд был крайне скудным, так как в начале нэпа в Карелии из 23 предприятий, имевшихся в крае накануне первой мировой войны, действовали только Онежский (бывший Александровский) завод и несколько мелких предприятий кустарного типа. В результате на два уезда Карелии пришлось выделить 41 косу-литовку, 143 косы-горбуши, 25 сепараторов, более 2,5 тыс. серпов и проч., из них крестьянам были реализованы 56 граблей, 25 серпов, 19 кос, 24 подковы и др. [15].

Товарообмен показал острую нехватку машин и сельскохозяйственных орудий труда в крестьянских хозяйствах Карелии. Простой инвентарь делался почти в каждой деревне, но для поднятия сельского хозяйства и его дальнейшей модернизации нужна была техника фабричного производства. Для поставки сельскохозяйственных орудий из центра на периферию необходимо было заключать договоры с центральными кооперативными снабженческими союзами.

В 1922 году Крайсоюз вступил во Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз), Союз сельскохозяйственной кооперации Северо-Западного района (Трудсоюз), Всероссийский лесной союз (Всеколес), Союз союзов промысловой и производительно-трудовой кооперации Северного района (Северокустарь или бывший Артельтрудсоюз). Трудсоюз выдал Крайсоюзу кредит размером 100 млн. руб (по курсу декабря 1921 года), что в переводе на хлеб означало всего 100 пудов. Артельтрудсоюз также выдал кредит размером 20 млн руб., или 20 пудов хлеба. Эти кооперативные организации поставляли Крайсоюзу технику, орудия труда, инвентарь. Через Сельскосоюз и Трудсоюз Крайсоюз получал образцы сельскохозяйственных машин и других орудий труда. С 1925 года Сельскосоюз стал принимать заявки на трактора и давать направления в Московскую тракторную школу при Сельскосоюзе.

С Олонецко-Карельским Краевым союзом поддерживали отношения союзы кустарно-промысловой кооперации, например Боровичский союз производительно-трудовых артелей кустарей и ремесленников, Вытегорский промысловый союз, Каргопольский кустарно-промысловый союз и др. Они предлагали различный сельскохозяйственный инвентарь и машины местного производства. Например, в 1923 году с завода «Северный Землероб» из Старой Руссы в Петрозаводск был отправлен образец одноконного плуга.

Снабжение низовых кооперативных товариществ техникой и различными орудиями труда осуществлялось Крайсоюзом через отдел сельскохозяйственных машин Сельскосоюза и Трудсоюза. Они сообщали Крайсоюзу сведения о наличии техники на своих складах. Предлагались почвообрабатывающие орудия (плуги, бороны), уборочные машины, сенокосилки, зерноочистительные машины, сортировки, веялки, машины по подготовке кормов и разнообразный мелкий инвентарь (лопаты, вилы, косы, серпы и др.). Машины и орудия были как отечественного, так и заграничного производства, специально предназначенные для природно-климатических условий Северо-Запада. Например, Трудсоюз предлагал австрийские косы, английские вилы и грабли, американские веялки, сортировки и молотилки, сепараторы из Финляндии и Швеции. При этом сообщалось, что цены на машины стали выше довоенных на 10–12 %. Продажа машин и орудий труда осуществлялась на таких условиях: 25–30 % стоимости выплачивалось сразу наличными деньгами по твердому счету, остальная сумма – в кредит на срок от 6 месяцев до 1,5 лет и под векселя, гарантированные Сельхозбанком.

Снабженческие операции кооперативных союзов находились под контролем местных органов власти. Так, Наркомзем Карелии постоянно требовал предоставления отчетности о наличии на складах Крайсоюза орудий труда, инвентаря. Также работники Наркомзема проводили обследование сельскохозяйственных машин, поступавших по заказам товариществ. На складах Крайсоюза в 1923/1924 гг. находились завезенные из-за границы орудия сельскохозяйственного производства более 75 наименований, в том числе: борона «Зиг-заг», сеялка «Планет», веялка «Феникс», плуг «Лангарт», сепаратор «Балтик», а также сельхозинвентарь отечественного производства (серпы, косы-горбуши, косы-литовки). Однако реализация орудий труда крестьянским хозяйствам через кооперативные товарищества проходила медленно, так как соотношение цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию складывалось не в пользу крестьянина. Отсутствие государственного регулирования цен в начале нэпа привело к тому, что тресты и синдикаты взвинтили цены на промышленную продукцию.

В 1923 году расхождение цен усиливалось. Если на 1 января 1923 года индексы цен на сельхозпродукты относились к индексам цен на промтовары как 0,82 : 1,24, то на 1 апреля 1923 года это соотношение было 0,72 : 1,43, на 1 октября 1923 года – 0,54 : 1,72. По сравнению с довоенным временем сельхозпродукция стала стоить в три раза дешевле промышленной, в то время как цены на промышленные товары значительно возросли. Основные виды промышленных товаров превышали довоенный уровень в 1,2–2,5 раза [16].

По данным ЦСУ, покупка промышленных товаров в 1921/22 г. обходилась в среднем

на душу сельского населения примерно 3,69 пуда ржи. В июне 1923 года за тот же набор товаров крестьянин должен был отдать 14,76 пуда ржи. Если в 1913 году крестьянин мог за 1 пуд ржи приобрести 5,7 аршин ситца, то в 1923 году только 1,5 аршина, т. е. почти в 4 раза меньше. Примерно втрое меньше крестьянин мог приобрести сахара. Плуг, который в 1913 г. обходился в 6 пудов пшеницы, в 1923 году требовал расходов в 4 раза больше, сенокосилка подскочила в цене со 125 пудов до 544. Фактически на этом расхождении цен деревня теряла 500 млн. руб., т. е. половину своего платежеспособного спроса. Емкость деревенского рынка сократилась. Сужение крестьянского рынка привело к кризису сбыта промышленных товаров.

Сужение крестьянского рынка и кризис сбыта были связаны с тем, что сельское хозяйство еще не было восставлено в полном объеме к уровню 1913 года. В то же время существовала большая разница в темпах восстановления сельского хозяйства и промышленности. К 1923 году сельское хозяйство было восстановлено на 70 % к довоенному уровню, а фабричная промышленность – только на 39 %. Столь большое несоответствие вело, с одной стороны, к удорожанию изделий промышленных товаров, а с другой – к удешевлению деревенских товаров и снижению покупательной способности крестьян [17].

Кризис сбыта разразился в стране в условиях большого недопроизводства, когда выработка всей российской промышленности не превышала 9–10 % довоенного производства, а производимая продукция была представлена в основном предметами домашнего обихода, товарами широкого потребления и простыми орудиями труда.

Работники сельскохозяйственной кооперации внимательно следили за состоянием отечественной промышленности и регулярно давали экономические обзоры на страницах специальных изданий. Так, например, журнал «Бюллетень Сельскосоюза» печатал сведения о количестве выпускаемой техники для сельского хозяйства.

Таблица 1

Сравнительная таблица производства сельскохозяйственных машин и сельскохозяйственного инвентаря в 1913, 1920, 1921 и 1922 годах

Годы	Число заводов	Плуги, %	Бороны, %	Сеялки, %	Косы, %	Серпы, %	Молотилки, %
1913	826	100	100	100	100	100	100
1920	276	12	5,5	1,5	80	14	1,6
1921	73	14,7	4,6	0,4	70	24	1,6
1922	26	13	9,7	5,6	86	21	1,8

Как видно из таблицы, наиболее резко снизилось производство усовершенствованных машин (сеялок, молотилок и т. п.), в то время как производство кос в 1922 году составляло 86 % от уровня 1913 года. Но из-за кризиса сбыта даже эти изготовленные в небольшом количестве заводские орудия труда лежали на складах. Сельскосоюз считал это явление «настолько угрожающим, что если положение не изменится, то мы встанем перед фактом полного отсутствия спроса со стороны населения на сельскохозяйственные орудия и машины, а вместе с тем полного провала всех предположений на восстановление отечественного машиностроения» [18].

В условиях кризиса сбыта снабженческие операции Крайсоюза были невелики. В 1923 году со складов Трудсоюза и Сельскосоюза Крайсоюз получил 5 сортировок, 20 молотилок, 43 плуга, 95 борон, 100 соломорезок, 53 сепаратора и разной молочной посуды на 2450 руб., семян трав и огородных культур на 3500 руб. В 1923 году в низовые товарищества крестьянам было отправлено 460 кос и серпов, 18 сепараторов, 289 пудов семян. В 1924 году для крестьянских хозяйств Крайсоюз закупил различных орудий труда на 85 тысяч руб., в том числе 420 плугов, 240 борон, 110 веялок, 200 соломорезок [19].

За границей очень внимательно следили за тем, что происходит в Советской России. Эмигранты, бывшие кооперативные работники, так оценивали создавшуюся в 1923 году ситуацию: «Получается удивительная вещь: вся страна, работая на обломках инвентаря, нуждается в его восстановлении, а в то же время заводы держат его запасы на своих складах, потому что никто не хочет или не может покупать этот инвентарь. Все дело в том, что заводы не отпускают своего товара в кредит, а сельское население не располагает средствами для немедленного расчета» [20].

Кооперативные работники в Советской России также понимали, что для восстановления промышленности и сельского хозяйства требовались немалые средства. А. В. Чаянов отмечал: «Слабое еще крестьянское хозяйство еще не может сберечь этих средств из своих скудных доходов и не имеет ни одного источника к их получению, поэтому единственной возможностью удовлетворить эту нужду является помощь со стороны», т. е. сельскохозяйственный кредит [21].

21 декабря 1922 года был издан декрет ВЦИК и СНК «О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельскохозяйственного кредита». Однако в условиях расстроенной финансовой системы до денежной реформы 1923/24 гг. выдача кредитов была затруднена. 24 января 1924 года был принят декрет ВЦИК и СНК «О кредитной кооперации». Позднее кредитные функции были предоставлены также потребительским обществам, сельскохозяйственным и кустарно-промысловым товариществам, что облегчило получение крестьянством кредитов

на приобретение техники. Создание системы сельскохозяйственного кредита способствовало укреплению финансового положения кооперации и численному росту кооперативов.

В январе 1924 года было издано также постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах к облегчению для крестьянства покупки сельскохозяйственных орудий». Государственные учреждения и предприятия, кооперативные организации должны были продавать сельскохозяйственные орудия крестьянству по довоенной цене. Крестьянам предоставлялся долгосрочный кредит на срок от одного года до пяти лет. Преимущественное право на эти льготы предоставлялось членам сельскохозяйственных кооперативов, обществ сельскохозяйственного кредита и сельских кредитных товариществ. В 1925 году вышло новое постановление ЦИК СССР «О льготной продаже крестьянству сельскохозяйственных машин и орудий, производимых государственными заводами». Кредит при продаже машин и орудий труда в первую очередь представлялся маломощным и середняцким хозяйствам на срок от одного до трех урожаев, при продаже машин сельскохозяйственным кооперативам срок кредитования мог быть увеличен до четырех урожаев [22].

Сельскохозяйственные товарищества на местах обсуждали условия приобретения техники и принимали соответствующие решения. Так, например, члены правления Медвежьегорского кооперативного товарищества «Колонист» на своем заседании 15 февраля 1925 года «слушали правила продажи сельскохозяйственных орудий труда, машин, семян, удобрений. Постановили: считать продажу предметов производства желательной и необходимой; признать условия продажи, изложенные в правилах, вполне приемлемыми для товарищества. В кратчайший срок разработать и подать заказ на машины, орудия, семена с выдачей обязательства на сумму заказа. Оповестить население ближайших деревень о закупке товариществом машин, семян и орудий, а также об условиях их продажи. Приобретение крупных машин производить по вполне твердым заказам, обеспеченным задатком» [23].

В Крайсоюз поступало много заявок на приобретение рабочего скота. Одна лошадь приходилась на 13 хозяйств. Для покупки лошади крестьяне вносили аванс 50–250 руб. В 1923/24 гг. в Смоленской и Витебской губерниях было закуплено 178 лошадей на сумму свыше 39 тысяч руб. и передано в низовую кооперативную сеть. В 1924 году в Финляндии Крайсоюзом было приобретено 225 лошадей, из которых 70 были переданы в Петрозаводский уезд. Лошади распределялись по сельскохозяйственным товариществам, а последние совместно с волисполкомами и крестьянскими комитетами распределяли лошадей между крестьянами. Безлошадным крестьянам лошади отпускались на льготных условиях с рассрочкой платежа на один год [24].

В 1924 году был снова открыт маслодельный завод в селе Шуньга. На организацию маслодельных заводов на кооперативных началах поступили заявки из других карельских сел: Сенная Губа, Погран-Кондуши, Вешкелицы. Одним из основных препятствий на пути создания таких заводов и развития кооперативного маслоделия было отсутствие в крае мастеров-маслоделов. В 1920-е годы открывались специальные кооперативные курсы по подготовке как мастеров маслоделов и сыроделов, так и счетоводов, бухгалтеров. Программа таких курсов была очень насыщенной. Сначала проводилось предварительное обучение арифметике, иногда даже письму и чтению. Затем шли лекционные занятия по таким курсам, как: молоковедение и бактериология; переработка молока; постройка и оборудование молокозавода; молочная и маслодельная кооперация; скотоводческие и контрольные товарищества. С курсантами проводились и практические занятия по темам: анализ молока; работа с сепаратором; счетоводство. Такие курсы проводились как в Ленинграде при Центральном сельскохозяйственном обществе Северо-Западной области «Землетруд», так и в Петрозаводске при Краевом союзе сельскохозяйственной кооперации [25].

Постепенное восстановление сельского хозяйства потребовало от кооперации углубления и расширения агрикультурной работы. При Карельском союзе сельскохозяйственной кооперации было создано агрикультурное бюро. Оно ставило своей целью пропаганду передовых методов растениеводства, рационализацию полеводства и луговодства, организацию показательных участков. Так, по договору с НКЗ от 23 февраля 1924 года Крайсоюз взял в аренду сроком на 12 лет подсобное хозяйство, бывшую коммуну «Братство». Хозяйство коммуны находилось в крайне запущенном состоянии, на приведение хозяйства в порядок в первые месяцы было затрачено 12660 руб. из средств Крайсоюза. В хозяйстве был устроен показательный участок, где выращивалась рассада огурцов, капусты и других огородных культур для продажи населению [26].

Одним из важных направлений деятельности Краевого союза было создание новых кооперативных товариществ в деревнях и селах Карелии. В правлении был инструкторский отдел, который и вел работу по организации кооперативов «путем самовыезда на места». В момент образования в Крайсоюз входили всего 6 кооперативных огородных артелей и одно общество животноводов, которые были созданы жителями Петрозаводска с целью выхода из продовольственного кризиса. Постепенно Крайсоюз распространил свою деятельность на уезды и объединил почти всю низовую сеть сельскохозяйственной кооперации Карелии. В 1921–1922 годах повсеместно шел процесс восстановления старых и создания новых кооперативов универсального типа. Хроническое безденежье сдерживало накопление

собственных средств как у крестьян, так и у кооперативных товариществ, что обусловило их финансовую слабость. Это было связано с низкой товарностью крестьянского хозяйства, его ориентацией на внутреннее потребление, а не на рынок. Но уже в середине 1920-х годов с ростом товарности сельского хозяйства все больше появляется специализированных сельскохозяйственных кооперативов.

На 1 июня 1923 года в Крайсоюз входили уже 39 организаций (1169 человек): 18 сельскохозяйственных, 17 промысловых и 2 кредитных товарищества, а также Шальский союз и Вытегорский союзы кооперативов. На 1 января 1924 года Крайсоюз объединял 21 кооператив (824 человека) и 2 союза с 18 кооперативами и 820 членами (всего 1644 человека). В феврале 1925 года Крайсоюз объединял 70 сельскохозяйственных кооперативов (4611 членов) и 18 кустарно-промысловых товариществ (120 членов), что составляло 15,6 % от общего числа крестьянских хозяйств республики. В начале 1925 года союз объединял 82 кооператива с 5522 членами, из них 14 кустарно-промысловых, 16 кредитных и 52 сельскохозяйственных товарищества. Причем 23 кооператива объединялись Шальским и Вытегорским союзами, входившими в свою очередь в состав Крайсоюза. Помимо системы Крайсоюза, в это время существовали так называемые «дикие» кооперативы: 26 мелиоративных и 14 кредитных товариществ.

Финансовое положение Крайсоюза не было стабильным. Крайсоюз приступил к работе 1 января 1922 года, имея в распоряжении довольно скромные средства – 2,37 млн. руб. По курсу 1922 года на эту сумму можно было обменять 3 пуда хлеба или 3 1/3 фунта масла. Членский взнос для низовых кооперативов составлял 50 фунтов хлеба. Как говорилось в отчете председателя правления Крайсоюза А. П. Тихомирова, «на начало работы имелось лишь 3 рубля баланса, на 1 июля 1923 г. баланс составлял 26 тыс. руб., на 1 октября 1923 г. – 84 тыс. руб., на 1 января 1924 г. – 122 тыс. руб. Первые полтора года деятельности были удачны для Крайсоюза: в 1923 году его прибыль составила 36.634 руб. 68 коп, в переводе на золото 2138 руб 86 коп. [27]. Главными кредиторами Крайсоюза были Коммунальный банк, ЦСХБ, Всекобанк, Северо-Западная контора Госбанка, Текстильный синдикат, Камвольный трест, Промвоентогр, Брянский пенькотрест, Мальцевские заводы. С целью получения дополнительных средств для вкладывания их в развитие сельского хозяйства Крайсоюз занимался торговлей различными товарами. Торговые операции иногда выглядели со стороны очень странно, но были выгодны Крайсоюзу. Так, например, в августе 1924 года в Курске под векселя купили табачные изделия (махорку и папиросы «Дядя Алексей»), в октябре часть папирос променяли на валенки Коммерческому агентству, в ноябре валенки променяли Шальскому союзу на сущик, который отправили в Лодейное Поле. В декабре 1924 года в Лодейном Поле сущик променяли на мясо в Олонецком уезде, а мясо сдали по договору в Наркомпрос, который деньги уплатил только в уплатил только в феврале 1925 года.

Крайсоюз принимал участие в сезонных и сельскохозяйственных ярмарках, проходивших в 1920-е годы в различных городах и селах Карелии. Так, в селе Шуньга проводилась традиционная зимняя ярмарка. 19–25 января 1925 года на этой ярмарке Крайсоюз вел торговлю пушниной, кустарными изделиями, мануфактурой, кожсырьем, рыбой. Для продажи на Шуньгской ярмарке Донское товарищество предложило Крайсоюзу 2 тысячи пар шерстяных варежек по 12 коп. за пару.

Торговый отдел Крайсоюза производил торговлю со своих складов и магазинов в Петрозаводске, Лодейном Поле, Олонце и других населенных пунктах Карелии. В 1925 году было открыто отделение Крайсоюза в Ленинграде для сбыта продукции из Карелии (грибов, ягод, рыбы, дичи, лекарственных трав и т. п.). Отделение имело свой магазин на улице 3 июля, бывшей Сенной улице. Однако высокая арендная плата и изменение конъюнктуры ленинградского рынка привели к закрытию отделения в декабре 1925 года [28].

В 1920-е годы в крестьянских хозяйствах Карелии наряду с сельским хозяйством попрежнему большую роль играли промысловые занятия. Здесь наибольшее распространение получили лесной (заготовка и сплав леса), бондарный, гончарный и кузнечный промыслы, производство смолы и дегтя, добыча извести, мрамора. Низовые промысловые товарищества занимались также сбором дубильного сырья, ивового корья, жжением древесного угля, обработкой точильных брусков. Доходы от различных промыслов составляли значительную часть бюджета кооперированных крестьянских хозяйств. Крайсоюз вел заготовку и сбыт изделий кустарных промыслов, прежде всего бондарной посуды, тары под треску (бочек-трещанок), смолы и дегтя. Сбыт этой продукции осуществлялся на рынках Ленинграда и Мариинской водной системы, на побережье Белого моря и на местных ярмарках.

Крайсоюз заключил несколько договоров на заготовку и поставку различным организациям пушнины, сена, семенного овса, мяса, рыбы, дичи, масла и т. п. По заготовкам и сбыту сельхозпродукции и изделий кустарных промыслов известно, что к 1 июня 1923 года от Шуньгского сельскохозяйственного товарищества продано 16 пудов масла; от кустарных артелей – 1513 бондарных, 881 щепных, 622 гончарных, 1030 кузнечных изделий и 51 колесо, 392 пуда смолы и дегтя. В 1924 году было заготовлено мяса на 13,5 тысяч руб., ивового корья для Кожтреста заготовлено 5914 пудов, для УСЛОНа – 3652 пуда. Также были выполнены договоры на поставку пушнины, овощей, фуража, дров и лесо-

материалов на 170650 руб. 18 октября 1924 года был заключен договор между двумя кооперативными союзами – Каронегсоюзом и Крайсоюзом. Крайсоюз принял на себя обязательство на поставку Каронегу мяса (живого рогатого скота) в течение ноября 1924 года. Поставляемый Каронегсоюзу скот подлежал реализации на розничном рынке через Центральный рабочий кооператив города Петрозаводска [29].

В октябре 1924 года государством было принято решение об увязке взимания сельхозналога с кооперативными заготовками, заготовительные планы кооперации согласовывались со сбором сельхозналога. В Карелии в 1924/25 годах планировалось собрать сельхозналога на сумму 320 тысяч руб. К сборам сельхозналога и заготовкам скота, сена было решено привлечь все крупные кооперативные союзы Карелии: Карело-Прионежский союз, Кемско-Ухтинский союз и Крайсоюз. Для этого предполагалось открыть краткосрочный кредит на сумму около 3 тысяч червонцев. Кооперация, проводя заготовки за наличный расчет, могла оказать большую поддержку крестьянству и сохранить их продукцию от обесценивания частными скупщиками, что, по мнению представителей правительства Карелии, имело большое политическое значение [30].

С целью получения дополнительных оборотных средств Крайсоюз заключил ряд договоров на поставку дров с такими организациями, как: Северокустарь, Всеколес, Ленинграждел-дорлес. Лесозаготовками занимались лесные артели и союзы, входившие в систему Крайсоюза: Вытегорский промысловый союз, Шальский, Юксовский союзы кооперативов, Ивинское и Муромльское товарищество. В сезон 1923/24 годов товарищества заготовили дров больше, чем было обусловлено договорами, но правление Крайсоюза решило поддержать первичные кооперативы и артели, чтобы обеспечить занятость населения в районах развития лесного промысла. В Карелии этот период был связан с неурожаем и голодом в 1923–1924 годах, поэтому доходы от лесных промыслов были очень важны для всех крестьянских хозяйств [31].

Партия большевиков рассматривала кооперацию как «столбовую дорогу к социализму» и стремилась поставить во главе кооперативных союзов людей, «преданных делу революции». Олонецкий губком РКП(б) считал Крайсоюз «организацией незаконной», так как «Крайсоюз в лице его первых руководителей вел исключительно семейно-замкнутую работу, всячески избегая публичных отчетов и выступлений, всячески избегал гласности и предоставления планов в соответствующие госучреждения НКЗ, Карплан и др.» Таким образом Крайсоюз оставался «без определенного контроля со стороны советских и партийных органов». Больше всего эти органы были возмущены тем, что в правлении Крайсоюза не было ни одного члена РКП(б), организаторами и руководителями кооперативного союза были эсеры Тихомиров, Прохоров, Капусткин, меньшевик Абакумов, кадеты Кожевников и Наймарк [32].

Считая, что «кооперация находится в руках спецов, работающих в советском духе не за совесть, а за страх», Карельский обком РКП(б) неоднократно давал указания по «очистке аппарата кооперации от контрреволюционных элементов», поскольку «введение в правление Крайсоюза наибольшего числа коммунистов внесет свежую струю в атмосферу старой кооперации, оживит ее деятельность и направит твердою рукою по новому курсу». В правлениях кооперативных товариществ коммунистические фракции должны были проводить «твердую коммунистическую линию в кооперативной работе». Для этого на местах нужно было подыскать «деловых, опытных, хозяйственных, имеющих хотя бы небольшой кругозор коммунистов», даже без опыта работы в кооперации [33].

Карельский и Олонецкий губкомы РКП(б) стремились подчинить Крайсоюз, поставить его под жесткий контроль. С этой целью использовалась местная печать и участие советских и партийных работников в деятельности перевыборных собраний. В газете «Красная Карелия» были проведены небезуспешные кампании против Крайсоюза с критикой старого правления. Самостоятельная деятельность кооператоров без контроля со стороны органов Советской власти и партии большевиков оценивались как «экономическая контрреволюция» и «злое намерение подорвать сельскохозяйственную кооперацию в Карелии». Партийное руководство республики решило избрать новое правление, которое должно было стать «на подлинно кооперативный путь, решительно устранить путь кулачества и спекуляции в работе Крайсоюза» [34].

10 июля 1923 года было проведено очередное собрание уполномоченных Крайсоюза. На собрании был заслушан отчет руководящих работников кооперативного союза и избраны новые органы: правление, совет и ревизионная комиссия. Правление теперь состояло из трех человек: А. П. Тихомиров (председатель), Н. Д. Крячков и А. И. Татаринов. В Совет Крайсоюза входили семь человек: М. С. Стратонников, Г. В. Логинов, П. Ф. Якунин, А. В. Шотман, Ф. Е. Поттоев, И. А. Ярвисало, Я. С. Калиновский. В ревизионную комиссию вошли А. Ф. Кожевников, Н. И. Павлов, О. Г. Саар. О. Г. Саар был заместителем заведующего Карземуправления, членом РКП(б). Председатель правления Крайсоюза так прокомментировал это событие: «В состав правления Крайсоюза с согласия последнего включены представители местной партии коммунистов» [35].

В 1924 году правительство Карельской республики снова вмешалось в работу Крайсоюза и рекомендовало избрать новое правление. На очередном собрании уполномоченных 26 августа 1924 года старое правление во главе с А. П. Тихомировым было снято со своих по-

стов. Было избрано новое правление в составе пяти человек: И. А. Ярвисало (председатель Совета Крайсоюза), П. В. Спиридонов (председатель ревизионной комиссии), М. В. Ларионов (председатель правления), Н. Д. Крячков, Т. А. Пименов. Все они были членами РКП(б) с 1917–1918 гг. И. А. Ярвисало и П. В. Спиридонов имели среднее образование, остальные – низшее. Во время избрания его на пост руководителя союза сельскохозяйственной кооперации М. В. Ларионов работал в Сельхозбанке и трех комиссиях сразу, поэтому к своим обязанностям он смог приступить только через месяц. М. В. Ларионов пробыл в должности председателя правления Крайсоюза до марта 1925 года, а затем перешел на работу в Наркомзем. На собрании был увеличен численный состав Совета Крайсоюза. В 1924 году в него вошли 16 членов РКП(б), из них только один человек имел опыт работы в кооперации до 1917 года [36].

В 1923/24 г. кооперация переживала тяжелый финансовый кризис, связанный с денежной реформой и снижением цен на сельхозпродукцию в общегосударственном масштабе, что совпало с первым кризисом нэпа – кризисом сбыта. В 1923 году Крайсоюз был одним из лучших кооперативных союзов страны, собственные средства составляли 20 % баланса союза, но в начале 1924 года они упали до 2 %. Ухудшение финансового положения Крайсоюза было связано со снижением торговых оборотов низовых товариществ, задолженностью Наркомфина перед кооперативными организациями, общей финансовой ситуацией в стране.

Большие убытки принесли Крайсоюзу лесозаготовительные операции, так как теплой осенью 1923 года и зимой 1923/1924 гг. спрос на дрова был на 50 % меньше, чем в прошлые годы. Кроме того, в это время большинство фабрик, заводов, учреждений Ленинграда стало переходить с дров на минеральное топливо – уголь, потребность в дровах резко сократилась. В результате сложившихся обстоятельств образовался долг 16 тысяч червонцев (174 тысячи руб.)

Для оздоровления финансовой ситуации в конце 1924 года СНК АССР дал Крайсоюзу ссуду в размере 20 тысяч руб. Председатель правления М. В. Ларионов имел свой план деятельности союза: развивать льноводство, скотоводство и маслоделие, вести заготовку и сбыт ягод, грибов, дичи, пушнины, построить мельницы, кожевенные заводы и маслозаводы, возродить крестьянские кустарные промыслы (кружевоплетение, производство деревянных игрушек и изделий из бересты), организовать производство и сбыт продуктов сухой перегонки дерева (смола, деготь, скипидар).

Однако новое правление не могло сразу улучшить финансовое положение Крайсоюза. По мнению некоторых кооперативных работников, новое правление во главе с М. В. Ларионовым упустило время для организации сезонных промыслов по заготовке леса и пушнины, заключило убыточный договор с госпароходством на поставку березы. На складах Крайсоюза не было надлежащего ассортимента товаров, необходимых в крестьянском хозяйстве. Не удалось получить прибыль и от «дровяной операции». Вот что сообщал член правления Н. Д. Крячков председателю правления М. В. Ларионову в письме от 11 ноября 1924 года: «Положение с платежами настолько обострилось, что у меня нет ни малейшей уверенности, что мы выйдем из создавшегося положения благополучно. Дрова продать нет пока никакой возможности, ибо погода стоит теплая, розничная продажа ничтожная, а оптовой нет благодаря привозу угля и отсутствию денег. Госбанк обирает до последней копейки вырученные деньги на розничной продаже, поэтому нет денег, чтобы платить за аренду складов» [37].

В конце 1924 года задолженность Крайсоюза составляла уже 260 тысяч руб. Для погашения долга правительство Карелии предприняло ряд мер: выдача кредитов, пролонгирование платежей и списание долгов. Также правительство Карелии обратилось в ЭКОСО РСФСР с ходатайством о предоставлении Крайсоюзу ссуды в размере 120 тысяч руб., 40 тысяч безвозвратный и 80 тысяч руб. долгосрочный кредит.

В докладной записке в ЭКОСО РСФСР председатель СНК АССР Э. Гюллинг писал: «Финансовый кризис наступил в связи с тем, что работа Крайсоюза приобрела неправильный уклон: вместо развития сельскохозяйственной кооперации, союз развил чисто торговые операции, в которых вследствие неподготовленности и неумения вести дело понес крупные убытки. Крайсоюз оказался на грани ликвидации, что было нежелательно по политическим соображениям, так как это дискредитирует в глазах малосознательного населения значение кооперации, но и может быть использовано финской и белокарельской реакцией для агитации против Советской власти» [38].

25 февраля 1925 года состоялось внеочередное собрание уполномоченных Крайсоюза, которое рассмотрело вопрос о тяжелом финансовом положении Крайсоюза. При выяснении причин увеличения задолженности этого кооперативного союза все выступавшие от советских и партийных органов всю вину возложили на старое правление. Председатель ЦИК КАССР А. Ф. Нуортева сказал: «Надо отрешиться раз и навсегда от Тихомировых и компании, которые умеют только производить траты государственных и партийных денег, подрывать авторитет Советской власти и подкапывать основу сельскохозяйственной кооперации. Надо дальнейшую работу вести в контакте с госорганами, с центральной карельской властью и партией и согласовывать ее с банками» [39].

На внеочередном собрании 25 февраля 1925 года был избран новый состав правления союза,

куда вошли советские и партийные работники М. Я. Абрамов, И. П. Парамошков, Ф. Е. Поттоев. Председателем правления стал бывший работник Наркомвнуторга М. Я. Абрамов, который возглавлял Карсельсоюз до его ликвидации в 1926 году. Крайсоюз был переименован в Карельский союз сельскохозяйственных, кредитных и кустарно-промысловых кооперативов (Карсельсоюз). В заключительном слове А. Ф. Нуортева сказал: «Четыре года Карелия неуклонно идет по пути усовершенствования, и только один Крайсоюз идет не в ногу. Всем было больно видеть эту отсталость Крайсоюза. Госорганы, партия и центральная власть вывели сейчас Крайсоюз на должную дорогу» [40].

Новому правлению удалось улучшить финансовое положение Карсельсоюза. К апрелю 1926 года оно сократило задолженность на 75 тысяч руб., уменьшились накладные расходы, произошло укрепление первичных кооперативов. Однако внешний долг Крайсоюза был по-прежнему большим, собственных средств для работы союза не хватало. В апреле 1926 года из-за больших убытков этот союз был ликвидирован, а сельскохозяйственные и промысловые товарищества Карелии остались без своего кооперативного центра [41].

Следует заметить, что в эти годы финансовое обеспечение всей системы сельскохозяйственной кооперации было крайне недостаточным. Соотношение между собственными и привлеченными средствами складывалось не в пользу кооперативных организаций. В 1925–1926 годах у многих союзов сельскохозяйственной кооперации Северо-Западной области РСФСР по сводному балансу заемные средства составляли 90 %, собственные – всего 10 %. При этом собственные средства складывались из стоимости паев, имущества и предприятий. В условиях сокращения товарного кредитования оборот финансовых средств происходил медленно, что не увеличивало доходы кооперативных союзов. Заемные средства состояли из краткосрочных ссуд. Хроническим недостатком в работе сельхозкооперации было несовпадение сроков оборачиваемости товаров со сроками кредитования. Отсутствие собственных средств, резервных фондов и запасных капиталов не позволяло кооперативным союзам вовремя ликвидировать это несовпадение и нерасчетность балансов.

С осени 1925 года произошло резкое сокращение товарного кредитования и финансовой помощи со стороны ЦСХБ. В этих условиях многие районные союзы сельскохозяйственной кооперации не могли продолжать свою деятельность и были ликвидированы. Только в Северо-Западной области в 1925–1926 годах прекратили свое существование 18 союзов сельскохозяйственной кооперации, а в апреле 1926 года в связи с тяжелым финансовым положением был ликвидирован областной центр сельскохозяйственной кооперации – Трудсоюз.

По мнению современных исследователей, одной из причин финансового кризиса сельскохозяйственной кооперации середины 1920-х годов было противоборство и противоречие между государственной системой сельхозкредита и сельхозкооперацией. К весне 1925 года лишь 19 союзов сельскохозяйственной кооперации РСФСР имели прибыльный и ликвидный баланс. В то же время происходило усиление финансовой мощи государственной системы сельхозкредита, к апрелю 1925 года баланс ЦСХБ достиг 100 млн. руб. Вопрос о взаимоотношениях систем государственного сельхозкредита и сельхозкооперации рассматривался даже на XIV партийной конференции, проходившей в апреле 1925 года, но и это мероприятие не улучшило финансового положения кооперативных союзов [42].

После ликвидации Карсельсоюза некоторые низовые сельскохозяйственные товарищества распались. Однако подъем сельского хозяйства Карелии, развитие товарно-денежных отношений, рост товарности крестьянских хозяйств способствовали дальнейшему развитию сельскохозяйственной кооперации. Руководство и помощь в организации различных специальных товариществ осуществлял Наркомат земледелия. О развитии сельскохозяйственной и кредитной кооперации свидетельствует данная таблица:

Таблица 2

Сельскохозяйственная кооперация Карелии в 1926–1929 годах.

Товарищества	1926 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
	Число кооперативов	Число членов в них	Число кооперативов	Число членов в них	Число кооперативов	Число членов в них
Мелиоративные	95	1830	240	5650	300	6500
Машинные	16	205	104	750	150	1750
Кредитные	25	6113	51	17085	82	18726
Масло- и сыродельные	2	123	20	730	20	800
Бычьи кооперативы	-	-	40	1200	52	1500
Оленеводческие	7	126	3	60	3	60
Коневодческие	-	-	1	22	1	22
Прочие	15	339	11	179	16	280

В 1928/29 гг. в Карелии действовали 604 сельскохозяйственных кооператива. Наиболее распространенными были мелиоративные (300) и машинные (150) товарищества. Самыми большими по охвату населения были кредитные кооперативы: 82 кредитных товарищества объединяли 18726 хозяйств. В Карелии также существовали масло- и сыродельные артели, животноводческие и прочие сельскохозяйст-

венные кооперативы. Сельскохозяйственная кооперация Карелии пошла по пути специализации, однако в 1929 году этот процесс был остановлен в связи с началом сплошной коллективизации сельского хозяйства [43].

Таким образом, сельскохозяйственная кооперация внесла большой вклад в развитие сельского хозяйства Карелии, повышение агрокультуры крестьянских хозяйств, снабжение их семенами, рабочим скотом, орудиями труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Чаянов А. В. Избранные произведения: Сб. М., 1989. С. 190, 196.
2. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М., 1987. С. 242.
3. Дмитриева В. А. Деятельность КПСС по развитию сельскохозяйственной кооперации на Европейском Севере СССР до начала массовой коллективизации (1917–1928 гг.). Вологда, 1974. С. 18, 42; Кооперация Севера. 1921. № 1. С. 17; Десятилетие Северосоюза. Вологда, 1922. С. 8.
4. История экономики Карелии: в 3-х кн. Кн. 1. Петрозаводск, 2005. С. 156–157.
5. Там же; Пришвин М. М. За волшебным колобком. Петрозаводск, 1987. С. 67, 68.
6. Дмитриева В. А. Деятельность КПСС по развитию сельскохозяйственной кооперации на Европейском Севере СССР до начала массовой коллективизации (1917–1928 гг.). Вологда, 1974. С. 18, 42; Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 14/177. Л. 39–40.
7. Храневич К. И. Сельскохозяйственная кооперация в России // Кооперация и сельское хозяйство. Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Кн. 1. Прага, 1924. С. 151.
8. Сельскохозяйственная кооперация в условиях новой экономической политики. М., 1923. С. 30.; Колхозно-кооперативное строительство в СССР. 1917–1922 гг. М., 1990. С. 283.
9. Правда. 1921. 23 августа.
10. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 454.
11. Колхозно-кооперативное строительство в СССР. 1917–1922 гг. С. 274–275.
12. НАРК. Ф. 244. Оп.1. Д. 4/33. Л. 315.
13. Там же. Д. 9/100. Л. 15.
14. Там же. Д. 9/100. Л. 15; История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 455.
15. НАРК. Ф. 545. Оп. 1. Д. 1/187. Л. 17.
16. Сельскохозяйственная кооперация в условиях новой экономической политики. М., 1923. С. 131.
17. Историки спорят. 13 бесед / Под общей редакцией В. С. Лельчука. М., 1988. С. 159–160.
18. Бюллетень Сельскосоюза. 1922. № 9. С. 11.
19. НАРК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 9/100. Л. 16–17.
20. Храневич К. И. Схема участия государства, капитала и кооперации в восстановлении народного хозяйства России // Кооперация и сельское хозяйство. Кн. 1. Прага, 1924. С. 27.
21. Чаянов А. В. Краткий курс кооперации. М., 1925. С. 49.
22. Вестник ЦИК и СТО СССР. 1924. № 1. Ст. 5; Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 32. Ст. 222.
23. НАРК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 4/33. Л. 221.
24. Там же. Л. 15, 18, 20; Д. 17/219. Л. 16.
25. Там же. Д. 17/212. Л. 14.
26. Там же. Д. 17/221. Л. 134.
27. Там же.
28. Там же. Д. 4/40. Л. 105; Д. 4/44. Л. 272; Д. 9/100. Л. 20.
29. Там же. Д. 4/44. Л. 100; Д. 9/100. Л. 15–17.
30. Там же. Д. 4/44. Л. 46.
31. Там же. Д. 4/33. Л. 101; Д. 9/100. Л. 17.
32. Там же. Д. 4/33. Л. 88.
33. Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 1. Д. 97. Л. 28, 12; Ф. 4. Оп. 1. Д. 291. Л. 2; Ф. 7. Оп. 1. Д. 42. Л. 18.
34. НАРК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 7/75. Л. 38.
35. Там же. Д. 9/100. Л. 16.
36. Там же. Д. 7/75. Л. 38; Д. 4/33. Л. 130; Д. 4/40. Л. 19.
37. Там же. Д. 4/33. Л. 58.
38. Там же. Л. 85.
39. Там же. Д. 5/45. Л. 72.
40. Там же. Л. 74.
41. Сидорова Л. А. Сельскохозяйственная кооперация Карелии в 1920-е годы // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 92.
42. Бунин А. О. Борьба кооперативных и государственных начал в организации кредитования деревни и ее влияние на судьбу нэпа // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 209.
43. История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 478.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ИСТОРИЯ 2008

УДК 94 (470-25). “1918/1920”

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ФЕДОРОВ
аспирант Института российской истории РАН (Центр «Россия, СССР в истории XX века»)
ale15226656@yandex.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 1918–1920 ГОДАХ С САНИТАРНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Изучение различных аспектов повседневной жизни советского общества остается очень актуальной темой. В этой статье автор рассматривает проблемы повседневной жизни в качестве одного из наиболее острых социальных вопросов, возникших перед гражданином в послереволюционном городе. Внутренняя атмосфера такого города пронизана взаимной враждой, безразличием и недоверием. Все мысли простого человека были лишь о дне сегодняшнем и о том, как его прожить. Особое внимание обращается на условия повседневного бытия простого человека в годы гражданской войны.

Ключевые слова: история повседневности, материальные условия жизни, антропология города

Историческое время с 1917 по 1920 год рассматривается в современной историографии как крупномасштабная общероссийская катастрофа, повлекшая за собой ряд непрерывных негативных перемен в повседневной жизни рядового советского гражданина. Одно только перечисление тех трудностей, с которыми столкнулись наши соотечественники, займет слишком много времени, да и вряд ли оно будет полным. Выделим лишь наиболее важные проблемы. Это, прежде всего, удовлетворение элементарных физиологических потребностей, что позволяет человеку просто физически существовать. Например, одной из базовых потребностей является пища. Конечно, на сегодняшний день такая мысль может показаться абсурдной, но для современников событий революции и гражданской войны пища одновременно и мечта, и та реальность, в которой приходится бороться за право на существование. На улице часто можно было встретить людей, сошедших с ума от голода и обрушившихся невзгод – выселений из квартир, нехватки топлива, отсутствия необходимой одежды и т. д. «Он шел, придерживаясь за стены, брел как пьяный, хватаясь за фонари, и мне, идущему следом, казалось, что он должен сейчас упасть. Я взял его под руку и сказал: «Вы, кажется, больны… Вам необходим покой, доктор и усиленное питание». На желтом, припухшем лице незнакомца появилось бледное подобие улыбки. «Мне усиленное питание не нужно, – прошелестел он, – я враг усиленного питания, я четверка!» «Что, – удивился я, – какая четверка?» «Хлебная… четверть фунта (норматив выдачи хлеба в одни руки. – *А. Ф.*), и у меня есть связи: я хорошего рода. Мой двоюродный брат – Царь-Голод – единственное коронованное лицо, которое скоро признают ваши правители. Мой дядя – грабеж, племянница у меня – нищета… Не правда ли, я хорошего рода?» Мне стало жутко: рядом шел человек, вообразивший себя хлебным пайком! «Я четве-

© Федоров А. Н., 2008

рочка, – продолжал он, – я маленький кусочек сырого, невыпеченного, черного хлебца. Как только я вхожу в дом, там раздаются радостные крики. Меня с жадностью хватают. Ко мне тянутся мужские и женские, старые и молодые руки… О, как сверкает голод в глазах! Как дрожат пальцы! Какой спор, какие крики поднимают из-за меня! Я счастлив! Меня берут, меня распределяют на целый день, меня крошечную, разом исчезающую в их огромных ртах! А мой двоюродный брат – Голод, стоит в углу и смеется. Ах, как он умеет хохотать! Дьявол свой дьявольский смех копирует с него, но ему далеко до оригинала!» [1].

В условиях истощения человеческого организма, повсеместной нехватки медикаментов, медицинского оборудования, любое, даже самое незначительное заболевание могло таить в себе смертельную опасность. Угроза нашествия эпидемий напрямую зависела от количества людей, проживающих в том или ином населенном пункте, состояния коммуникаций (водопроводных и канализационных труб), уборки улиц и т. п. Очевидно, что такая угроза актуальна в первую очередь для крупного города с большим количеством жителей. В Советской России в 1917–1920 годах такому статусу отвечали Москва, Петроград, некоторые губернские центры Европейской части России. Для проживавших в них людей поддержание чистоты в жилых помещениях и на городских улицах стало вопросом жизни и смерти. На материалах Москвы, вернувшей себе с марта 1918 года звание первой столицы, вполне возможно представить с санитарной точки зрения послереволюционный российский город как место повседневной жизни людей.

Московский врач Вельмен, делая доклад на одном из ответственных заседаний в марте 1920 года, всего лишь обобщил известную информацию о санитарном состоянии столицы: «Москва загрязняется с 1915 г., и, в конце концов, совершенно загрязнилась» [2]. Не стоит полагать, что это произошло совершенно неожиданно: предупреждения врачей, инженеров городских коммуникаций, коммунальных работников появились гораздо раньше. Например, в июне 1917 года врач Екатерина Абрамсон в письме к городским властям замечала: «Город представляет собой помойную яму – это уже общественное бедствие, а Вами еще ничего не предпринято. Вчера лопнул засорившийся водопровод, завтра может испортиться канализация. Надо действовать, пока не поздно» [3].

Уже к весне 1918 года типичный московский дом представлял собой печальное зрелище. За время мировой войны во многих зданиях как внутренний, так и внешний ремонт не производился. Отсюда – проблемы с центральным отоплением, неисправная канализация, проржавевшая крыша, во многих местах которой были дыры, развалившиеся кухонные печи и плиты, сгнившие рамы и двери, обвал штукатурки. Кроме того, сырость, холод, черная вода из-под крана, накопившиеся во дворах мусор, груды нечистот… Видимых следствий запустения городского хозяйства слишком много. Вроде бы все обо всем знали, были предупреждены о возможных последствиях разрухи и загрязнения, однако большого количества эффективных мер к тому, чтобы предотвратить возможный риск нашествия заболеваний, не было предпринято. В основе этого лежали как объективные, так и субъективные причины, которые определялись общим социальным контекстом переломной эпохи.

Дворник в 1917–1920 годах запросто может объявить забастовку, требуя от властей увеличения жалования, сокращения рабочего дня, социальной помощи. Не определяя справедливость таких требований, стоит отметить, что коммунальные службы не только сами не убирают улицы, не вывозят мусор и т. п., но и оказывают противодействие, вплоть до применения физической силы, тем гражданам, которые, например, вышли летом 1917 года подмести улицу перед своим домом. Депутат Московского Совета Рабочих Депутатов А. Ю. Лидин в это же историческое время замечал на улицах города не только пыль и мелкий сор, но и трупы павших животных [4]. В условиях продовольственного кризиса последнее было особенно опасно – трупное мясо оказывается не на свалках, а на столах москвичей. Один из современников с горечью признавал, что «русский человек, выросший среди вопиющих антисанитарных безобразий, давно к ним привык и ничему в этом отношении не научился» [5]. Часто из выгребных ям нечистоты выливаются прямо на двор, распространяя повсюду зловоние и заразу.

Среди причин прогрессирующего развития антисанитарии – общегородская нивелирующая атмосфера, принесенная октябрем 1917 года. В ней царит постоянный «передел» различного имущества между государством, городом и отдельным человеком. В первую очередь речь идет о городских квартирах: уплотнениях, выселениях, переселениях жильцов, которые привели к тому, что «Иван кивает на Петра, а Петр кивает на Степана, а время идет, и мы продолжаем жить среди грязи, заразы и смрада» [6]. Безразличие к окружающей обстановке усиливается с каждым прожитым днем. Постепенно человек впадает в такое апатичное состояние, в котором уже не имеют решающего значения возможные последствия ужасов сегодняшнего дня.

По подсчетам специалистов, в 1918 году каждый москвич производил 19 пудов твердого мусора (около 300 кг) и порядка 40 литров нечистот в год. Так как численность населения Москвы не опускалась в 1918–1919 годах ниже отметки в 1 200 тыс. чел., получается, что только за 2 года на улицах города скопилось около 400 тыс. тонн отходов [7]. Из этого числа, по самым оптимистичным оценкам, за пределы

городской черты своевременно было вывезено не более 1–3 % мусора. При объективных трудностях в работе коммунальных служб – явной нехватке перевозочных средств и «черновых» работников, полнейшая бесхозяйственность обывателя – в числе первых причин разгула эпидемий в 1918–1920 годах, главными из которых становились кишечные инфекции (дизентерия, холера) и тиф.

Прямые обращения врачей к населению о соблюдении чистоты и элементарной гигиены были бесполезны. «Мыть руки перед едой» – из-за дефицита мыла, «не употреблять в пищу подозрительных и не свежих продуктов» – до 90 % составляющих продуктовой корзины представляли собой суррогаты сомнительного качества, «обращаться к врачу при первых признаках болезни» – на 1 участкового врача в среднем приходилось от 2-х тысяч пациентов и нельзя было рассчитывать на оперативную помощь, кроме того, вырос риск получить иное заболевание от других людей, пришедших на прием и т. п. На это накладывается жизнь за порогом нищеты порядка 25 % москвичей (около 400 т. ч.), которые расходуют наличные средства лишь на приобретение продуктов, совершенно позабыв о личной гигиене. Жилища, одежда городской бедноты становятся благоприятной средой для популяций насекомых, переносящих заболевание от человека к человеку. Избежать встречи с больным невозможно, и потенциально каждый горожанин в условиях ежедневно нараставшей нищеты может рассматриваться как настоящий или будущий носитель инфекции.

Среди мер административного характера, направленных на превентивную борьбу с заболеваниями, стоит отметить Обязательные Постановления Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов от 18 июля и 7 августа 1918 года «О содержании бань». Владельцам этих заведений предписывалось открывать бани для посетителей не менее 3 раз в неделю, воздерживаться от повышения платы за услуги, а главное, обеспечить бесплатный вход наиболее нуждающемуся населению [8]. Банщики восприняли эти социальные инициативы властей как обязанность, которую если и стоит выполнять, то таким образом, чтобы не потерять своей выгоды. Медико-Санитарный Совет г. Москвы признавал, что в «простонародных» отделениях, посещаемых бесплатно, «страшная грязь, горячая вода почти не течет», тогда как в «дворянских», посещаемых за плату, «вода течет хорошо и чистота» [9]. Заведующий одного из московских детских приютов, воспитанники которого имели право на бесплатный вход, отмечал, что «не представляется возможным поддерживать чистоту тела детей хождением в торговые бани, так как оттуда скорее, чем откуда-либо, можно занести сыпной тиф. К этому же следует добавить, что бани бывают открыты 1 раз в 2–3 недели, плохо отапливаются, и вода в них не бывает достаточно горячей. Следовательно, помимо тифа легко в таких банях простудить детей» [10].

Попытки московских властей искоренить подобные явления закончились неудачей. Планировавшаяся в декабре 1918 года муниципализация частных бань, направленная на то, чтобы перевести данные заведения в собственность города и таким образом контролировать их работу, была практически сразу отменена. Это произошло потому, что из 51 столичной бани, функционировавшей в конце 1918 года, 22 закрылись при первых слухах о возможной муниципализации [11]. Нечто подобное случилось и с другим элементом социальной инфраструктуры города – парикмахерскими. Услуги данных заведений воспринимались современниками как средство кардинальной борьбы с распространением насекомых – переносчиков болезни, поэтому их нормальное функционирование имело большое значение для города. Муниципальные парикмахерские не выдерживали конкуренции со стороны частных заведений, «умирали медленной смертью». Несмотря на то, что в советских парикмахерских брали в 1919 году 5 руб. за стрижку, в то время как в частных в 20–40 раз больше, муниципальные заведения обладали такой низкой пропускной способностью, что «надо ждать 2–3–4 часа и уйти, не остригшись» [12].

Важным условием, благоприятствующим распространению заразы, стала высокая скученность населения в отдельных жилищах – именно в них чаще всего происходило заражение от человека к человеку. В Москве к 1918 году, по сравнению с 1914 годом, уменьшилась городская жилая площадь с 41 250 000 м² до 26 813 000 м² [13] при сохранении примерно одинакового количества жителей. Это, в свою очередь, потребовало срочного решения обострившегося жилищного вопроса. Власть в данном случае пошла по пути «уплотнения» граждан (1918 г.), концентрируя все большее количество людей в одном месте, при этом экономя топливо и реализуя принципы совместной коммунальной жизни. Температура в московских зимних квартирах, из-за «дровяного голода», в 1918–1920 годах не поднималась выше 13°, а чаще колебалась на уровне 8–9°. В журналистском расследовании редакции газеты «Рабочий Интернационал» (март 1919 г.) отмечались некоторые итоги прошедшей зимы: «Более 2/3 всех московских домов, свыше 2 тыс. зданий с центральным отоплением, заморожены. Иными словами, наилучше оборудованные дома, в которых жило до 400-500 тыс. жителей, оказались негодными для жилья. В течение лета ремонт всех этих зданий едва ли будет возможен, лопнувшие от мороза водопровод и канализация грозят весной затопить Москву. Следующая зима будет неизмеримо ужаснее, вследствие полного отсутствия заготовок дров. Заготовительная кампания

пропущена, до сих пор мы жили запасами 1916–1917 гг.» [14]. Холодные дома добавили в повседневную жизнь простого человека ряд легочных заболеваний, самыми опасными из которых становились «испанка», острый бронхит и воспаление легких. По вопросу практической реализации принципов коммунальной жизни Инструкция Московского Совдепа о максимальном уплотнении квартир в связи с кризисом топлива (декабрь 1918 г.) предусматривала, что «переселяющиеся берут с собой минимум вещей» [15]. На практике это означает отсутствие сменного белья, отдельной постели и т. п. элементарных средств личной гигиены. Активное распространение, вследствие этого, получают не только тиф, но и «народные болезни» – сифилис и туберкулез, а в органы власти всех уровней потечет поток жалоб граждан с просьбой об удалении нежелательных соседей. По данным Особого Строительно-Санитарного Комитета г. Москвы (Оском), к весне 1920 года из 3462 владений с центральным отоплением уцелело лишь 1092. В то же время, за зиму 1919/1920 гг. москвичами было разобрано на дрова более 2,5 тыс. деревянных домов, около 850 зданий не годились даже на дрова и были позже сожжены по личному распоряжению В. Д. Бонч-Бруевича, дабы избежать дальнейшего распространения заразы [16].

По подсчетам А. А. Ильюхова, всего за 1918–1920 годы в Москве умерло порядка 150 тыс. чел. [17], не менее ⅓ этих смертей имели своей причиной какое-либо заболевание. Эта цифра значительна и равняется населению крупного губернского города того времени, такого, например, как Калуга, Тверь или Ярославль. Большое количество тел, ожидавших в больницах медицинского вскрытия, также таило угрозу для живых. Поэтому тела умерших от заразы, как правило, не выдавались родным и с целью экономии государственных средств хоронились в общих могилах. Но самый безопасный способ утилизации был найден в кремации: с ноября 1919 года в столице идет активное строительство камер для сжигания трупов.

Простой человек, живущий потребностями сегодняшнего дня, чувствуя свою неспособность решить проблему риска получить заболевание, начинает апеллировать к властям. Характерное «письмо во власть» из 1919 года: «Товарищи Врачебно-Санитарного Отдела! Прошу обратить внимание на нашу просьбу. Будьте добры отрядить комиссию и осмотреть, какая грязь и зараза находятся во дворе дома № 3 по Мытной улице, около Калужской площади. Весь двор представляет из себя одну сплошную грязную яму, по всему двору кишат черви и даже на улицу вытекает червовый ручей. Сюда же выбрасываются различные нечистоты, и ввиду скверного воздуха нельзя открывать окна, которые выходят во двор. Ведь от *такой заразы могут разводиться различные эпидемические болезни* (курсив мой. – *А.Ф.*). Надеемся, что Вы не откажете в нашей просьбе и осмотрите наш дом. За это принесем Вам искреннюю и глубокую благодарность… очень и очень просим не оставить нашей просьбы» [18].

Перед лицом ужасной смерти все горожане оказались равны, независимо от своей классовой принадлежности и идейных убеждений. Под вопросом стоит само будущее советского государства, так как непонятно: кому же в условиях демографического кризиса придется строить новое, справедливое общество? Российского обывателя мало беспокоил подобный вопрос, совершенно иное отношение он встречает у большевистских лидеров. Зима 1919/1920 гг. собрала в Москве очередной «богатый» урожай из 30 тыс. заболевших, каждый третий из которых, по статистике, должен был умереть. От властей потребовались решительные, даже порой жесткие меры, дабы остановить массовые заболевания. В феврале 1920 года создается Московская Чрезвычайная Санитарная Комиссия (соответствующие Постановления СНК РСФСР и Исполкома Московского Совдепа от 9 и 20 февраля), которая получит широкие полномочия, вплоть до привлечения к суду Ревтрибунала лиц, не исполняющих ее решения [19].

Главной задачей Чрезвычайной Комиссии (МЧСК) становилась очистка Москвы от накопившегося мусора и нечистот, а также общее улучшение санитарного состояния столицы. Предполагалось сразу действовать по нескольким направлениям: во-первых, «внедрение в сознание населения предстоящей опасности от загрязнения, необходимости каждому взяться за работу по очистке, чтобы спасти себя и других» [20] (агитационно-пропагандистский подход). В этом случае использовались как традиционные средства наглядной агитации (публичные лекции, брошюры, плакаты и т. п.), так и нетрадиционные, например кинотеатры, в которых демонстрировались фильмы медицинского содержания. При необходимости быстро решать проблему полнейшей антисанитарии достаточно трудно объективно оценить степень действенности такого подхода. Во всяком случае, ясно, что его результаты проявят себя еще не скоро, поэтому гораздо больший исследовательский интерес вызывает репрессивно-принудительная стратегия, предложенная МЧСК.

Первостепенной задачей становилась очистка жилых помещений и мест общего пользования (дворов, лестниц, чердаков, подвалов и т. п.). Эта обязанность возлагалась на самих жильцов, за ее исполнением следил 4-х уровневый контроль: соседи, председатель домового комитета, управляющий квартальным хозяйством и государственный контролер. Вся система держалась на принципах «круговой поруки». Власти же, в лице Правительства РСФСР и лично В. И. Ленина, гарантировали материально-техническую поддержку проводившимся меро-

приятиям, самым масштабным из которых стала «Неделя очистки» (1–15 марта 1920 года). По первоначальной смете на ее проведение планировалось израсходовать 200 млн. руб., затем сумма расходов выросла в 3,5 раза и составила 700 млн. руб. Из финансовых расчетов стоимости вывоза одной подводы с мусором в марте 1920 года вытекает, что всего за это время за пределы городской черты было вывезено около 65 тыс. тонн мусора [21], т. е. не более 1/6 части накопившихся за 2 года отходов. Остальная часть или сжигалась в кухонных печах или на улицах, отравляя едким запахом воздух, или оставалась внутри города на специально отведенных или на стихийных свалках, или попросту закапывалась в землю или переносилась на территорию соседнего двора. В таком ракурсе несколько иначе воспринимаются «победные реляции» в Центр о проделанной работе: «Неделя чистоты» закончилась, население встряхнулось. Отныне всякий гражданин и каждое учреждение обязаны поддерживать чистоту и опрятность в занимаемом ими помещении. Нарушения сего впредь будет рассматриваться как проступок, подлежащий наказанию. Особо строго будут преследоваться разбрасывание нечистот и отбросов по двору и выплескивание их через окна и на порогах, а также использование для этого нежилых квартир и комнат» [22]. Не умаляя значения «Недели чистоты», считаем, что это была скорее паллиативная мера, решившая проблему загрязнения крупного города на очень короткое время. Более того, заметны несколько наивные ожидания, что прежняя антисанитария никогда уже не повторится.

Еще меньший практический результат имело проведение «Банной недели», «Недели стрижки и бритья», «Недели стирки» с 30 марта по 10 апреля 1920 года. Абсолютно каждый москвич получил «банный ордер» с правом однократного бесплатного посещения важнейших с санитарной точки зрения институтов социальной инфраструктуры: бани, парикмахерской и прачечной. В московских общественных банях даже при 14-часовом рабочем дне и максимальной пропускной способности «банным ордером» смогут воспользоваться не более 700 000 чел. [23], то есть ровно половина населения столицы в весенний период 1920 года. При этом можно предполагать ужасные очереди, ругань, давку и риск получить заболевание. Суррогаты мыла, выдававшиеся для стирки, также ставят вопрос о ее эффективности. О качестве и продолжительности работы частных парикмахерских можно только догадываться. Становится понятно, что не все население Москвы воспользовалось возможностями «банного ордера», а самое главное то, что это была разовая акция и на серьезный долговременный результат рассчитывать не приходилось. Тем не менее на все вышеуказанные мероприятия были израсходованы огромные суммы, порядка 1 млрд. руб., и при этом нельзя сказать, что это значительно улучшило санитарную обстанову столицы в ближайшей исторической перспективе.

Гораздо более взвешенной и продуманной представляется деятельность Особого Строительно-Санитарного Комитета г. Москвы, которым руководил управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич. Действуя автономно от Чрезвычайной Санитарной Комиссии, Строительный Комитет имел своей задачей санитарное обследование всех жилых помещений столицы, по результатам чего решалась их дальнейшая судьба: ремонт, слом на дрова или уничтожение. К октябрю 1920 года, когда были подведены некоторые итоги деятельности Оскома, оказалось, что за летний строительный сезон отремонтировано 3 653 столичных здания, в то время как в 53 губерниях Российской республики вместе взятых всего – 2 347, то есть на 30 % меньше [24]. Довольно успешно были также выполнены работы по восстановлению водопровода, системы центрального отопления. Несколько хуже дело обстояло с ремонтом крыш и канализации. Представляется, что если бы 1 млрд. руб., потраченный ранее на проведение краткосрочных акций, был бы вложен в ремонт зданий, то потенциально это могло бы принести большую пользу и простому человеку, и городу.

Таким образом, в послереволюционном российском городе проблема санитарного состояния жилых домов и улиц является одной из важнейших. Это подтверждается повышенным вниманием к здоровью населения как со стороны специалистов, так и со стороны властей. С другой стороны, обыватель равнодушен, проявляет совершенно явное безразличие к окружающей его обстановке. Во-первых, это объясняется общими негативными переменами в повседневной жизни, суровыми условиями существования. Во-вторых, несформированностью гражданского правосознания, когда человек не способен отвечать за результаты своих действий. Гражданское общество начинается со своего дома, своего двора, но именно там в 1918–1920 годах больше всего нарушений правил элементарной гигиены. Особенности социальной среды накладывают свой отпечаток на все инициативы властей по санитарному вопросу, в итоге сводя к минимуму результаты положительной деятельности. Окончание гражданской войны, переход к НЭПу привнесут в советское общество столь необходимую стабильность, осознание простым человеком ценности своей повседневной деятельности. Изменившиеся материальные условия жизни найдут прямое подтверждение в улучшении санитарного состояния советского города в 1920-е годы. О качественных же сдвигах в области гражданского правосознания, в частности по вопросу чистоты, судить достаточно сложно. Представляется, что эта проблема во многом до сих пор не решена. В отдельные нестабильные отрезки советской и российской истории

санитарный вопрос сохранял свою актуальность как на городских улицах, так и в жилом секторе. В этой связи изучение условий жизни простого человека окажет содействие общему пониманию проблем российского общества на различных этапах его истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фонарь. 1918. 16 февраля.
2. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 228. Л. 1.
3. Там же. Оп. 3. Д. 771. Л. 6.
4. Там же. Л. 3, 8.
5. ЦАГМ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.
6. Там же.
7. Там же. Л. 144.
8. Санитарный бюллетень Москвы. 1918. № 6. С. 1.
9. ЦАГМ. Ф. 1616. Оп. 3. Д. 50. Л. 4об.
10. ЦГАМО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
11. ЦАГМ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 6. Л. 25об.
12. Там же. Ф. 2434. Оп. 1. Д. 25. Л. 46.
13. Жилищное товарищество. 1922. № 6. С. 9.
14. Рабочий Интернационал. 1919. 11 марта.
15. ЦАГМ. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 32. Л. 347.
16. ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 1–2. Д. 210. Л. 25.
17. См.: Ильюхов А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007. С. 170.
18. ЦАГМ. Ф. 2326. Оп. 1. Д. 18. Л. 109.
19. Там же. Ф. 2403. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
20. Там же. Д. 4. Л. 41.
21. Там же. Д. 16. Л. 29.
22. Там же. Д. 3. Л. 10.
23. Там же. Д. 4. Л. 112.
24. ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 1–2. Д. 210. Л. 28об.

УДК 316.3

ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ НИЛОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии факультета политических и социальных наук ПетрГУ
sociolog@psu.karelia.ru

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ: ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы становления и развития новой отраслевой социологической дисциплины – социологии здоровья – в регионах России. Анализируются основные этапы развития социологических исследований здоровья населения в Республике Карелия. Представлены результаты эмпирических исследований здоровья различных этнических групп населения.

Ключевые слова: социология здоровья, социологические исследования

Социология здоровья как отраслевая социологическая дисциплина все убедительнее, хотя и не без проблем обретает в России свой самостоятельный статус [1]. Сегодня она уже востребована и в столичных центрах, и в провинции. Причем, пожалуй, в регионах потребность в социологическом осмыслении проблем здоровья ощущается даже острее. Ибо именно здесь в условиях общенационального кризиса здоровья населения разрывы в медико-социальных показателях между относительно благополучными и неблагополучными территориями достигают порядковых величин. И этот разрыв не уменьшается. Поэтому реализация национальной приоритетной целевой программы в области здравоохранения в регионах должна быть подкреплена обстоятельным социологическим анализом сложившейся ситуации.

Следует отметить, что в целом вопросы, связанные с региональными особенностями здоровья населения, отечественными социологами изучаются уже достаточно давно [2]. В последние годы появляется все больше публикаций социологов, посвященных анализу ситуации и тенденций в области здоровья населения российских регионов [3].

Однако среди определенной части исследователей все еще сохраняется тенденция рассматривать социологию здоровья как некий вариант социологии в медицине, опирающаяся на иллюзию о том, что состояние здоровья зависит исключительно от уровня развития системы здравоохранения. Между тем, как известно, уже более 30 лет рост инвестиций в медицину в развитых странах не дает соответствующего валеологического эффекта, поскольку все большая доля болезней, которыми страдают здесь люди, имеет социально детерминированный и неинфекционный хронический характер, а основной участок борьбы за здоровье населения перемещается в социальную сферу. Это обстоятельство, конечно, не могло остаться не замеченным представителями социальных наук. Анализы эволюции роли здравоохранения в обществе, данные в работах Р. Дюбо, Т. МакКеона, А. Иллича, Е. Фридсона и др., изменили традиционные

© Нилов В. М., 2008

представления об эффективности медицины и роли врача в обществе. Эти исследования показали, что реальные заслуги клинической медицины в борьбе с инфекционными болезнями завышены, ибо, по данным статистики, снижение смертности от многих инфекционных заболеваний началось задолго до того, как клиническая медицина стала применять антибиотики и вакцинацию для профилактики и лечения этих заболеваний. Социальные факторы – образ жизни, питание, гигиена, государственное и муниципальное управление, общественные движения – оказались более важными, чем клиническая медицина [4].

Данные выводы стали настолько ошеломляющими, что такие радикальные критики, как А. Иллич, вообще поставили под сомнение полезную социальную роль медицины. Свою знаменитую книгу «Медицинская Немезида» он начинает следующими словами: «Медицинский истеблишмент превратился в основную угрозу для здоровья. Парализующее воздействие профессионального контроля над медициной достигло пропорции эпидемии… Политики, которые предлагали имитировать российскую, шведскую или английскую модели социалистической медицины, смущены тем, что недавние события показывают, как их любимая система высокоэффективно производит одни и те же патогенные – то есть болезнетворные – методы лечения и ухода, которые производит капиталистическая медицина, хотя и с менее равным доступом. Перед нашими глазами развертывается кризис доверия к современной медицине» [5]. По мнению автора, здоровье людей в новых условиях определяют, прежде всего, факторы окружающей среды, уровень социально-экономического равенства и социально-культурные механизмы. Поэтому только индивидуальная тактика борьбы с заболеваниями позволит человеку приспособиться к меняющейся на протяжении столетий структуре заболеваемости.

Многие социологи полагают, что золотой век медицины закончился, и врачи утрачивают монополию на здоровье населения: их решения относительно лечения все чаще анализируются пациентами, страховыми компаниями, юристами и другими субъектами. Ослабление роли медицины связано также с тем, что правительства усиливают контроль над расходами на здравоохранение и прибылью в медицине, общественность и парламенты все больше внимания уделяют правовой защищенности пациентов, происходит ужесточение правил и норм, критериев эффективности здравоохранения.

Немалую роль в эволюции социальной роли здравоохранения играют и меняющиеся представления о феномене здоровья и болезни. Переход от механистических медикобиологических представлений о болезни как проблеме недугов органов тела к системному осмыслению статуса здоровья подтолкнул к переориентации медицины и формированию в рамках здравоохранения нового гуманистического направления, все теснее связанного с социальными исследованиями. Согласно оценкам специалистов, этот процесс принял уже весьма широкий и необратимый характер [6].

Необходимо признать, что и в отечественной социологии эти взгляды все чаще встречают поддержку. Российские ученые уже более двух десятков лет пытаются выделять индивидуальное и общественное здоровье в качестве объекта самостоятельной социологической теории. Одними из первых еще в 1980-е годы определение социологии здоровья попытались дать В. Н. Иванов и В. М. Лупандин [7]. Во второй половине 1990-х годов «социология здоровья» была официально признана как специальная ветвь социологии, которая исследует комплекс факторов, связанных с трудом, бытом, отдыхом, образом жизни, способствующих укреплению/разрушению здоровья индивида; в сферу ее интересов попадают взаимосвязи и взаимодействия человека с социальной средой по поводу здоровья. Задачей социологии здоровья, по мнению И. В. Журавлевой, должно быть изучение «механизмов социальной обусловленности» общественного здоровья, анализ «его места в системе социокультурных ценностей, регулирующих отношение человека к здоровью» [8].

Конечно, будет нелепо полностью отрицать несомненную связь между здоровьем, заболеваемостью человека в социальном аспекте и медициной как социальным институтом. Тридцать с лишним лет активного изучения детерминант здоровья показало исключительное значение для медико-социального благополучия четырех наиболее значимых факторов: человеческая биология, образ жизни, окружающая среда и организация здравоохранения. Причем с начала 1980-х годов американские исследователи все чаще стали отдавать пальму первенства индивидуальному поведению (образу жизни) человека в сочетании с биологическими, экологическими факторами и лишь затем здравоохранению. В начале 1990-х ведущие американские аналитики М. МакГинис и У. Фог пришли к выводу, что приблизительно половина всех преждевременных смертных случаев в Соединенных Штатах может быть приписана девяти факторам, таким как: табак, диета, сидячий образ жизни, злоупотребление алкоголем, действие микробных агентов и токсинов, огнестрельное оружие, сексуальное поведение, несчастные случаи на дорогах и незаконное использование наркотиков [9]. Сравнительно недавно М. МакГинес, П. Уиллиамс-Руссо и Д. Кикман внесли новации в эту оценку и предложили свести предыдущие девять факторов риска преждевременной смерти к пяти:

1) выбор модели самосохранительного поведения (40 %);

2) наследственность, включая смертные случаи, непосредственно относящиеся к генам (сравнительно небольшой процент), и те, которые имеют некоторый генетический компонент (например, диабет, рак) (30 %);
3) социальные обстоятельства жизни, включая уровень образования и дохода (15 %);
4) окружающая среда, в том числе воздействие токсических и микробных агентов (5 %);
5) медицинское обслуживание (10 %) [10].

Как полагают эксперты, в то время как долевой вклад каждого из этих факторов можно оспорить, в своей совокупности все они, кроме генетики, связаны с социально-экономическим статусом населения, то есть уровнем доходов, занятостью и образованием. Это еще раз указывает на то, что медицинское обслуживание уже не является первичным детерминантом здоровья. Зато существует интегрирующий фактор, влияющий на всю картину здоровья населения, это социально-экономический статус.

Разумеется, данные, полученные за океаном, не обязательно являются справедливыми для современной России. Некоторые отечественные авторы склонны взвалить вину за нездоровье и сверхсмертность населения на алкоголизм [11]. Авторитетные исследователи, имеющие непосредственное отношение к медицине, признавая роль бедности, алкоголизма, табакокурения и экологических факторов, полагают, что истоки сверхсмертности и утраты жизнеспособности населения связаны с такими условиями, как нравственная атмосфера и эмоциональное состояние общества, т. е. с влиянием духовных и душевных факторов [12], шоком и стрессом экономических реформ, а затем, после 1998 года, – негативным влиянием повышенной гетерозиготности генофонда российской популяции; срывом динамического стереотипа поведения (или привычки) и активизацией действия механизма биологической программы смерти (согласно гипотезе академика В. П. Скулачева) [13]. Однако даже в этих выводах представителей медикобиологической науки видно признание ответственности социальной среды за кризис здоровья и свехсмертность в России.

Поэтому можно сказать, что с точки зрения современного научного знания социология медицины и социология здоровья выступают как различные области социологического анализа, и понимание этого все чаще находит отражение в публикациях последних лет [14]. С точки зрения авторов этих работ, основными в предмете социологии здоровья выступают понятия здоровья и связанные с ним категории «образ жизни», «продвижение здорового образа жизни», «качество здоровья», «право на здоровье» и другие. Наряду с этим социология анализирует институциональные особенности здравоохранения как области человеческой деятельности, выходящей за рамки медицины в официальном и профессиональном понимании. Специфика социологического анализа здравоохранения состоит также в изучении общественных представлений о медицине и ожиданий индивидов от нее. В свою очередь, данные социологических исследований об этих ожиданиях помогают формировать такие общественные программы в области здравоохранения, которые будут востребованы и эффективны.

Итак, если на ранних этапах развития социологического знания о здоровье и болезнях населения, когда общественная природа этих феноменов была недостаточно ясна, а заболевания носили преимущественно «медицинский» характер, понятие «социология медицины» отвечало характеру задач, решаемых исследователями, то сегодня термин «социология медицины» уже ограничивает проблемное поле, оставляя за рамками индивидуальные и групповые представления о здоровье, национальные и культурные традиции отношения к здоровью, образу жизни, социальное окружение и поведенческие практики. Причем с течением времени встают все новые проблемы, выходящие за рамки лечения болезней – неравенство доступа к ресурсам здоровья, улучшение качества жизни, управление здоровьем, что еще раз подчеркивает настоятельность активного развития социологии здоровья.

Посмотрим, как этот процесс проявляет себя на региональном уровне, в частности в Республике Карелия. Одним из центров социологического исследования проблем здоровья здесь в последние годы становится Петрозаводский государственный университет. Для формирования теоретико-методологической базы социологических исследований здоровья большое значение имело изучение опыта проведения исследований в Карелии финскими учеными из Национального института здравоохранения г. Хельсинки. В частности, с 1992 года в рамках проекта ФИНРИСК ими совместно с медицинскими специалистами из Питкярантской ЦРБ изучались социальные факторы риска и самооценки здоровья населения Питкярантского района [15].

Опросы показали существенные различия в статусе здоровья и самосохранительном поведении населения двух стран. Если в Северной Карелии (Финляндия) 50 % респондентов оценили свое здоровье как весьма хорошее или очень хорошее, то в Республике Карелия лишь 34 %. Среди женщин соответствующие позитивные оценки дали 58 % жительниц Финляндии и 22 % – Карелии. Исследования дали возможность сделать выводы и по проблемам риска наиболее распространенных заболеваний в Карелии, в частности такого явления, как курение и алкоголизм. Например, было установлено, что в Питкярантском районе курят 65 % взрослых мужчин и 10 % женщин. В то время как в финляндской Северной Карелии соответственно 29 % мужчин и 13 % женщин. Однако эти данные одновременно позволили поставить вопрос

о причинах подобных различий на соседних территориях.

Немалую роль в развития социологии здоровья в ПетрГУ сыграло использование социологических методов в медицинских исследованиях. Особенно хотелось бы выделить работы д. м. н., профессора Н. В. Доршаковой и ее коллег, включающих социологический анализ в исследования проблем влияния окружающей среды на здоровье местного населения [16].

Важное значение для развития исследований в области социологии здоровья имел международный проект «Здоровье и благосостояние в трансформирующихся обществах», осуществленный сотрудниками Петрозаводского государственного университета совместно с финскими, украинскими и португальскими социологами и финансировавшийся ЕС в 1999–2002 годах. Руководителем проекта с финской стороны выступил доктор Х. Валтонен (H. Valtonen), представлявший финскую исследовательскую организацию STAKES (Хельсинки). Коллектив исследователей, работавших непосредственно в Республике Карелия, возглавляла профессор В. С. Максимова. Большую методологическую помощь оказал профессор В. И. Паниотто из Киевского международного института социологических исследований. Проект успешно завершился в 2002 году, а его результаты были опубликованы в Хельсинки в 2004 году [17].

В процессе этих исследований одновременно шла и подготовка научных кадров. Семинары и конференции в Хельсинки, Киеве и Петрозаводске позволили исследователям не только познакомиться с теоретическими подходами и отработать методологию, но организовать учебу студентов. Для этого в 2002 году в университете был подготовлен и издан один из первых в России учебников «Социология здоровья» [18].

Исследования дали возможность собрать социологический банк данных для глубокого и обстоятельного осмысления ситуации в Республике Карелия и проверить целый ряд гипотез, в первую очередь связанных с ролью трансформационных процессов в кризисе здоровья населения. В частности, анализ позволил выявить и описать механизм влияния социальных изменений на здоровье жителей Республики Карелия [19]. Важным открытием стало выяснение роли влияния жизненных обстоятельств на процесс изменений статуса здоровья населения Карелии. Исследования подтвердили мнение других ученых о том, что реформы 1990-х годов спровоцировали стресс социальных изменений, однако было выявлено, какие именно события оказались наиболее травмирующими. Это, в первую очередь, широко распространившееся беспокойство за судьбу детей и близких, тревоги по поводу постоянных экономических проблем и трудных жизненных условий. При этом примерно каждый четвертый респондент сообщал о переживаниях по поводу физической травмы или серьезной болезни, о постоянных конфликтах с родственниками, один из пятерых упоминал о смерти кого-то из близких, каждый шестой – безработицу [20].

Как было показано, отмеченный высокий уровень тревожности и острота переживаний жизненных трудностей характерны для переходных обществ. Например, уровень тревоги из-за отсутствия перспектив у детей, отмеченный в Республике Карелия, соответствует уровню тревожности по аналогичному поводу, установленному в 1993 году в Польше (73 %) и квалифицируемому П. Штомпкой как симптом культурной травмы [21].

Исследование показало, что анализ роли жизненных событий может быть эффективным способом изучения влияния социальных изменений на здоровье в трансформирующемся обществе, наряду с другими, уже описанными в научной литературе.

В 2003–2006 годах были проведены два исследования, поддержанные Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ): «Влияние социальных изменений на здоровье и самосохранительное поведение населения Республики Карелия в переходный период» (РГНФ № 03-03-00508, 2003) и «Социальные изменения и здоровье угрофинских народов Республики Карелия» (РГНФ № 050-3-03394а, 2005).

Результаты этих исследований были представлены автором на научных конференциях, а также опубликованы в печати, поэтому отметим лишь некоторые результаты проведенных наблюдений. В частности, было отмечено, что показатели самооценки здоровья коренных народов республики существенно ниже, чем в среднем по региону, а также в тех районах, где проживает преимущественно славянское население. Если в целом по Карелии положительные оценки (хорошее и скорее хорошее) своему здоровью дали 43 % населения, средним считали 41 %, а плохим и очень плохим – 17 %, то среди представителей вепсской национальности положительно оценивших здоровье только 26 %, как среднее свое здоровье оценивают 47 %, и как плохое и очень плохое – 25 %. Среди карел показатели субъективного здоровья также ниже, чем в среднем по республике. Положительные оценки своему здоровью дали 30 %, как среднее оценили 49 %, плохим и очень плохим свое здоровье назвали 20 % респондентов.

Как известно, самооценка здоровья является важным показателем качества жизни и фактором формирования и поддержания стиля самосохранительного (или саморазрушительного) поведения. По оценкам специалистов, самооценка здоровья на 70–80 % отражает реальное состояние здоровья. В условиях усиливающегося социального неравенства на самооценку здоровья все большее влияние оказывает стра-

тификация. Среди респондентов с самыми высокими доходами 51 % позитивно квалифицирует свое здоровье и 9 % негативно, в то время как среди респондентов с низкими доходами позитивно оценивают свое здоровье 31 % и негативно 28 %. При этом социальная дифференциация респондентов нередко совпадает с этнической, особенно это заметно в Вепсской национальной волости.

В ходе исследования было уделено особое внимание особенностям образа жизни представителей коренных этносов с учетом тех сторон жизнедеятельности, которые или положительно влияют на сохранение и улучшение здоровья, или, напротив, несут в себе факторы, разрушающие здоровье. Было отмечено, что представители вепсского и карельского этносов значительно меньше внимания уделяют использованию каких-либо оздоровительных мер (отказ от вредных привычек, диет, занятия физкультурой и др.). При этом в жизни семей коренного населения были выявлены многочисленные события, потенциально имеющие стрессогенный характер. Две трети домохозяйств имеют постоянные экономические проблемы, одна пятая ощущают угрозу безработицы, свыше 40 % постоянно испытывают другие жизненные трудности, в каждой третьей семье регулярно происходят конфликты с родственниками. Около 70 % опрошенных озабочены проблемами здоровья своих близких, столько же респондентов обеспокоены тем, как справляются с жизненными трудностями их дети и близкие.

Выявленный высокий уровень тревожности и других проявлений психического стресса среди коренного населения Республики Карелия, на наш взгляд, является следствием ощущения дефицита жизненных ресурсов этноса и может быть интерпретирован в понятиях концепции социальной сукцессии.

С точки зрения природы и закономерности социальной сукцессии можно предположить, что высокий уровень заболеваемости и смертности коренного населения Карелии будет сохраняться в обозримом будущем. Как известно, соматические заболевания не являются результатом мгновенного воздействия психического стрессора. Хроническая патология различных систем человеческого организма развивается на протяжении длительного времени, пока идет процесс накопления факторов риска. Анализ многомерной статистики и экспериментальный материал свидетельствуют о формировании целых систем риска (психосоматических паттернов и структурных аттракторов болезни), участвующих в развитии соматической патологии. Как правило, этот процесс ускоряется и приобретает необратимый характер в результате дезадаптации в ситуации резко меняющихся социальных условий жизни. Поэтому исследования влияния изменений образа жизни на здоровье дают возможность предсказать картину медико-социального благополучия на годы вперед, подсказать, как смягчить или нейтрализовать негативное влияние социальных изменений на здоровье в будущем, а также как улучшать здоровье населения.

Интересные результаты дает и сравнительный анализ статуса здоровья и факторов, влияющих на здоровье представителей различных этнических групп. Как показывают медикобиологические социальные исследования в Суоярвском и Питкярантском районах, где проживает в основном славянское население, находящиеся здесь предприятия лесопромышленного комплекса (в первую очередь, Питкярантский целлюлозный завод и Суоярвская фабрика картонной тары) во многом ответственны за то, что здоровье детей в этих районах хуже, чем в национальном Олонецком районе, где подобных производств нет [22]. Однако, если сравнивать показатели здоровья взрослого населения, то результаты будут уже не в пользу олончан. Так неблаготворно сегодня влияет на их здоровье социальная среда и условия жизни. Как показали исследования, по уровню благосостояния здесь доминируют семьи с душевым доходом ниже прожиточного уровня – 31,7 %, доходы ниже среднего уровня имеют 24,4 % домохозяйств, выше среднего уровня – 22,4 %, относительно богатыми являются 21,5 %. Почти половину бедных семейств представляют домохозяйства пожилых людей, другую часть – семьи, имеющие двух и более детей, а это более трети всех домохозяйств. Опрос показал, что низкий уровень удовлетворения потребностей вследствие дефицита жизненных ресурсов оборачивается весьма низкими самооценками здоровья, которые, кстати, подтверждаются и данными медицинской статистики.

В целом сравнительный анализ самооценок здоровья в этих районах Карелии дал следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Самооценка здоровья взрослым населением районов Республики Карелия, % опрошенных

Самооценка здоровья	Суоярвский район	Питкярантский район	Олонецкий район	Вепсская национальная волость
Очень хорошее и хорошее	33	26	30	26
Среднее	52	59	49	47
Плохое и очень плохое	15	13	20	25

Более низкие самооценки здоровья коренного населения и в данном случае имеют корреляцию и с показателями самосохранительного поведения: вепсы и карелы менее активны в следовании принципам здорового образа жизни, реже занимаются физкультурой или какими-либо оздоровительными мероприятиями, чаще страдают от алкогольных отравлений. Если в целом по России в 2004 году из 100000 населения от отравления алкоголем погибло 30 человек, в Карелии по этой же причине из 100000 населения ушло из жизни 63 человека (из них 49 человек в городской местности, т. е. где проживает преимущественно русское население, и 103 – в сельской, где проживают представители коренного населения).

В ходе исследований были выявлены различия в статусе здоровья детей в районах компактного проживания карел и вепсов и в районах с преимущественно славянским населением (согласно оценкам родителей).

Таблица 2 показывает, что в целом половина родителей считает здоровье детей хорошим, примерно треть – средним, очень хорошим – одна двадцатая. Доля детей с плохим здоровьем примерно совпадает с цифрой детей-инвалидов. Наиболее высокая оценка здоровья детей в национальном Олонецком районе – 69,7 % положительных оценок, 62, 9 % – в Суоярвском районе, 59 % – в Вепсской национальной волости, 57, 3 % – в Питкярантском районе.

Таблица 2

Оценка здоровья детей в районах Карелии, данная их родителями, % опрошенных семей

Оценка здоровья детей	Олонецкий район	Вепсская нац. волость	Суоярвский район	Питкярантский район	В среднем
Очень хорошее	4, 6	4, 5	2, 9	8,5	5, 4
Хорошее	65, 1	54, 5	60	48,7	57, 5
Среднее	28, 4	36, 5	32, 3	41	34, 3
Плохое	0	4, 5	4, 8	1,7	2, 3
Очень плохое	0	0	0	0	0
Трудно сказать/Не знаю	1, 8	0	0	0	0, 6

Таблица 3

Дети, посетившие врача в течение 6 месяцев, предшествовавших опросу, % опрошенных семей

Район	Посетили врача, %
Суоярвский	57, 5
Питкярантский	57, 3
Олонецкий	46, 8
Всего	54, 7

Низкие оценки родителями здоровья детей в Питкярантском районе – еще одно подтверждение выводов медиков о неблагоприятной роли экологического фактора.

Более высокие оценки здоровья детей в Олонецком районе подтверждаются данными о менее частом, чем в других районах, обращении к услугам здравоохранения (табл. 3).

Сопоставление самооценок здоровья с результатами анализа социально-экономических условий жизни представителей различных этнических групп и, в частности, с возможностями получения медико-социальных услуг показывает сохраняющиеся серьезные проблемы в социальной политике и нацеливает местные власти на совершенствование ее действенности и усиление адресного характера. Дальнейшее проведение реформ, которое будет сопровождаться социальными изменениями в условиях и образе жизни населения, должно обязательно предусматривать различия в адаптивных способностях различных этнических групп и меры по компенсации ущерба и социальной поддержке.

Итак, можно сказать, что социология здоровья в ПетрГУ обретает свой дисциплинарный статус и все более уверенно занимает место среди ведущих направлений в социологических исследованиях и социологической подготовке студентов. Думается, что в перспективе для становления научной школы в университете необходимы создание специальности по социологии здоровья на факультете политических и социальных наук, организация подготовки аспирантов, более активное развитие партнерских связей со специалистами медицинского факультета и органами управления здравоохранения Республики Карелия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дмитриева Е. В. Социология здоровья: методологические подходы и коммуникационные программы. М.: Центр, 2002. 224 с.; Иванов Р., Култыгин В. Социология медицины или социология здоровья? // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 147–150; Нилов В. М. Социология здоровья. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 160 с.
2. Журавлева И. В., Левыкин И. Т. Образ жизни и региональные особенности отношения к здоровью // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни: сб. ст. М.: ИСАИ СССР, 1989. С. 67–79.
3. Губин А. В. Состояние здоровья населения Тюменской области // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 93–95; Гулин К. А. Духовное здоровье населения Вологодской области: анализ текущего состояния и методологические подходы к исследованию // Народонаселение. 2000. № 4. С.117–124; Нилов В. М. Как здоровье, северяне? // Север. 2002. № 12. С. 214–223; Нилов В. М. Социальные изменения и здоровье населения Республики Карелия // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 90–97; Нилов В. М. События жизни и здоровье населения в условиях трансформирующегося общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 5. С. 34–46; Попугаев А. И.,

Гулин К. А., Короленко Н. А., Селиванов Е. А., Тихомирова Г. В. Состояние здоровья населения региона: тенденции и перспективы. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 68 с.; Нугаев Р., Нугаев М. Здравоохранение на региональном уровне в контексте российских социальных реформ // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 44–53 и др.

4. Dubos R. Mirage of Health. Mirage of Health: Utopias, Progress & Biological Change. New York: Harper. 1959. 186 p.; McKeown T. The Role of Medicine: Dream, Mirage or Nemesis? Oxford. 1979. 254 p.; Szreter S. The importance of social intervention in Britain's mortality decline1850–1914: a reinterpretation of the role of public health / Health and Disease. A Reader ed. by Davey B., Gray A. Buckingham, Philadelphia. 1995. P. 191–199; Zola I. K. Medicine as an institution of social control // Sociological Review. 1972. № 20. P. 487–504; Freidson E. Profession of Medicine: A Study of the Sociology Applied Knowledge. N. Y.: Dodd. Mead, 1970. 237 p. и др.
5. Illich I. Medical Nemesis: The expropriation of health. London: Marian Boyars. 1975. 184 p.
6. Armstrong D. The problem of the whole-person in holistic medicine // Health and Disease, a Reader. 1995. P. 45–49; Williams S., Annandale E.,Tritter J. 'The Sociology of Health and Illness at the Turn of the Century: Back to the Future?' // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socresonline.org.uk/socresonline/3/4/1.html>
7. Иванов В. Н., Лупандин В. М. Исследованию проблем здравоохранения – социологический подход // Коммунист Украины. 1984. № 11. С. 72–77.
8. Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во института социологии РАН, 1998. С. 472–495.
9. McGinnis J.M., Foege W.H. Actual causes of death in the United States // JAMA. 1993. Vol. 270. P. 2207–2212.
10. McGinnis J., Williams-Russo P., Kickman J. The Case for More Active Policy Attention to Health Promotion // Health Affairs. 2002. Vol. 21. № 2 (March / April). P. 78–93.
11. Стародубов В. И., Михайлова Ю. В., Иванова А. Е. Здоровье населения России в социальном контексте 90-х годов: проблемы и перспективы. М.: Медицина, 2003. 288 с.
12. Гундаров И. А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М.: Едиториал УРСС, 2001. 208 с.
13. Алтухов Ю. П. Генетические процессы в популяции. М.: ИКЦ Академкнига, 2003. 431 с.; Скулачев В. П. Кислород и явления запрограммированной смерти. Первое северинское чтение. М.: Изд-во МГУ, 2000. 48 с.; Величковский Б. Т. Реформы и здоровье населения (Пути преодоления негативных последствий). М., Воронеж: ВГУ, 2002. 64 с.
14. Gold M. A crisis of identity: the case of medical sociology // Journal of Health and Social Behaviour. 1977. № 18. P. 160–168; Twaddle, A. C., Hessler R. M. A Sociology of Health. London: Allyn & Bacon; 1987. 427 p.; Wolinsky F. D. The Sociology of Health: Principles, Practitioners, and Issues, 2nd edition. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1988. 397 p.; Nettleton S. The Sociology of Health and Illness. Cambridge: Polity Press. 1995. 317 p.; Stacey M., Homans H. The sociology of health and illness: its present state, futures and potential for health research // Sociology. 1978. № 12. P. 281–307.
15. Heistaro S., Laatikainen T., Vartiainen E., Puska P., Uutela A., Pokusajeva S., Uhanov M. Self-reported health in the Republic of Karelia, Russia and in North Karelia, Finland in 1992 // European Journal of Public Health. 2001. № 11. P. 74–80; Laatikainen T., Alho H., Vartiainen E., Jousilahti P., Sillanaukee P., Puska P. Self-reported alcohol consumption and association to carbohydrate-deficient transferrin and gamma-glutamyltransferase in a random sample of the general population in the Republic of Karelia, Russia and in the North Karelia, Finland // Alcohol. 2002. № 37. P. 282–288.
16. Доршакова Н. В. Качество окружающей среды и здоровье человека в условиях Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. 204 с.
17. Health and well-being in transition societies. Ed. by Hannu Valtonen and Anja Noro. Helsinki: STAKES, 2004. 214 p.
18. Нилов В. М. Социология здоровья. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 160 с.
19. Нилов В. М. Социальные изменения и здоровье населения Республики Карелия // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 90–97.
20. Нилов В. М. События жизни и здоровье населения в условиях трансформирующегося общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 5. С. 34–46.
21. Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
22. Масюк В. С., Коваленко А. И., Корзун В. А., Доршакова Н. В., Болотников И. А. Состояние иммунной системы детского населения, проживающего в различных экологических условиях Республики Карелия // Вестник РУДН. Сер. Медицина. М.: Изд-во РУДН, 2002. № 2. С. 28–33.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 СОЦИОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ 2008

УДК 1(091)

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии ПетрГУ
pivoev@karelia.ru

АНРИ БЕРГСОН И «ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ»

Идеи великого французского философа А. Бергсона оказали большое влияние на мировую философию и культуру, но в силу исторических причин оказались недостаточно усвоенными в России. Необходимость внимательного изучения и решения поставленных им задач обосновывает автор, продолжая их разработку.

Ключевые слова: творческая эволюция, инстинкт, интеллект, жизнь, свобода, смех, иррациональность, интуиция, мистика, сознание, духовная субстанция

Великий французский философ Анри Бергсон родился 18 октября 1859 года в Париже в семье композитора и музыканта, профессора и директора консерватории, выходца из Польши. В семье было семеро детей – четыре сына и три дочери. Он получил классическое образование в лицее Кондорсе, затем окончил высшую школу Эколь Нормаль. В молодости испытал влияние позитивизма Эмиля Дюркгейма. После вуза получил назначение учителем в лицей г. Анжера, затем получил кафедру философии в лицее Блеза Паскаля в Клермон-Ферране. Пять лет, проведенных в провинции, позволили ему написать две диссертации: «Непосредственные данные сознания» и «Идея места у Аристотеля». В связи с последней он увлекся решением апорий Зенона Элейского, которые и подтолкнули его к разработке концепции длительности.

С 1888 года он перебрался в Париж и читал лекции в лицеях, затем в Эколь Нормаль и Коллеж де Франс. В последнем вузе он становится профессором в 1900 году Благодаря его выдающимся ораторским способностям и обаянию интеллекта лекции Бергсона приобрели огромную популярность. Лекционный опыт оказал влияние на формирование стиля его письменных работ, выполненных в жанре философских эссе, а не академических философских трудов. Каждая его книга становилась событием: «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889), «Материя и память» (1896), «Введение в метафизику» (1903). Но главным его трудом стала «Творческая эволюция», вышедшая в 1907 году и принесшая ему известность не только во Франции, но и за ее пределами. В 1919 году вышел сборник его статей под названием «Духовная энергия», где он высказал важные мысли о сущности духовной субстанции. Вскоре его избрали президентом Академии моральных и политических наук и членом Французской Академии наук. В 1927 году он получил Нобелевскую премию по литературе (впервые философ был награжден такой премией, позднее такой же чести удостоятся А. Камю и Ж. П. Сартр за литературное творчество).

В последней книге «Два источника морали и религии» (1932) он поставил важные пробле-

© Пивоев В. М., 2008

мы и задачи по исследованию духовной субстанции на основе мистического опыта, которые надлежит решать нам, его последователям. Он умер 4 января 1941 года, простудившись в очереди, которую ему пришлось выстоять для регистрации в немецкой комендатуре.

Бергсон явился одним из наиболее выдающихся мыслителей школы «философии жизни». Ему принадлежит ряд оригинальных концепций о сущности времени как длительности, свободы и творчества.

В своих трудах Бергсон продолжил осмысление идей, предложенных романтиками, Б. Паскалем, Ж. Руссо, Д. Беркли, французскими спиритуалистами и мистиками. Предшественниками Бергсона в изучении времени были А. Августин и С. Кьеркегор (правда, французский философ на них не ссылался). Особенно близкими по духу были для него основатели «философии жизни» Ф. Ницше и В. Дильтей, хотя он не хотел, чтобы его причисляли к какой-либо школе. Его философское учение охватывает разные дисциплины: онтологию, гносеологию, психологию, этику и теологию. Он оказал немалое влияние на мировую культуру XX века, в частности на философскую антропологию (прагматизм, экзистенциализм, персонализм), философию истории (А. Тойнби и К. Поппера), психологию (Ж. Пиаже), литературу (М. Пруста и Д. Джойса), искусство (сюрреализм С. Дали). Его идеи эволюции оказали большое влияние на А. Леруа и П. Тейяра де Шардена. Можно сказать, что, с одной стороны, в течение XX века происходила постоянная «борьба» философского рационализма с провозглашенными Бергсоном идеями, а с другой – неопозитивизм пытался рациональными методами постигать иррациональное, вопреки указаниям французского мыслителя, что такое постижение неплодотворно.

Важнейшие идеи философии Анри Бергсона:

- эволюция живой природы на основе борьбы и взаимодействия двух форм жизни: инстинкта и интеллекта;
- время как длительность, а не протяженность;
- свобода как актуализация и опровержение детерминизма;
- бытие как жизненный порыв и творчество;
- интуиция как переживание жизни;
- смех как снятие автоматизма и механицизма;
- обоснование иррациональной методологии и гуманитарного знания;
- проблема духовной энергии;
- сознание как поток и воспоминание (память);
- психолого-мистическое обоснование этики и религии.

Приступая к своей книге «Творческая эволюция», Бергсон поясняет существо своей гипотезы: «наш ум, в узком смысле слова, имеет целью обеспечить нашему телу его пребывание в среде, представить отношения внешних вещей между собой, наконец, постигнуть материю мыслью» [1]. Но если интеллект обслуживает животную жизнь тела, то как быть тогда с человеческой, духовной жизнью? Одной из важнейших его заслуг является вывод и вопрос: «наша мысль, в своей чисто логической форме, не способна представить себе действительную природу жизни, глубокий смысл эволюционного движения. Жизнь создала ее в определенных обстоятельствах для воздействия на определенные предметы; мысль только проявление, один из видов жизни, – как же может она охватить жизнь?» [2] Догадываясь, что разум нельзя понимать только как рационально-логическое явление, он подчеркнул: «Напрасно мы стараемся вместить живое существо в те или другие рамки. Все они распадаются, ибо все они слишком узки, а главное, недостаточно гибки для этого» [3]. Вот поэтому нужно найти другой метод для постижения жизни, и он предполагает целью своей работы «указать метод и наметить возможность его применения в нескольких существенных пунктах» [4]. Вот эти-то методологические идеи Бергсона и представляют для нас главный интерес.

План его работы определяется этой целью: «В первой главе мы приложим к эволюционному прогрессу те две формы, которыми пользуется наш ум: механическую причинность и целесообразность (finalité); мы покажем, что они обе не пригодны, но что одну из них можно исправить, и в этом виде она могла бы годиться лучше другой. Чтобы подняться над точкой зрения разума, мы постараемся восстановить во второй главе великие пути, пройденные жизнью рядом с эволюцией, которая вела к человеческому уму. Раз ум отнесен, таким образом, к производящей его причине, нам остается тогда понять ее самое и проследить ее движение. Попытка такого рода, очень не полная, сделана в третьей главе. Четвертая и последняя глава имеет показать, каким образом наш разум, подчиняясь известной дисциплине, может создать философию, выходящую за его пределы. Для этого необходим краткий обзор истории систем, а также анализ двух больших заблуждений, которым подвержен человеческий ум в рассуждениях о действительности вообще» [5]. Здесь имеются в виду следующие идеи: во-первых, большинство полагает, что можно мыслить об изменениях при посредстве неизменного и о движениях при посредстве неподвижного; во-вторых, Бергсона не интересуют «вещи-в-себе», как сказал бы И. Кант, а только «вещи-для-нас».

1. ЭВОЛЮЦИЯ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ НА ОСНОВЕ БОРЬБЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ ФОРМ ЖИЗНИ: ИНСТИНКТА И ИНТЕЛЛЕКТА

В развитии живой природы Анри Бергсон обнаружил два направления, обладающие специфическими особенностями: первое опирается в своем развитии на инстинкт, второе – на ин-

теллект. Это было замечено и до Бергсона, но обычно трактовалось следующим образом: животное развивается в русле инстинкта, а человек – на основе интеллекта. На самом деле это не совсем верно. У животного, конечно, доминирует инстинкт, но есть зачатки интеллекта. У человека, напротив, есть инстинкты, но доминирующую роль играет интеллект. При этом возникает соблазн, которому многие ученые легко поддаются, объявить интеллект главным для человека и на этом основании выделить специфический характер человека и его принципиальное отличие от животного, затем абсолютизировать интеллект и доверять только ему. Так обычно поступают рационалистически мыслящие философы, потому что забывают, что у человека есть тело, являющееся существом животным. Но в этом теле обитает человек, существо которого есть, как заметил еще Платон, – дух и душа.

В отличие от рационалистов, Бергсон рассуждал иначе, полагая, что инстинкты играют очень важную роль в жизни человека, а у интеллекта при всех его достоинствах есть свои недостатки и пределы возможностей. Инстинкты проявляются в разных формах, среди которых особенно важна интуиция. Она играет особенно большую роль в сфере творчества, процесс которого происходит большей частью за пределами рационального «дневного» сознания.

Затем Анри Бергсон обнаружил и исследовал две формы знания: интеллектуальную и интуитивную. Это не две фазы, высшая и низшая, а две параллельные, взаимодополняющие стороны освоения мира, опирающиеся на деятельность левого и правого полушарий головного мозга. Анализ является функцией интеллекта (левого полушария), а синтез – интуиции (правого полушария). Размышляя о характере интеллектуальной деятельности, Бергсон приходит к выводу о том, что мысль в логической форме не способна постичь природу жизни, глубочайший смысл эволюционного развития.

Бергсон справедливо указывал на общую ошибку философов-рационалистов, полагавших, что назначение интеллекта – познание, отображение мира таким, каков он есть. Он полагал, что интеллект рационален, механистичен и подчинен интересам практической деятельности. Интеллект не созерцает, а выбирает и ограничивает, он одевает «шоры», которые сужают пространство восприятия и внимания только на том, что необходимо для практики. «Сознание освещает зону возможностей, окружающих действие» [6]. Мозг действует как защитный фильтр, защищающий сознание от множества стимулов, поступающих по рецепторным каналам. Он перечисляет следующие характеристики рационального интеллекта: 1) он есть «способность изготавливать неорганические, т. е. искусственные орудия»; 2) «существенная функция интеллекта и состоит в отыскании средств при любых обстоятельствах найти выход»; 3) «текучие элементы действительности ускользают от интеллекта»; 4) «интеллект ясно представляет себе только отдельное»; 5) «интеллект ясно представляет себе только неподвижность»; 6) «интеллект характеризуется неограниченной способностью разлагать вещи по любому закону и соединять их в любые системы»; 7) «все элементарные силы интеллекта стремятся превратить материю в орудие действия»; 8) «он отвергает творчество»; 9) «интеллект характеризуется природным непониманием жизни» [7].

Бергсон указал на то, что много ошибок возникает из-за того, что проблемы формулируются интеллектом неправильно, и тогда они становятся псевдопроблемами. Если же обнаружить новую проблему и сформулировать правильно, то решение проблемы становится лишь делом техники и логики.

2. ВРЕМЯ КАК ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, А НЕ ПРОТЯЖЕННОСТЬ

Концепция длительности впервые была изложена в его диссертации «Непосредственные данные сознания», которую он защитил в 1889 году.

Исследуя апории Зенона Элейского, он пришел к проблеме переживания длительности, которую рассматривал в контексте характера интенсивности переживаний, тогда как обычно длительность отождествляют с протяженностью, движение – с пространством.

В понятии «длительность» (фр. durée) Бергсон подчеркивал единство целостности и незавершенности, может быть правильнее перевести durée как «дление». По словам Бергсона, грехопадение Адама – это «падение души во время» [8].

Длительность он описывал с помощью такой метафоры: «Представим... себе... бесконечно малую резину, сжатую, если бы это было возможно, в математическую точку. Будем вытягивать ее постепенно таким образом, чтобы из точки заставить выходить линию, которая будет все удлиняться. Сосредоточим наше внимание не на линии, как линии, но на действии, которое ее чертит. Будем считать, что действие, вопреки его длительности, неделимо, если предположить, что оно выполняется безостановочно; что если в него входит остановка, то из него делается два действия вместо одного, и каждое из этих действий будет таким неделимым, о котором мы говорим; что делимым является не само движущееся действие, но неподвижная линия, которую оно отлагает под собою, как след в пространстве. Освободимся наконец от пространства, стягивающего движение, чтобы считаться только с самим движением, с актом напряжения или протяжения, словом, с чистой подвижностью. На этот раз у нас будет более верный образ развития “я” в длительность» [9].

Бергсон сравнивал «чистую длительность» с мелодией, которую «слушают с закрытыми глазами, не думая ни о чем другом. Их отличие: у мелодии – очень много качественной определенности. Если же сгладить различие между звуками и затем уничтожить относительные признаки самого звука и удерживать из мелодии только продолжение предшествующего в последующем и непрерывный переход, множественность без делимости и последовательность без разделяемости – это приблизительный образ durée» [10].

Хотя Бергсон настаивал на интуитивном постижении времени, он допускал возможность понятийного определения. Мы понимаем время как иррациональный феномен и предлагаем три дефиниции, раскрывающие существо времени в разных отношениях: 1) непространственный континуум, в котором события происходят в необратимой последовательности и развиваются от прошлого – через настоящее – к будущему; 2) форма упорядоченности энергии, выражающая отношение духовной субстанции к материальной; 3) модус (свойство) длительности, присущий «тварному» (сотворенному), конечному миру, обусловленному причинами, ибо не имеющее причины бесконечно и вневременно. Время дискретное – это прерывное время события, историческое время. Время континуальное – непрерывное время или вечность. Время мифологическое – представление о циклично-круговой, повторяющейся закономерности событий. С психологической точки зрения, пустое, не заполненное деятельностью время течет медленнее, а время занятое течет быстрее.

Рационалисты сводят понимание времени в русло однозначной причинной связи. При этом теоретически допускается возможность наличия многих причин, но во всех случаях стараются обнаружить главную причину и отбросить неглавные. Однако современная синергетика показывает, что в сложных процессах главное и неглавное могут меняться местами, и если было отброшено «неглавное», то результатом будет не ожидаемый результат, а «разбитое корыто». Рационализм стремится представить исторический процесс как однозначный и одномерный. В лучшем случае он изображается как противоречивое напряжение двух тенденций, одна из которых считается прогрессивной, а вторая – регрессивной (консервативной, реакционной). Но почему нужно считать одну – главной? Достаточно ли этого? И почему рационалист стремится к такой одномерности? На то есть, как минимум, три причины: во-первых, физиология нервных связей в организме человека приучает к однозначности (невозможно прохождение двух сигналов по нервному каналу одновременно); во-вторых, практический опыт склоняет к однозначности выбора в ситуациях опасности – или гибель, или спасение; в-третьих, естественнонаучное познание сформировало критерии научности и среди них важнейший – рациональная однозначность как критерий истинности и эффективности. Думается, что пора пересмотреть эту позицию и найти другие, более плодотворные подходы к решению проблем гуманитарных наук. Как писал Н. А. Бердяев, «рационального начала нет без иррационального» [11]. У времени можно обнаружить следующие характеристики: внепространственность, внепричинность, необратимость, одномерность времени (многомерность вечности), упорядоченность, длительность, изменчивость, континуальность и дискретность.

3. СВОБОДА КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ ДЕТЕРМИНИЗМА

Рационалисты полагают, что мы не можем одновременно утверждать и отрицать одну и ту же вещь. Однако этот субъективный эмпирический закон имеет отношение не к логической необходимости, а только к нашей неспособности сделать это.

Как полагал Аристотель, закон противоречия является наиболее важным из всех логических законов. От него зависит любая аксиома. Но если мы внимательно присмотримся к реальной действительности, то везде увидим противоречия, без которых жизнь невозможна. Так почему же мы подчиняемся диктату логического закона? Такой же вопрос Бергсон ставит относительно свободы: «...Всякая попытка осветить проблему свободы приводит к следующему вопросу: “можно ли время адекватно изображать посредством пространства?” На этот вопрос мы отвечаем: “да, если речь идет о протекшем времени, нет, если мы говорим о протекающем времени”. Но свободный акт совершается в протекающем, а не в протекшем уже времени» [12]. Привычная для нас абсолютизация принципа детерминизма, введенного в науку Ламарком, базируется на стереотипе господства левополушарного мышления, рассматривающего (анализирующего) пространственно и последовательно расположенные объекты. «Наш интеллект ясно представляет себе только неподвижность» [13]. А таким путем мы движение осмыслить не можем, это хорошо показал еще древний философ Зенон Элейский. Но возникает вопрос: почему ученый всегда стремится изучать явление с одной точки зрения в каждый момент времени, ведь у него два глаза, а не один? почему нельзя смотреть на объект с двух или трех точек зрения? Два глаза смотрят на объект, но сознание считает это одним взглядом, обнаруживающим три измерения пространства. Односторонний взгляд на объект привычен для рационалистической и естественнонаучной методологии, гуманитарные науки нуждаются в методах, способных видеть объект одновременно с нескольких сторон, «увидеть его целиком, хотя бы на одно мгновение» [14]. Только так можно осмыслить проблему свободы, которую нужно изучать

в противоречивых измерениях: потенциальной и актуальной свободы, произвола и ответственности, свободы и воли, объективной и субъективной, отрицательной и положительной, материальной и духовной, воспроизводящей исполнительности и творческой самореализации.

4. БЫТИЕ КАК ЖИЗНЕННЫЙ ПОРЫВ И ТВОРЧЕСТВО

В осмыслении «жизненного порыва» Бергсон опирался на три идеи: 1) наука не может объяснить и понять жизнь, опираясь только на физико-химические подходы; 2) в развитии жизни нет случайности; 3) эволюция жизни идет не на основании принципа экономии, а по пути все большего усложнения [15]. «Жизнь — это известное усилие для получения некоторых вещей из грубой материи, а инстинкт и ум, взятые в завершенном состоянии, являются двумя средствами использования с этой целью орудия: в первом случае орудие составляет часть живого существа, в другом — это неорганический инструмент, который надо было изобрести, изготовить, научиться применять» [16].

Бергсон критиковал «ложный эволюционизм Спенсера, состоящий в том, чтобы наличную реальность, находящуюся на известной ступени эволюции, разделить на кусочки, также прошедшие эволюцию, затем воссоздать ее из этих частей и таким образом принять заранее все то, что требует объяснения...». Бергсон полагал, что исследовать существо эволюции нужно на основе другой методологии. «...*Жизненный порыв*, о котором мы говорим, – писал он, – состоит в потребности творчества. Его творчество не абсолютно, так как он встречает на своем пути материю, т. е. движение, обратное его движению. Но он овладевает этой материей, которая есть сама необходимость, и стремится внести в нее возможно большую сумму неопределенности и свободы» [17].

Творчество представляет собой сложный процесс порождения нового, опирающийся на:

- энергию (новизна тесно связана с энергетическим потенциалом: творчество требует затрат энергии, при этом происходит ее перераспределение и накопление);
- информацию (новизна имеет информационный смысл, творчество открывает новые информационные горизонты и возможности);
- время (новое является новым в процессе времени; мы узнаем то, чего не знали раньше; однако мы можем нечто забыть, утратить);
- духовность (творчество связано с получением информации от духовной субстанции, которая доверяет ее не всякому, но лишь достойному).

Таким образом, можно указать на следующие функции творчества:

- освоение, или переорганизация, переустройство мира в духе созидания усложняющейся упорядоченности мира;
- разрушение старых традиций и норм;
- созидание новых традиций и норм;
- самореализация и самоутверждение в рамках смысла жизни и культуры;
- внесение разнообразия и жизни в мир скуки и однообразия (функция «киматоида»).

В отличие от разрушительной деятельности, творчество есть такой способ самореализации, который имманентно, органически присущ по природе человеку как носителю эктропийного, созидательного божественного начала. Прикоснувшись к творчеству и попробовав сам творить, человек начинает лучше понимать и ценить чужое творчество. В процессе освоения мира и культуротворчества человек создает усложняющийся порядок. По словам Н. А. Бердяева, «творчество есть благодатная энергия, делающая свободную волю свободной от страха, от закона, от рефлексии и раздвоения» [18]. В творчестве человек преодолевает свою ограниченность и прикасается к бесконечности, объективируя в продукте творчества вечное становление божественного порядка.

5. ИНТУИЦИЯ КАК ПЕРЕЖИВАНИЕ ЖИЗНИ

Бергсон выделял два метода познания мира: первый – стремится постигать мир извне, и здесь важны точка зрения и символы, выражающие результаты познания; второй – пытается постигать вещи изнутри, целостно, стремясь к абсолютному постижению сущности вещей [19]. В первом случае изучается вещь в ее отношениях с другими вещами, и такие отношения можно обнаруживать до бесконечности. Во втором случае возможно постижение сущности вещей Такое постижение возможно на основе *интуиции*, тогда как все остальное открывается в анализе: «Интуицией называется род *интеллектуальной симпатии*, путем которой переносятся внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нем единственного и, следовательно, невыразимого» [20]. «Анализировать, – по словам Бергсона, – значит выражать какую-нибудь вещь в функции того, что не является самою этой вещью» [21]. Такой анализ крутится вокруг вещи, без конца дополняя ее видение все новыми и новыми точками зрения и интерпретациями. Анализ изучает большей частью формальную структуру объекта, но в меньшей мере содержательную сторону.

Именно интуиции должна принадлежать, по мнению Бергсона, ведущая роль в изучении жизни. Функция анализа принадлежит правому полушарию головного мозга. Образно говоря, при этом мы вытаскиваем на «лабораторный стол внимания» изучаемый объект, препарируем его и анализируем. Но в этом случае мы изучаем уже не живой объект, а только его «труп». Живую жизнь можно исследовать лишь на основе интуиции. Или другой пример: если мы хотим увидеть, что происходит в движущемся объекте, но останавливать его не имеет смысла, так как

в остановленном процессе все прекращается, нужно двигаться параллельно изучаемому движущемуся объекту – тогда мы сможем изучать это движение как процесс. Именно такие методы следует применять для исследования таких явлений, как время, свобода, творчество, которые особенно интересовали Бергсона. Однако здесь привычные рациональные методы не очень плодотворны, нужно разрабатывать особую иррациональную методологию. Такую задачу Бергсон поставил перед философией и начал ее решать в своей концепции интуиции. «Интуиция и интеллект представляют собой два противоположных направления работы сознания. Интуиция идет в направлении самой жизни, интеллект же в прямо противоположном, и потому вполне естественно, что он оказывается подчиненным движению материи» [22]. Чтобы раскрыть существо и единство духовной жизни, полагал Бергсон, надо погрузиться в интуицию и перейти от нее к интеллекту [23]. Он полагал необходимым осмысливать длительность во взаимосвязи единства и множественности.

6. СМЕХ КАК СНЯТИЕ АВТОМАТИЗМА И МЕХАНИЦИЗМА

Как отметил Бергсон, комическое, во-первых, является сугубо человеческим свойством, вот почему человека нередко определяют как «животное, умеющее смеяться». Во-вторых, он обратил внимание на некоторое «равнодушие», или «нечувствительность», при комическом отношении. Если проявлять сочувствие к объекту смеха, то чувство комического пропадает. Бергсон называл это «кратковременной анестезией сердца» [24]. В-третьих, комическое требует коммуникативного контакта, смеющийся нуждается в отклике, ищет, чтобы кто-то разделил это чувство и настроение. Более того, смех заразителен. Чем больше зрителей в театральном зале, тем громче раздается смех [25].

Пытаясь понять социальную функцию смеха, он обратил внимание на то, что смех вызывает не слишком большой недостаток, или порок, приходящий извне. Жизнь требует от человека «напряженности» и «эластичности», гибкости, умения быстро приспосабливаться к меняющимся условиям. Напротив, косность, рассеянность, автоматизм, неумение быстро адаптироваться к условиям жизни вызывает смех. Смехом наказывается отклонение от социальной нормы, но особенно не нравится Бергсону механистичность. Причину смеха он видел в «механическом», которое наложено на живое [26].

Далее, он обращает внимание на различие комического и остроумия. В остроумии он заметил «способность мыслить драматически» [27]. «Под *остроумием* мы будем подразумевать известную способность набрасывать мимоходом комические сценки, но набрасывать так ловко, легко и быстро, чтобы все уже было кончено, когда мы начнем только замечать происходящее» [28]. Остроумие создает комический эффект тогда, когда происходит игра между прямым смыслом фразы и переносным, инверсия или интерференция двух идей в одной фразе. Остроумие можно определить как неожиданное обнаружение сходства несходного.

Комическое, как полагал Бергсон, не принадлежит полностью ни искусству, ни жизни [29]. Теофиль Готье назвал комизм «логикой нелепости» [30]. Здравый смысл — «постоянно подвижное, непрерывное наше внимание к жизни» [31]. Нелепость противоречит здравому смыслу, и тогда она награждается смехом, как и всякое тщеславие, нечто мелкое, претендующее на величие без достаточных оснований. Смех – амбивалентное оружие культуры: он и отрицает, и утверждает, «здесь, как и всюду, природа пользуется злом для блага» [32]. При этом отрицается косное, неестественное, искусственное, автоматическое, механическое, утверждается живое, гибкое, естественное. Правда, отмечал Бергсон, смех не всегда справедлив, ведь опирается он на некоторую долю равнодушия. Если человек споткнулся и упал на улице, то он же ушибся, ему больно. Вот почему смех прекращают свидетели происшедшего, если обнаруживается, что ущерб упавшему нанесен его падением очень большой и нужно проявить сочувствие и оказать помощь.

7. ОБОСНОВАНИЕ ИРРАЦИОНАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В основе методологии Бергсона дихотомические пары категорий: «открытое — закрытое» и «статическое — динамическое» [33]. Кроме того, он подчеркивал, что можно различать два рода величин: «экстенсивные и измеримые величины и интенсивные величины, не допускающие измерения, но о которых, тем не менее, можно утверждать, что они отличаются друг от друга по степени своей интенсивности» [34]. Но этим не устраняется трудность, ведь мы называем их величинами и можем сравнивать одну с другой, видя, что одна из них больше, а другая меньше, обозначая только условными измерителями, а не четкими количественными мерами. При этом экстенсивные величины соотносимы с причинными отношениями, а во втором случае не возникает мысли о причинах, которые вызывают большую или меньшую интенсивность.

Бергсон догадывался, что в восприятии мира участвуют два полушария головного мозга, обладающие своей спецификой: левое полушарие воспринимает пространство и оперирует количественными методами, а правое полушарие воспринимает время и использует качественные методы. В свете этого возникает возможность и потребность различения методологии естествознания, которая использует рационалистические подходы, и методологии гуманитарных

наук, которая опирается на использование иррациональных подходов. Обоснование такого различения было проведено нами ранее [35]. Вслед за этим возникает необходимость более основательного различения методологических подходов естественных, социальных и гуманитарных наук, которые предпринимаются нами в настоящее время [36]:

Таблица 1

Естественные науки (биология, антропология, физика, химия и др.)	**Социальные науки** (история, социология, демография, экономика, политология)	**Гуманитарные науки** (философия, искусствоведение, лингвистика, литературоведение, теология)
Объект – материальная субстанция	Объект – поле социальных отношений	Объект – духовная субстанция
Человек рассматривается как животное	Человек рассматривается как стадное животное	Человек рассматривается как духовное существо
Изучаются анатомия, физиология и расово-антропологические особенности	Изучаются нормы и правила, формы социальной активности	Изучаются духовные смыслы и ценности
Однозначный детерминизм	Многозначная обусловленность	Ценностный телеологизм
Формальная логика	Диалектическая логика	Бинарная дополнительность и многомерность
Объективность	Релятивистская объективность	Субъективная объективность
Методология рационально-аналитическая	Методология структурно-статистическая и динамическая	Методология иррационально-синтезирующая
Количественные подходы (генерализация)	Количественно-качественные подходы	Качественные подходы (индивидуализация)
Практика как критерий истины	Вероятностно-статистическая достоверность	Аксиологическая достоверность

8. ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ

Сознание континуально, а язык дискретен. Вот почему трудно сознанию выразиться в языке. В языке дух и душа спорят, пытаясь что-то сказать друг другу. Сознание обладает временными характеристиками, а язык пространственными. Сознание – эмоционально, иррационально, а слова – рациональны.

Вслед за спиритуалистами Бергсон был уверен, что человек есть дух и духовность и это является сущностной характеристикой именно человека. Одновременно он не отрицал существования физического универсума и материального тела. Духовность Бергсон связывал с творчеством, духовная энергия продуцирует творчество. Возражая Г. Спенсеру, Бергсон подчеркивал, что материальному телу присущи пространственность и вещественность, тогда как дух реализует себя во времени, а с веществом он связан опосредованно. Именно сознание воплощает связь прошлого и будущего посредством настоящего.

В противоположность И. Канту, полагавшему время априорной формой внутреннего созерцания, Бергсон акцент делал на содержательной стороне. По Бергсону, «...в сознании случаются события неразделимые, в пространстве одновременные события различимы, но без последовательности в том смысле, что одно не существует после появления другого. Вне нас есть взаиморасположенность без преемственности, внутри нас есть преемственность без внешней рядоположенности». Поэтому сознание не подчиняется принципу причинности, ибо сознание неразложимо на дискретные элементы.

Бергсон заявлял: «Homo sapiens, единственное существо, наделенное разумом, – это такое единственное существо, которое может ставить свою жизнь в зависимость от глубоко неразумных явлений» [37]. Здесь возникает возражение в адрес переводчика текста: вероятно, вместо слова «неразумных» следовало бы поставить слово «нерациональных», тогда заключение Бергсона будет вполне верным. В таком же виде, как в русском тексте (перевод А. Б. Гофмана), эта фраза вызывает возражения: религиозные идеи нельзя считать неразумными, да и Бергсон едва ли так считал; нерациональными — может быть, но они вполне разумны и целесообразны.

Важная идея Бергсона заключается в том, что сознание не является пространственным феноменом, а «человечество... привыкло считать существующим только то, что оно видит и к чему прикасается» [38]. Правда, еще Аристотель замечал: «...неправильно утверждать, что душа есть пространственная величина» [39], позднее об этом же вскользь упомянул Декарт. Поэтому о теле человека учеными сказано достаточно много, а вот о душе и сознании сказать нечто определенное трудно, поскольку они вне пространства и зрительного восприятия. Говоря точнее, сознание находится вне трех привычных, воспринимаемых глазами измерений того пространства, в котором мы живем. Но вполне вероятно, что сознание располагается в четвертом

или пятом измерениях нашего пространства, которые недоступны нашему зрительному восприятию. Вот если бы у нас имелся третий глаз, тогда, возможно, мы могли бы увидеть это энергетическое облако сознания, которое окутывает тело человека. Приборы помогают увидеть это нашим глазам.

9. СОЗНАНИЕ КАК ПОТОК И ВОСПОМИНАНИЕ

Рассматривая особенности сознания, Бергсон выделяет две его формы: поток и воспоминание. В настоящее время (Da-Sein) сознание текуче, движется во времени и плохо поддается исследованию, но в форме воспоминаний оно фиксируется и хранится в нашей памяти. Эти феномены прошлого в некоторой степени могут быть объектами рационального осмысления, хотя лучше исследовать их методами иррациональной интуиции.

Бергсон отвергал идею Спенсера о наследственной передаче приобретаемых признаков, полагая, что все дело в социальных институтах [39]. В то же время он принимает идею О. Конта о неизменности человеческой природы. На самом деле истина находится где-то посередине, по наследству передаются не социальные привычки, а предрасположенность. Так, ребенок, родившийся в семье музыкантов, получает задатки музыканта, которые может развить. И в то же время Бергсон прав, что «древнее состояние души сохраняется, скрытое под слоем привычек, без которых не было бы цивилизации» [40].

Бергсон выделял две формы памяти: память-привычку и память-воспоминание. Первое Бергсон считает в немалой степени механическим воспроизведением, хотя и сознательным, а второе – более творческим, позволяющим создавать разные варианты и комбинации. Память является важнейшей основой сознания, она дает материал для сознания, является субстанциальной опорой для связи прошлого и будущего. Без памяти невозможна идентичность человека.

10. ПСИХОЛОГО-МИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭТИКИ И РЕЛИГИИ

Бергсон вводит понятия «закрытого» и «открытого» общества [41]. Первое выходит из «рук природы» как замкнутое в «свой» мир и враждебно относящееся к «чужому» миру. Он полагал, что преобразует первое общество во второе «моральная обязанность», которая постепенно раздвигает рамки «своего» мира, вовлекая в него все бóльшую и бóльшую сферу «чужого», осваивая «чужое». Закрытое общество за счет традиции может длительное время сопротивляться разрушающему действию рационального ума. Такое общество опирается на «статическую», консервативную или традиционную религию. Открытым обществом он называет такое, которое охватывает все человечество [42]. Религия и мораль касаются и духа, и души. Бергсон полагал, что мораль не опирается на культ разума, в ее основе жизнь, понятая в широком смысле слова. Моральные принципы не формулируются на основе логических выводов, сначала философ интуитивно находит идею, а потом подбирает к ней аргументы и основания.

Мораль может быть выведена из различных принципов, таких как общий интерес, личный интерес, самолюбие, симпатия, сострадание, логическая связность [43]. В. И. Ленин в «Задачах союзов молодежи» полагал, что можно коммунистическую мораль вывести из интересов классовой борьбы. Такой подход приводит нас к принципу «цель оправдывает средства». На самом деле не всякие средства вписываются в поле нравственности: тотальное насилие дискредитирует те благородные цели, которые марксисты выдвигали. Сегодня, с учетом сформировавшегося представления об общечеловеческих ценностях, нельзя абсолютизировать интересы и ценности узкой группы людей, которые действуют, не считаясь с потребностями и стремлениями других.

Важная идея Бергсона: «никогда не существовало общества без религии» [44]. Это положение позднее положит в основу своей концепции цивилизации английский историк А. Тойнби, называвший религию «куколкой цивилизации». Он подразделял религии на два вида: статические (или консервативно-традиционные) и динамические (эволюционирующие). Вторые изменяются под вилянием мистического опыта крупнейших их деятелей. Первым источником религии, как полагает Бергсон, является «защитная реакция природы против разлагающей силы ума» [45]. Как было показано выше, интеллект самоуверенно постигает мир аналитическими методами, «убивая» все живое и изучая «труп» путем препарирования его частей. При этом можно понять материальное строение мира, но не его духовную сущность. Ее можно постичь лишь открывая свою душу миру, позволяя ему прикоснуться к «клавишам» нашего сердца.

Вторым источником религии может считаться мистическая интуиция. Источники «эмпирического оптимизма»: 1) человечество дорожит своей жизнью, поскольку считает ее благом; 2) по ту сторону удовольствия и страдания существует «безоблачная радость», которая представляет собой конечное состояние «мистической души» [46]. Великие мистики прошлого находили контакт с абсолютами духовной субстанции и открывали человечеству основания для оптимистического восприятия мира, опирающегося на переживание единства с вечностью.

Таким образом, философия А. Бергсона создает основания для многомерного, глубокого понимания жизни, открывает перспективы исследования духовной субстанции как важной основы жизни и ее творческой эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 8.
2. Там же. С. 8–9.
3. Там же. С. 9.
4. Там же. С. 13.
5. Там же. С. 13–14.
6. Там же. С. 161.
7. Там же. С. 167–183.
8. Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 284.
9. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 1178–1179.
10. Бергсон А. Материя и память. СПб., 1911. С. 139.
11. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 135.
12. Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 848–849.
13. Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 173.
14. Там же. С. 11.
15. См.: Бергсон А. Два источника морали и религии. С. 120–121.
16. Там же. С. 126.
17. Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 277.
18. Бердяев Н. А. О назначении человека. С. 135.
19. См.: Бергсон А. Введение в метафизику // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 1172.
20. Там же. С. 1175.
21. Там же.
22. Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 295.
23. Там же. С. 296.
24. Бергсон А. Смех // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 1281.
25. Там же. С. 1282.
26. Там же. С. 1309.
27. Там же. С. 1344.
28. Там же. С. 1345.
29. Там же. С. 1363.
30. Там же. С.1392.
31. Там же. С. 1394.
32. Там же. С. 1403.
33. См.: Гофман А. Б. Общество, мораль, религия в философии Анри Бергсона // Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 354.
34. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 673.
35. См.: Пивоев В. М. Рациональное и иррациональное в методологии гуманитарного знания // М. М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. Петрозаводск, 1999. С. 3–27.
36. См.: Пивоев В. М. Три вида наук // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции, инновации: Материалы научно-метод. конференции. Петрозаводск, 2007. Ч. II. С. 62.
37. Бергсон А. Два источника морали и религии С. 109.
38. Там же. С. 345.
39. Аристотель. О душе // Соч.: В 4 т. М.. 1975. Т. 1. С. 382.
40. Бергсон А. Два источника морали и религии. С. 295.
41. Там же. С.298.
42. Там же. С.288.
43. Там же. С. 289.
44. Там же. С. 291–292.
45. Там же. С. 109.
46. Там же. С. 130.
47. Там же. С. 282.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 СОЦИОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ 2008

УДК 130.2

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СЕРГЕЕВ
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Мурманского государственного педагогического университета
asergeev@mspu.edu.ru

«КОРОЛЕВСКОЕ МЕСТО» (ЗРИМОЕ, ЕГО ДОПОЛНЕНИЕ И ВОСПОЛНЕНИЕ)

В статье предпринимается попытка философского рассмотрения проблемы, связанной с тем, как и что мы видим. В контексте решения этой задачи автор детально анализирует процесс и этапы процедуры наблюдения, устройство и изменение континуума зримого, а также некоторые аспекты, связанные с организацией горизонта зрительного восприятия. Проблематика статьи развивается в русле философской антропологии и метафизики. Авторский взгляд на данную проблему позволяет рассмотреть ряд вопросов, затрагивающих историю новоевропейской и современной философии.

Ключевые слова: «королевское место», процедура «внешнего» наблюдения, рефлексия, трансцендентальный субъект, «смерть Бога», «положение дел», концепт, модель

Под «королевским местом» понимается специфическое место, находясь в котором, субъект может воспринимать и понимать все без исключения события, развертывающиеся перед ним как наблюдателем. Уникальность такого места в том, что оно является центром сосредоточения всех содержаний происходящего, фиксируемых инстанцией наблюдения. Фигуру самого наблюдающего можно уподобить всевидящему глазу, от которого ничто не может быть сокрыто.

Итак, «королевское место» позволяет тому, кто его занимает, иметь всю *полноту* и даже *избыточность* зрения, когда рассмотрение лишено препятствий. В призме этого рассмотрения все эффекты, затрудняющие зрение, практически сведены на нет. Более того, в призме взгляда из «королевского места» формируется зона такого восприятия, которое совмещено с мышлением: восприятие артикулировано и организовано до такой степени, что изменяется его план. При организации зрения отдельные – физически замеченные и выделенные признаки – соотносятся между собой не по «физическим», а по мыслительным основаниям. В рамках выстроенного тематического поля и артикулируемого пространства понимания глаз человека способен видеть то, чего ему было не дано видеть физически.

Скажем и по-другому, артикулированное видение опирается на смысловое или, что есть то же самое, на *логическое* тождество. Именно единый логический план позволяет засечь, заметить и промаркировать мышлением тот состав зримого, который не схватывается глазом и относится к *целому*. Ситуативное и частное, фиксируемое нами в отдельных актах зрения, в лучшем случае может комбинироваться в сложные сочетания разных содержаний. Однако такая – зрительная – активность развертывается в параметрах конкретного логического измерения, задающего

© Сергеев А. М., 2008

нашей мыслительной активности направление в границах определенного тематического поля.

Процесс придания рассматриваемому направленности напрямую связан с мышлением. Важно не только придавать *направление* и *перспективу* зрения, но и удерживаться в параметрах определенного направления. Важно обретать новые варианты и способы поддержания векторной устойчивости и направленности взгляда. Можно сказать и так, что понимающее зрение есть там и тогда, где и когда поддерживается перспективное рассмотрение. Чем больше наш взгляд может удерживаться в границах смысловой перспективы, тем больше мы видим. Мысль индуцируется энергией направленного рассмотрения, закрепляемого в конструировании текстов.

Уже в платонизме крепнет понимание того, что мы – люди – видим и обозреваем мир не *глазами*, а *идеями*. Теперь – через философию XX века, особенно в лице М. Хайдеггера и М. Фуко, становится понятно, что происходящее действительно видит тот, кто понимает организацию среды этой действительности, знает законы ее существования и способен смещаться из содержательных интерпретаций *случайного*, *ситуативного* и *частного* в измерение законов *формы*, их порождающей. Освоиться в среде интенсивного зрения может тот, кто находит в себе силы располагаться в тех артикуляционных устройствах, не только дополняющих, но и восполняющих физическое зрение. Понятно и то, что интенсификация зрения и само существование «королевских мест» возможны в параметрах складывающихся многомерных языковых пространств. Именно это и фиксируется понятиями «дискурса» и «эпистемы». Так что мы действительно видим не глазами, а эйдосами. Мы видим мир словами.

Сущность классической эпистемы, т. е. положения дел, все собою предопределяющего, включая основание восприятия, процедуру понимания и транслирование знания, сформировалась, как известно, в новоевропейской философской традиции. После Л. Витгенштейна говорить о «положении дел» как о чем-то таком, что имеет синтетический и производный характер, уже не приходится [2]. *Положение дел* складывается беспричинно, точнее – таким образом, который невозможно охарактеризовать в причинно-следственных построениях: в этом смысле *положение дел* – первично и предопределяет собой все. Из него можно только исходить. И потому положение дел задает параметр всем содержательным интерпретациям. Понятие «положение дел» можно уподобить понятию «целого».

Особо стоит обратить внимание на то, что задать определение целому не удается. Скорее, упорство в поисках конкретного механизма уводит человека от *целого* (т. е. «положения дел») к *частному* (т. е. «факту»). *Сложное* неопределенно и поэтому нуждается в определении, даже требует его. Со сложным связано частное.

Целое, напротив, связано с *простым*, и потому оно схватывается сразу. К простому не прийти, продвигаясь по пути минимализации сложного, хотя сложное – это такой же феномен, как и простое. Простое обладает двумя уникальными свойствами: оно доступно и изначально. Вот почему целое – в своей связанности с простым – открыто каждому из нас. К тому же целым захвачено все, что бы то ни было [3]. Вот эта-то неопределенность (нефиксируемость) полноты, целостности и простоты придается взгляду мышлением.

Рассмотрим процесс «внешнего» наблюдения. Мы находимся в ситуации наблюдения, когда занимаем *место зрителя* (зрителя в музее, картинной галерее, театре, кинотеатре и т. д.), в результате чего мы получаем возможность обозревания происходящего. То, что происходит перед нами, разумеется, имеет свою «внутреннюю» специфику, и в содержательном смысле оно предельно субъективно. Игра актеров или мазки на картине воплощают в себе «частное», «страстное», «возмущенное», тогда как наблюдатель способен на непричастный, беспристрастный и невозмутимый – никакими содержаниями – взгляд. Эффект внешнего наблюдения особенно ярко проявляется в отстраненности от субъективных содержаний и выражает себя в объективности зрения. Разные люди уравнены в своем положении – положении зрителя – и являются *посторонними* по отношению к зримому.

Место наблюдателя не содержится в составе наблюдаемого, однако оно предполагается. Возможность наблюдения (зрения и смотрения) инсталлирована в организацию составных частей наблюдаемого: оно инсталлируется *местом автора*, каковым является художник – создатель полотна художественного произведения, режиссер или кинорежиссер, которые организуют целое из разнородных частных эпизодов, предстающих частями единого смыслового континуума.

Видимо, в предельной форме «внешнее» наблюдение воплощает *фигура шпиона*, причем шпиона в двойном смысле, когда, шпиона, резидент занимает рефлексивную позицию и в отношении к своим «отношениям» с теми, на кого он работает. Он оставляет «про запас» и для себя некую внутреннюю территорию, которой он не делится ни с кем. Это – территория *понимания*, которое и составляет нерв жизни резидента. Насколько понимание резидента является неотчуждаемой собственностью и составляет основу его личностного строя, настолько он и существует, причем существует в физическом смысле. Именно из среды понимания совершаются аналитические рейды сознания, которыми можно «делиться» с другими людьми и придавать им форму *частного* существования. Если и говорить о рефлексии как способе организации жизни, то можно считать, что *рефлексивное* отношение к чему бы то ни было, включая саму рефлексию, определяет поведение разведчиков.

На примере резидентов хорошо видно значение рефлексивных актов для человека. Понятно, что такие действия пронизывают жизнь каждого из нас, если мы стремимся что-либо понять, а значит, и соотнести с собою. В процессе совершения рефлексии формируется образ *Я*, который является продуктом сознательной деятельности человека и местом «внешнего» наблюдения за собою. Понятно, что место рефлексивного образа *Я* является утопичным в физическом отношении, ибо оно располагается в мышлении человека. Однако возможна идеологизация рефлексивного образа *Я*, на основе которой появляются «двойники» и псевдообразы нашего *Я*, располагающиеся уже в параметрах культуры и занимающие в ней вполне конкретные – *знаковые* – места. Такой квазиструктурой является, например, имидж.

Из сказанного понятно, что можно отождествить инстанцию *зрителя* с инстанцией *наблюдателя*, когда перед взором последнего осуществляется вся *полнота* действия, определенность которого придается именно наблюдателю: придается в том смысле, что он посвящен в выявление *принципов существования* наблюдаемого.

По иному говоря, наблюдатель обладает возможностью постижения законов, по которым строится и воспроизводится все – перед ним – происходящее. Предполагается, что он в состоянии воспринимать и понимать разворачивающееся перед ним действие ввиду того, что его мышление совпадает со средой развертывания сущностных характеристик происходящего.

В профессиональном цехе философов вышесказанное фиксируется понятием «трансцендентального субъекта», содержательные интерпретации которого разнообразны по своим приложениям, но едины в фиксации положения дел, связанных с *априорностью*. Так, вводя понятие трансцендентального субъекта, Кант понимает его как *логическую форму* априорных синтетических суждений. Впоследствии – в посткантианской традиции – это понятие также отождествляется с *формой синтетических суждений*, которые имеют априорный характер. В методологическом плане понятие «трасцендентального субъекта» и трансцендентализма в целом применяется в контексте маркировки специфической возможности сознания человека – возможности осуществления им *логической* обработки любых содержаний своего опыта. Причем эта возможность практически неисчерпаема, как неисчерпаемы этапы процедуры формализации любого содержания.

Дело в том, что *неопределенность целого*, о которой говорилось выше, при встрече с ней человека, который смертен и конечен, теряет свой статус и подлежит *усложнению*.

Особо заметим, что проблема обостренного понимания смертности человека наряду с введением и поддержанием позиции трансцендентального субъекта в пределах человеческого «устройства» мира напрямую связана с ситуацией «смерти Бога», знаменующей распад онтологических оснований теоцентрического мышления и эпистемы, предшествующей новоевропейской установке.

«Смерть Бога», как известно со времен Ф. Ницше [4], знаменует не только утрату центра мира и «потустороннего» способа организации целого, но и обостряет проблему занятия «места Бога» определенными и условными центрами. Вместе с тем, платой за распад «потусторонней» формы организации целого и формирование «посюстороннего» способа существования мира – на основе действий новоевропейского субъекта – является утрата определенности между «нормой» и «ненормальностью» и, соответственно, между «здравым смыслом» и «безумием». «Внешняя» точка зрения, применяемая к самому себе, создает ситуацию перманентной недостижимости внутренней глубины себя и непостижимости своего подлинного *Я*, которое непременно предполагается. Причем, *подлинность* и *мнимость* норовят все время поменяться местами, дезориентируя сознание человека и изменяя направление интенционального строя его сознания. Перманентная недостижимость своего *Я* воспроизводит тотальность внутреннего распада, которым и определяется степень безумия каждого.

Однако, уходя от рассмотрения проблемы соотношения нормы и ненормального, отсылаем интересующегося к работам Фуко [5], а сами сосредоточимся на проблеме наблюдения.

Попытаемся сформулировать некий парадокс. Наше видение развивается постоянно и безостановочно именно потому, что оно – *неполно*. Его неполнота стимулирует потребность все нового и нового рассмотрения. О полноте зримого можно говорить применительно к логическому основанию, которое определяет реализацию возможностей увидеть нечто. Такая полнота является не «содержательной» полнотой, но полнотой формы. И эта полнота формы предшествует любой определенности содержания увиденного, имеющей всегда частный характер.

Привносимая с формой полнота наполняет, восполняет и дополняет содержание, обеспечивая возможность единства всех его составляющих. На основе *тождественности* содержаний, что достигается путем опоры на *логический план* формы, нам удается совершать прыжки от одного содержания к другому. В основании действий отождествления лежит намерение связать и соотнести разное посредством выделения единого внутреннего измерения, присущего отдельным содержаниям. Витгенштейн называет такое внутреннее измерение «логическим пространством».

Прямого взаимодействия с полнотой, т. е. с формой, у нас нет: оно всегда опосредовано и определенно. В своем зрении мы ориентированы формой. И уже в проеме такой ориентации – т. е. «потом», «вторично» и «производно» – определяется содержание, значимость которого

для нас напрямую зависит от того, удерживаем мы его единство с формой или нет. Если при акцентировании внимания на содержании зрения мы способны воспринимать его «произведенность» посредством формы, то такое – «нагруженное» формой – содержание является для нас значимым. Если мы изымаем содержание из условий, благодаря которым оно продуцировалось, то мы легко его теряем, ибо оно нам не дорого. Дело в том, что содержание увиденного, оторванное от формы, теряет свою *логическую* составляющую и *заданное направление* своего понимания. Содержание увиденного, взятое в отдельности от условий, которыми оно произведено, не имеет смысла. Оно буквально «бессмысленно», ибо не связано с мыслью, а потому в дальнейшем склонно к исчезновению.

Заметим, что сам зритель в качестве какой-либо субстанции в действии не дан. Однако его присутствие – в происходящем – подразумевается. Подразумевается, что оно «есть» внутри действия, которое наблюдает зритель. Вот это «есть» и объясняется путем обращения к понятию «трансцендентального субъекта», обеспечивающего возможность того, что разные люди, имеющие несопоставимые биографии и судьбы, возрасты и половую принадлежность, социальный статус и карьерное положение, могут занимать одно и то же место.

Такое место «наблюдения» уравнивает всех людей и любого человека в их положении, т. е. положении *наблюдателя*. Занимая его и наблюдая происходящее, человек всецело сосредоточивается на действии наблюдения, тогда как все остальные его характеристики, связанные с жизнью, становятся незначимыми. Будучи наблюдателем, каждый из нас в этот момент – момент наблюдения, который – при развитии способностей – может занимать часы, дни, месяцы и годы нашего существования, не живет своей собственной жизнью. Налицо расхождение измерения *мышления* и измерения *жизни* с последующим замыканием активности субъекта, как и его повествования о ней, либо в одно, либо в другое измерение.

Кстати отметим, что сама возможность дискурсивных практик оформляется именно в ситуации, когда повествование наблюдающего (шире говоря, его язык) способно не только аналитически расчленять наблюдаемое и сочленять новые «комбинации» на основе сущностных характеристик, лежащих как бы внутри наблюдаемого, но и поддерживать саму *инстанцию* зрения. Язык повествования наблюдателя о том, что он наблюдает, базируется на рациональной «развертке» всего того, что способно быть помещенным внутрь обзора наблюдения. В результате, язык наблюдателя преобразует отдельные восприятия в единую смысловую картину, на основании которой только и воспринимается любая характеристика объекта наблюдения. Фуко прямо заявляет о том, что дискурс это и есть «язык в его способности выражать представления, … который именует, расчленяет, сочетает, связывает и развязывает вещи, позволяя увидеть их в прозрачности слов» [6].

Возвращаясь к теме расхождения *зримого - мыслимого*, с одной стороны, и *существования*, с другой стороны, отметим, что возможность замыкания измерения мышления в отдельную область, если и не противостоящую области жизни, то, по крайней мере, с ней не совпадающую, начавшая формироваться в Европе благодаря усилиям Декарта, чрезвычайно показательна. Дуализм res extensa и res cogitans проводится Картезием последовательно и принципиально, выступая в качестве лейтмотива практически всех значимых его рассуждений. Практическая ситуация, связанная с разведением измерения жизни и измерения мышления, когда можно *жить не мысля* и, напротив, *мыслить не живя*, оказывается довольно распространенной. К тому же можно опереться на теоретическое осмысление этой позиции, характерное для работ М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского [7], когда совмещение мышления и наблюдения становится основанием построения *метатеории* сознания. В контексте развития метатеоретического подхода формируется такой язык «внешнего» наблюдения и понимания, который применим в затруднительных и проблематичных ситуациях, как в отношении жизни, так и самого сознания.

Таким образом, в теоретическом плане мышление не нуждается ни в какой жизни: ему достаточно себя. Собственно и жизнь не нуждается в мышлении, образуя собою самодостаточный континуум. Пожалуй, не будет лишним добавить, что логика обособления сознания, отождествляемого на момент рассуждения с мышлением, от жизни в любой ее содержательности является одним из наиболее существенных признаков медитативных практик, получивших распространение в русле индийской философии и в буддизме [8].

Вместе с тем значима проблема, связанная с возможностью, по крайней мере – с возможностью теоретической, постоянного *сдвига* места наблюдателя внутри процедуры наблюдения [9]. Наблюдение предполагает, что любое наблюдаемое содержание, «вмещающее» и «помещающее» в себя субъекта наблюдения, может преодолеваться посредством выполнения перманентного *смещения* наблюдаемого из этого, как, впрочем, и любого другого, содержания.

У проблемы наблюдения есть и другой аспект, возможно, более понятный ввиду технической его проработанности в среде европейской профессиональной философии. Зададимся вопросом, почему так случается, что мы не понимаем происходящее, а также задумаемся о том, как вообще осуществляется понимание.

Проблема умения извлекать из произошедшего опыт напрямую связана с воспитанием у человека навыка *изъятия* себя, точнее – своей сущности, из конкретных ситуативных воплощений. Трансцендентальное смещение позволя-

ет нам видеть себя за пределами жизненных обстоятельств и преодолевать случайное, внутри которого мы застревает «по жизни». Фактически речь идет о *безразличии* в отношении к *частному*, противостоянии помещению нашего сознания в отдельное жизненное содержание и совмещении с позицией трансцендентального субъекта. Мы присваиваем себе способность, которая является «дополнительной» по отношению к способности взаимодействия с частным. «Спрямляющее» действие формы позволяет преодолеть ситуативные сложности жизни. Такое «преодоление» собственно и является *пониманием*. Совершаясь, акт понимания воспринимается нами с чувством облегчения. Не понимая, мы неизбежно застреваем внутри содержаний, цепляемся за них и не хотим с ними никак расставаться. Теперь же, когда понимание случилось, мы расцепляем связывающие нас путы ситуаций и переживаем свое освобождение, что всегда оценивается позитивно.

Вместе с тем встает и вопрос о том, как происходит на практике наша встреча с *формами*. Каким образом мы сталкиваемся со средой принципиально формального, но не содержательного отношения к действительности? В первую очередь это осуществляется через введение в область происходящего текстов, образованных мышлением, но не жизнью. Среда жизни пронизывается континуумом мышления: текст жизни подвергается аналитическому расчленению и последующему синтезу, когда формализованные содержания соединяются друг с другом на основе «текстовых» правил. Понятно, что тексты мышления должны не изображать действительность, т. е. не быть построенными на основе образов, исходящих из частных содержаний жизни. Напротив, тексты мышления становятся *поперечным* сечением жизни. Они создают *перспективу*, внутри которой располагаются различные содержания, в результате чего определяется «дополнительный» – смысловой – горизонт восприятия.

Перспективность и артикуляция зрению задается посредством открытия *концептов* и создания *моделей* рассмотрения.

Концептуально «загруженный» и концептуально «утрудненный» взгляд позволяет увидеть совершено иной план действительности. Оставляя за рамками данной статьи вопрос о технологии работы с концептами, включающей их открытие, рассмотрение их связи с «концептуальными персонажами» и технику поддержания таких персонажей, сосредоточимся исключительно на тех характеристиках концепта, которые могут способствовать прояснению нашей проблемы. Читателя же отправляем к работе Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которые, кстати сказать, и задачу философии в целом связывают с умением формировать, изготавливать и подбирать определенные концепты [10].

Одним из существенных признаков концепта является его полиструктурность, что позволяет совмещать множество образов видимого на основе одного мыслительного концепта. Концепт есть некоторая *целостность* видимого в разном, т. е. целостность *логического* типа, которая позволяет видеть объемлемо и объемно. Причем измерение концептуального зрения имеет тенденцию к разрастанию и расширению.

В понятии «концепта» отражается совмещение способности физического зрения с измерением мышления, когда конкретный концепт позволяет ясно и четко увидеть «старые» проблемы в «новом» свете. Так, открытие концепта секса позволило объяснить многое из того, что до этого концепта никак не связывалось между собой.

Значит, на основе концепта формируется определенный горизонт восприятия, благодаря чему – путем опоры на концепт – поддерживается рассмотрение действительности в некоем *тематическом* плане. Концептуальные измерения позволяют нам обратить внимание именно на те аспекты рассматриваемого, которые имеют для нас гораздо большее значение по сравнению с другими, а значит совместить, соотнести и связать зримое именно с *нашим* жизненным полем. Фактически взаимодействие с концептами позволяет человеку обрести свой жизненный путь. При изменении концепта изменяются границы понимания самого «устройства» жизненной среды человека, а также изменяется его положение как в отношении к себе самому, так и к миру. Все это напрямую связано с изменением *горизонта* видимого.

Затрагивая вопрос об артикуляции зрения посредством изготовления различных моделей действительности, заметим следующее. Модель воспроизводит целостность того, что рассматривается нами, придавая разным содержаниям зримого единство *внутренних*, т. е. *логических*, отношений. Привносимая с моделью форма преобразует *различное* в *единство состава* зримого, формируя тем самым определенное поле рассмотрения. На основании формального тождества между моделью и действительностью, по отношению к которой применяется данная модель, т. е. на основании тождества формы, различные измерения реальности утрачивают свою «содержательную» уникальность, порожденную разной природой, и могут теперь быть совмещены друг с другом. Разница субстанций – благодаря модели – не оказывает никакого воздействия, ибо на всем протяжении процесса рассмотрения выполняется условие *тождества формы*, которое закрепляет способ связи разнообразных элементов и позволяет разным измерениям реальности стать прозрачными по отношению друг к другу. Так формируется поле направленного – моделью – взгляда, сориентированного на конкретную целостность устройства реальности, придерживаясь которой, взгляд человека в содержательном отношении может длиться практически бесконечно.

Увиденное глазом и увиденное умом будут отличаться тем, что первое – всегда статично

установленное и воспринимается в своей законченности как нечто ясное, тогда как второе – динамично и тяготеет к постоянному усложнению, ибо вбирает человека внутрь себя. За счет совмещения зрения с мышлением определяются иные акценты восприятия и новые аспекты зримого. Понятно и то, что именно такие акценты, возникающие в проеме жизни человека, формируют его личность: личность несет в себе такие «различения» человека с собою, явно и неявно усложняющие его зрение.

Увиденное умом событие влечет человека: он испытывает тягу и даже ностальгию по тому, чтобы еще раз испытать произошедшее событие. В данном случае – еще раз увидеть понятое. Именно наше отношение к чему-либо позволяет этому «понятому» быть. Вне нашего отношения бытийная структура жизни не индуцируется.

Между тем осмысление события имеет двоякую природу. С одной стороны, в осмыслении события выявляется его *глубина*, соотносясь с которой человек способствует продлению этого события. С другой стороны, анализ события и выявление его структурной организации по принципу нахождения «схемы», «причин» и просчитываемых «последствий» изменяет *онтологический* статус события, способствуя превращению его в элемент определенной цепи явлений. Вот почему наше взаимодействие с событием требует сохранять его внутреннюю целостность, а значит – предпосылать такому отношению логический, т. е. смысловой, план видения. В противном случае происходит некая подмена события явлением. Происходит внутреннее замещение *логического* состава события составом *содержания* этого события, извращающее его понимание.

И последнее. Возможно, мы не готовы полностью сосредоточиться на *новом*, которое мы вдруг увидели, и принять его именно потому, что скованы *знаемым*. Поэтому, когда мы сталкиваемся с совершенно новым планом зримого, коренным образом изменяющего наше зрение, оно захватывает нас вдруг, целиком и сразу. Именно стремительность произошедшего откровения позволяет порвать со сложившейся ранее перспективой. В этом случае человеку не удается сдерживаться и он, будучи сориентированным на новое, стремится показать эту свою «захваченность» зримым другому. Стремится указать на произошедшую перемену: указать жестом или словом, всегда поперечным по отношению к языку описания и в него, конечно, не вмещаемым.

Если мы хотим акцентировать внимание на изменении аспекта зрения, то непременно совершаем *добавочное* и *дополнительное* действие, выходящее за пределы видимого ранее. И действие это, является ли оно жестом, призывом или телесным движением, есть действие одновременно и языковое, и телесное, ибо изменение зрения столь радикально, что захватывает все наше существо разом и полностью. Изменение перспективы зрения, совмещенного с иным понимание зримого и пронизываемого этим пониманием, связано с новым основанием, экстерриториальным по отношению к тому, что ты видел. Теперь ты понял, и видишь *иное*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь стоит принципиально отмежеваться или, по крайней мере, отвлечься от разведения смысловых понятий «наблюдение» и «созерцание», как это делает А. М. Пятигорский, формулируя основания «обсервационной философии». См.: Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии: пер. с англ. Рига, 2002. 172 с.
2. Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. М., 2005. 570 с.
3. Для уяснения темы целого и частного, простого и сложного особенно важно обратиться к работе В. В. Бибихина «Витгенштейн: смена аспекта» (М., 2005)
4. Ницше Ф. Веселая наука: пер. с нем. // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1990. 829 с. Помимо текстов самого Ницше см. интерпретацию ситуации «смерти Бога» М. Хайдеггером. – Хайдеггер М. Европейский нигилизм: пер. с нем. // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 63–176; Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог Мертв»: пер. с нем. // Работы разных лет. М., 1993. 464 с.
5. Фуко М. История безумия в классическую эпоху: пер. с фр. СПб., 1997. 576 с.; Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году: пер. с фр. СПб., 2005. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: пер. с фр. М., 2002. Ч. 1. 384 с.; Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: пер. с фр. М., 2005. Ч. 2. 320 с.; Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: пер. с фр. М., 2006. Ч. 3. 320 с. Наряду с этим стоит обратить внимание и на работы Л. Кэрролла, вероятно, впервые со всей очевидностью привлекшего внимание к изменению отношения между привычным и новым. Он показал, как новые и дополнительные артикуляции меняют очертания сложившегося было видения. Становится понятно, что видимое определяется соблюдением или нарушением условий в деле поддержания пределов (границ) того, что мы видим. – См.: Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье: пер. с англ. М., 1991. 359 с.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: пер. с фр. СПБ, 1994. С. 332.
7. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994. 90 с.; Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М., 1993. С. 32-33, 272-281, 322-323, 327. Мамардашвили М. К. Стрела познания (Набросок естественноисторической гносеологии). М., 1997. С 225, 226-227; Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (Психологическая топология пути). М., 1995. С. 102-103, 398, 400-403, 409-410, 412, 523; Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997. 224 с.
8. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997. 224 с.; Пятигорский А. М. Избранные труды. М., 1996. 590 с.; Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии: пер. с англ. Рига, 2002. 172 с.
9. Пятигорский А. М. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа: пер. с англ. М., 1996. 280 с.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Пер. с фр. СПб., 1998. 288 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 СОЦИОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ 2008

УДК 165

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОЛКОВ
кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии Петр ГУ
alexvolkoff@bk.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

В статье отражена одна из основных тенденций современной философии – ориентация на язык и лингвистику как предмет и метод исследования. Краткое освещение получают идеи, ставшие сквозными для философской герменевтики, аналитической философии, структурализма и постструктурализма. Выделен ряд точек соприкосновения современной философской рефлексии о языке и методологии социально-гуманитарных наук.
Ключевые слова: философия, язык, социально-гуманитарные науки, методология, значение, смысл, сознание

Каждый, кто знаком с философией XX века, обращал внимание на одну ее характерную особенность. А именно: самые разнообразные философские направления связывают свое тематическое поле с языком. Этот акцент современной философии на языке в самых различных его измерениях и смыслах нередко квалифицируется как «лингвистический поворот». Ниже мы постараемся дать общую картину этого поворота и указать на некоторые контактные точки лингвистического поворота и методологии социально-гуманитарных наук.

В целом, глядя на современную философию, можно выделить, по крайней мере, четыре крупных философских направления, отличающихся повышенным интересом, вниманием к языку. Это философская герменевтика, аналитическая философия, структурализм и постструктурализм. Остановимся поочередно на каждом из этих направлений.

Герменевтический поворот к языку. Термин «герменевтика» происходит от греческого hermeneuo, что означает «разъяснять». Впервые герменевтика появляется в Древней Греции как учение, ставящее своей целью постижение и раскрытие смысла поэтических текстов, главным образом гомеровских. В Средневековье герменевтика приобретает религиозную окраску, превращаясь в экзегетику, связанную с толкованием Священного писания. В эпоху Возрождения и в Новое время герменевтика получает развитие на материале юриспруденции (Г. Гроций), истории (И. М. Хладениус) и, конечно, филологии (Ф. Аст, Ф. Шлейермахер). Однако превращение герменевтики из конкретно-научной методологической концепции в общенаучную философскую дисциплину происходит только в XX веке и связано, прежде всего, с именами В. Дильтея, М. Хайдеггера и Х. Г. Гадамера.

Согласно Х. Г. Гадамеру, основной вопрос философской герменевтики состоит в том, *что* значит понимание и *как* оно сбывается на фундаментальном уровне. Первым шагом на пути разрешения этого вопроса стал тезис Гадамера о принципиальной предпосылочности любого акта понимания, осуществляемого человеком.

© Волков А. В., 2008

Чтобы пояснить свою мысль, Гадамер обращается к привычному для человека способу обращения с текстом.

Обычно человеку представляется, что то, что он понял, содержится «тут же», в самом тексте. Однако Гадамер напоминает, что человеческое сознание – это не tabula rasa и рассматриваемый предмет человек невольно видит в терминах уже имеющегося у него знания, поэтому не существует ничего просто «вот тут». С точки зрения философа, все, что высказывается о тексте, уже так или иначе определено некими антиципациями, т. е. предвосхищениями [1].

Принимая данный факт во внимание, Гадамер указывает на две важные вещи:

во-первых, основу любого акта понимания составляет так называемый «предрассудок». Под предрассудком понимается не ложная предвзятость, а та культурно-историческая традиция, в которой живет и мыслит человек и которая определяет характер его осмысления действительности задолго до того, как сам человек начинает это замечать и обдумывать;

во-вторых, сама эта культурно-историческая традиция седементируется и транслируется в языке, языком же заданы как возможности, так и границы мышления, и именно язык как структурный элемент культурного целого должен стать первейшим предметом герменевтической рефлексии, опыта [2].

Уже на примере этих положений Гадамера можно понять, сколь важна герменевтика для методологии социально-гуманитарных наук. Прежде всего, герменевтика учит гуманитария, обществоведа воспринимать язык не просто как инструмент для выражения мыслей, а как мировидение, в котором находит отражение жизнь человека, народа, специфика их культуры, социальной организации и т. д.

Приведем небольшой пример. В русском языке есть слово «князь». Было бы ошибочно понимать его просто как обозначение главы государства, определенного принципа организации власти. Как сообщают историки, в русском крестьянском быту «князем» и «княгинюшкой» называли основателей рода, например жениха и невесту во время свадьбы [3]. В этой связи слово «князь», при герменевтическом к нему отношении, обращает внимание на специфический характер самой русской государственности, возникающей в результате экстраполяции ценностей локального мира (семьи, общины) на большую сферу социальной реальности.

Далее, обратим внимание на еще один момент. Как известно, механизмы владения родным языком носят, как правило, бессознательный характер. Конечно, когда-то в процессе воспитания в семье, в школе они осваивались сознательно, изучались фонетика, лексика, грамматика. Однако впоследствии пользование родным языком происходит автоматически. Между тем человека, занимающегося наукой, подобное спонтанное, автоматическое функционирование языка и тех предрассудков, что в нем содержатся, может столкнуть с определенными трудностями.

В свое время американский философ, логик У. Куайн предложил на этот счет занятную иллюстрацию. Некий туземец и лингвист-европеец, изучающий его язык, гуляя по лесу, видят, как мимо них пробегает заяц. При этом туземец издает звукосочетание «гавагай». Разумеется, лингвист предполагает, что на его родном языке «гавагай» обозначает зайца. Между тем, переводя «гавагай» как заяц, лингвист опирается на аналогию с европейским языком и полагает, что как в европейском языке слова именуют отдельные целостные объекты, так же это происходит и в языке туземца. Однако если отказаться от европейского стандарта и допустить, что язык туземца иначе расчленяет, классифицирует мир, то можно предположить, что слово «гавагай» относится не к зайцу как целостному объекту, а, например, к его частям, проекциям, которые в зависимости от случая попадают в поле зрения [4].

Этот пример Куайна как нельзя лучше демонстрирует герменевтическую подоплеку проблемы понимания, столь важную для социально-гуманитарных наук. Речь идет о том, что нередко человек, исследователь видит, слышит то, что он настроен увидеть и услышать, видит то, что ему подсказывает видеть уже имеющееся у него знание. В этой связи герменевтика ставит перед исследователем задачу осознания собственной предпосылочности, освоения собственных предмнений, например, европейского языкового стандарта, который неявно настраивает лингвиста переводить «гавагай» как «заяц».

Нечувствительность гуманитария к своей «языковой предпосылочности» чревата тем, что процесс понимания сведется к тому, что исследователь будет выводить из предмета познания то, что он сам туда же и поместил. И здесь мы подходим к еще одной важной вещи. Вынуждая исследователя осознавать свою языковую предпосылочность, герменевтика, по сути, способствует уяснению специфики гуманитарного познания.

Как известно, в естествознании для того, чтобы познать предмет, необходимо воздействовать на него, вырвать из многочисленных «естественных» связей с другими предметами и поставить в изолированное состояние. Только так может быть понята подлинная природа предмета. В естествознании такое воздействие называется экспериментом. Вооруженный экспериментами человеческий разум подходит к природе не как ученик, который слушает все, что учитель считает нужным сказать, но как полномочный судья, который принуждает свидетелей отвечать на вопросы, сформулированные им самим (И. Кант).

С точки зрения Гадамера, нет ничего более далекого от специфики гуманитарных наук, чем естественнонаучная модель познания. Познание в гуманитарных науках – это не подобие юриди-

ческого процесса, в котором разум добивается от вещей ответов на свои собственные вопросы, а скорее разговор, беседа, в которой столь важно искусство *внимать* голосу и мысли Другого. И герменевтика прививает этот необходимый для гуманитария навык познания как коммуникативного, диалогического процесса.

Аналитический поворот к языку. Первоначально этот поворот осуществлялся в рамках логического анализа языка, однако для социально-гуманитарных наук аналитический поворот к языку значимым стал тогда, когда философия перешла от логического к прагматическому анализу языка. Этот прагматический поворот в анализе связан с работами «позднего» Л. Витгенштейна, Н. Гудмена, У. Куайна, У. Селларса. Остановимся подробнее на концепции Л. Витгенштейна.

Центральными идеями в философии позднего Витгенштейна являются концепция «языковых игр» и теория «семейного сходства». Отправным пунктом Л. Витгенштейна выступает мысль о том, что естественный язык – это живые мыслительно-речевые акты, вплетенные в сложную ткань многообразных форм человеческой жизнедеятельности. При этом Витгенштейн подчеркивает тот факт, что значения языковых выражений зависят от их применения в тех или иных формах социальной, культурной деятельности. Порой одно и то же языковое выражение, употребляющееся в разных формах социокультурной деятельности, приобретает разные значения. Например, вопрос об элементарных составляющих некоего предмета будет по-разному восприниматься и решаться, скажем, ученым-физиком и специалистом по мебели, для которого важно квалифицированно собрать и разобрать этот предмет.

В итоге Витгенштейн приходит к выводу о том, что значение языкового выражения – это совокупность его употреблений в различных формах человеческой жизнедеятельности, а сам язык – это не что иное, как форма жизни. Отсюда же берет начало и аналогия между языком и игрой: подобно тому, как в игре существуют правила, регулирующие деятельность ее участников, так же и в языке словоупотребление ориентировано на нормы и образцы той формы жизнедеятельности, частью которой этот язык является [5].

С точки зрения Витгенштейна, существует далеко не одна языковая игра. Коль скоро та совокупность социальной деятельности, в которую вплетен язык, предельно разветвлена, то и количество языковых игр огромно. При этом, поскольку значение языкового выражения задается внутри языковой игры, т. е. внутри той формы социальной, культурной деятельности, в которой оно употребляется, то и понимать друг друга будут, прежде всего, те люди, которые принадлежат одной и той же языковой игре, одной и той же форме социальной, культурной деятельности.

Перейдем теперь к значению концепции «языковых игр» для социально-гуманитарных наук. Как явствует из самого названия, социально-гуманитарные науки – это науки об обществе и человеке. Человек же, как мы знаем, это носитель языка, а сам язык всегда вплетен в ту или иную форму жизнедеятельности. В этой связи представитель социально-гуманитарных наук неизбежно сталкивается с феноменом «языковых игр», и построить науку относительно общества, человека, игнорируя описание и понимание этих «языковых игр», вряд ли возможно. При этом теория «языковых игр» в лице Л. Витгенштейна, П. Уинча, К. О. Апеля и др. специально подчеркивает, что адекватно понять эти «языковые игры» можно только из перспективы самих участников этих игр. Проиллюстрируем это на примере.

В российской истории XIX века было одно эпохальное событие – реформа отмены крепостного права. Одним из широко обсуждаемых в ходе подготовки реформы был вопрос о распределении земли между дворянами и крестьянами-отпущенниками. Реформаторы сосредоточили свои усилия на таком распределении земли, которое, по их мнению, обеспечило бы эффективную поддержку государства всеми сословиями. Что касается крестьян, то их стремление к земле носило несколько иной характер. Земля для крестьянина была испокон веков синонимом Правды, т. е. жизни без дворян и чиновников, но с царем-батюшкой. В этом смысле, когда крестьянин говорил о «земле», то эта была не совсем та земля, о которой спорили реформаторы.

Игнорирование в данном случае того обстоятельства, что одно и то же слово («земля») в зависимости от «формы жизни», в которой оно употребляется, может приобретать разное значение, существенно затрудняет понимание исследователем специфики социально-экономической реформы. В тени разговора о размерах выкупных платежей остается ценностно-смысловая, мировоззренческая подоплека конфликта.

Далее, концепция «языковых игр» тесно связана с еще одной важной идеей – теорией «семейного сходства». Теорию или принцип семейного сходства Витгенштейн противопоставил традиционной теории абстракции. Согласно теории абстракции значением слова является то общее свойство или абстрактная сущность, которой обладают все предметы, обозначаемые данным словом, и только они. Витгенштейн старается предостеречь от неверного толкования, будто теория абстракции способна объяснить все возможные способы функционирования общих понятий. Он приводит простой пример. Понятие «игры» охватывает ряд явлений, таких как: шахматы, футбол, карты, детская игра в мячик, куклы и т. д. Примечательно при этом то, что все эти явления сходны друг с другом в одном отношении, но не сходны в другом, а указать на наличие у них одного общего свойства затруднительно. Теория «семейного сходства» как раз и выдвигается Витгенштейном для классификации таких явлений, которые имеют сходство наподобие

сходства членов человеческой семьи: у некоторых – похожие носы, у других – брови, у иных – походка и т. д. И эти сходства лишь частично совпадают, перекрещиваются. Но не существует какого-либо свойства или группы свойств, общих всем членам в равной мере [6].

Теория «семейного сходства» привлекла внимание многих философов, ученых, методологов науки. Особенно полезной она оказалась для описательных наук, например для истории, этнографии, биологии. В связи с этим Р. Нидэм даже назвал введение понятие «семейного сходства» Витгенштейном «концептуальной революцией», которая наступила после тысячелетней гегемонии схоластической формальной логики, и это нововведение, как можно ожидать, будет иметь важные последствия для широкого круга эмпирических дисциплин.

Собственный опыт этнографа убеждает Нидэма в том, что при попытках классифицировать общества по какому-то единому и определенному признаку (например, на основе форм либо власти, либо родства, либо наследования) исследователь сталкивается в конце концов с тем обстоятельством, что не существует какой-либо единой эмпирической черты, присущей всем тем общественным структурам, которые он склонен отнести к одному разряду классификации. Как видно, ситуация здесь аналогична той, которую Витгенштейн разбирает при анализе значения слова «игра».

Так как формы общественного устройства не поддаются объединению в классы в соответствии с традиционным представлением о классификации, то Нидэм предлагает понимать задачу классификации в духе витгенштейновской идеи «семейного сходства». Для конкретной реализации такого замысла он использует понятия о монотетической и политетической классификациях. Класс в монотетической классификации соответствует традиционному требованию наличия общего признака у всех его элементов. В политетических же классификациях класс должен удовлетворять гораздо более слабому требованию. Такой класс характеризуется набором элементов, которые сходны между собой в одном отношении и не сходны в другом, т. е. нет такого свойства, которое было бы присуще всем элементам данного класса.

Политетические классификации удобны тем, что обнаружение новых объектов или видов объектов с новым распределением признаков уже не заставляет ломать всю классификацию, как это было в период господства монотетического идеала классификации. Кроме того, политетические классы не являются взаимоисключающими. Они делают явным признание промежуточных случаев, они высокоинформативны, и с ними связано меньше риска произвольно исключить какие-то важные черты [7].

Структуралистский поворот к языку. В качестве философского учения структурализм оформился во Франции в 60–70 годы XX века. К числу наиболее ярких представителей данного направления принадлежат: этнолог К. Леви-Строс, историк культуры, философ М. Фуко, психоаналитик Ж. Лакан и литературавед Р. Барт. Несмотря на разную профессиональную направленность этих мыслителей, их объединяет общая интенция структурного метода – выявить в объекте познания структуры, т. е. совокупности отношений между элементами целого, сохраняющих свою устойчивость при различного рода преобразованиях и изменениях. При этом для структурализма характерно использование лингвистических методов в других областях гуманитарного знания или понимание социальных, культурных объектов по аналогии с языком, как знаковой, означающей системы.

Безусловно, что ведущую роль, как в плане логического формирования, так и в плане исторического становления методологической программы структурализма, сыграл крупнейший современный этнолог К. Леви-Строс.

Научная деятельность К. Леви-Строса посвящена исследованию социальных организаций и духовных структур традиционных обществ. Речь идет о различного рода племенах Южной, Северной, Центральной Америки, Океании, Африки. К началу XX века сложилось представление о том, что людям этих традиционных сообществ присуще, «дологическое» или «прелогическое» мышление (Л. Леви-Брюль), не способное к усмотрению противоречивости явлений и процессов и управляемое сугубо фантазиями и мистическими переживаниями.

К. Леви-Строс с этой точкой зрения не согласен. По его мнению, человек традиционного общества, так называемый туземец, способен к совершению тех логических операций, которые осуществляет и человек технически продвинутой цивилизации. Поэтому одна из главных задач, которую ставит себе Леви-Строс, состоит в том, чтобы продемонстрировать логическую рациональность мышления туземцев, выявить те структуры мышления, которые являются общими как для туземца, так и для обычного европейца. В решении поставленной задачи Леви-Строс опирается на методы структурной лингвистики (Н. Трубецкого, Р. Якобсона), а конкретной точкой приложения этих методов выступают мифы, тотемические комплексы традиционных обществ.

Как известно, один из основателей функциональной лингвистики Н. Трубецкой исходил из отчетливого противопоставления фонетики как науки о материальной стороне (звуках) человеческой речи фонологии как науке, которая исследует, какие звуковые различия в данном языке связаны со смысловыми различиями, каковы соотношения различительных элементов и по каким правилам они сочетаются друг с другом в слова (и соответственно в предложения). При этом, по замечанию Трубецкого, вся-

кое различие предполагает противоположение. Речь идет о том, что признак звука способен приобрести смыслоразличительную функцию, если он противопоставляется другому признаку, если он является членом звуковой оппозиции (звукового противопоставления). Звуковые оппозиции (противопоставления), способные дифференцировать значения двух слов данного языка, называются фонологическими или смыслоразличительными. Например, том : ком; лом : сом и т. д. [8].

Опираясь на фонологическую теорию Н. С. Трубецкого, К. Леви-Строс полагает, что аналогичным образом можно действовать и при анализе мифов. Подобно тому, как значащая функция в языке связана не с самими звуками, а со способом их сочетания между собой, так и смысл мифа заключен не в отдельных его элементах, а в связи этих элементов между собой.

Примером исследования мифа с помощью лингвистической методологии может послужить левистросовский анализ мифа об Эдипе. Опуская пересказ сюжета данного мифа, заметим, что как структуралиста К. Леви-Строса интересует миф не столько с точки зрения повествования как линейного развертывания во времени некой последовательности событий (синтагматика), сколько с точки зрения модально-логических отношений, по которым строится сама эта последовательность (парадигматика).

Так вот, по мнению Леви-Строса, все события в мифе приобретают свой смысл, будучи сгруппированы в так называемые бинарные оппозиции. Первой такой оппозицией может послужить гипертрофия и, наоборот, обесценивание родственных связей (имеются в виду инцест Эдипа с матерью и убийство отца), а второй оппозицией – подчеркивание и, наоборот, отрицание кровной связи с землей (речь идет о власти сфинкса, который и является символом автохтонного, т. е. растительного происхождения человека, и победа Эдипа над ним).

В целом, миф об Эдипе, по мнению Леви-Строса, представляет собой некий логический инструментарий для решения одной из центральных для традиционного общества проблем. А именно: человек рождается от одного существа, некоего природного прародителя (как утверждает космология, религия), или от двух – мужчины и женщины (как об этом говорит опыт)? В мифе об Эдипе эта проблема решается путем медиации или посредничества. Так, первичная бинарная оппозиция – человек рождается от одного существа или от двух? – заменяется другой, более узкой, бинарной оппозицией – подобное рождается подобным или чем-то другим? После этой замены исходные противопоставленности хотя и не ликвидируются, но смягчаются, т. е. сводятся к приемлемой для сознания ситуации. Так, с одной стороны, прав опыт, которой говорит о том, что люди рождаются от людей, но, с другой стороны, права и космология, ибо социальные нормы запрещают рождение людей от близких родственников [9].

Далее, использование К. Леви-Стросом методов структурной лингвистики позволяет ему выйти на еще одно примечательное обстоятельство. Как утверждают лингвисты, в схеме по опознанию фонем, помимо крайних членов, есть звуки-медиаторы, но и в мифах, говорит Леви-Строс, которые также обычно оперируют оппозициями, появляются медиаторы. Например, в оппозиции «травоядные – плотоядные» медиатор – «питающееся падалью животное», например, шакал или ворон. Эта структура подразумевает следующее рассуждение: с одной стороны, пожиратели падали подобны плотоядным (питаются животной пищей), а с другой стороны, подобны и травоядным (они не убивают то, что едят). Таким образом, для мифа, который оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию, медиатор может выступать семантической серединой между полярностями или совмещать в себе два качества, каждое из которых соотнесено с одним из двух противопоставляемых предметов.

Еще одно явление, на примере которого К. Леви-Строс демонстрирует бинарные оппозиции как структурообразующий логический элемент традиционного мышления, – тотемизм.

Один из известных теоретиков тотемизма У. Г. Р. Риверс определил это явление следующим образом: некая общность людей заявляет о своей связи с неким животным, каким-нибудь видом растения и даже с неодушевленным предметом. Психологически эта взаимосвязь выражается в том, что общность людей верит в родство между членами своей группы и животным (растением, предметом), часто выражается и в убеждении, что данная человеческая группа преемственно происходит от этого тотема. Наконец, данному животному, растению и т. д. оказывается почитание, проявляющееся, например, в запрете на его потребление или использование только при определенных оговорках [10] .

Один из важных вопросов, волновавших теоретиков тотемизма, был вопрос о том, почему именно животное и растительное царства представляют привилегированную номенклатуру для обозначения социальных общностей. Популярным и распространенным ответом на этот вопрос был следующий: в тотемизме задействованы животные или растения прежде всего потому, что они обеспечивают человеку пищу, потому что потребность в пище занимает первое место в сознании первобытного, традиционного человека, вызывая сильные разнообразные эмоции (Б. Малиновский, А. Р. Рэдклиф-Браун).

К. Леви-Строс, однако, считает эту точку зрения ошибочной. По его мнению, природные виды отбираются не из-за того, что они «хороши, чтобы кушать», а потому что «хороши, чтобы думать». За многообразием явлений, со-

ставляющих тотемический комплекс, К. Леви-Строс увидел осуществляемые мышлением логические операции. Например, при отождествлении членами социальной группы себя с животным или растительным видом выполняются операции сходства-различия. При регуляции переходов по линии индивид – социальная группа (половозрастная группа, клан, линидж) – племя используются обобщение-конкретизация, анализ-синтез. Если же племя использует для поименования кланов части тела природного существа, то при такой мысленной детотализации в означаемом происходит движение от общего к частному, а если имеет место и ретотализация – движение от частного к общему [11].

Подобные мыслительные операции могут совершаться и с помощью «морфологических классификаторов» (К. Леви-Строс) – лап зверя, его хвоста, зубов и др., по которым соотносимы между собой индивиды различных кланов, занимающие аналогичную социальную позицию. Совокупность таких операций, с учетом всех тотемов, посредством которых мыслят в данном племени, исследователь называет «тотемическим оператором». Это модель, воссоздающая реальную логическую форму, используемую туземцами для фиксации социально значимого содержания, его абстрагирования и конкретизации.

В целом, предпринятый Леви-Стросом анализ операционного состава традиционного мышления позволяет ему сделать вывод о родстве неких фундаментальных логических структур так называемого первобытного и современного человека. Данный вывод важен прежде всего тем, что ведет к отрицанию этноцентризма – установки, для которой характерно отождествление себя с людьми, а прочих – с «варварами» и «дикарями», и европоцентризма – мировоззрения, основывающегося на односторонне толкуемой идее прогресса или исторической эволюции.

И наконец скажем несколько слов о так называемом *постструктуралистском повороте к языку* и его последствиях для социально-гуманитарных наук. Сам термин «постструктурализм» говорит о том, что представители этого направления (Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Делез и т. д.) как развивают некоторые имманентно присущие структурализму (и в частности, структурной лингвистике) черты, так и выходят за его пределы.

Как известно, одним из краеугольных камней структурной лингвистики является восходящая еще к Ф. де Соссюру идея о произвольности языкового знака. В частности, Соссюр рассматривал знак как единство означающего (акустический образ слова) и означаемого (понятие). При этом в самом понятии нет ничего такого, что принуждало бы выражать его каким-то одним, определенным звуковым сочетанием. Скажем, понятие «стол» не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков с-т-о-л, служащей в русском языке ее означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков, например t-a-b-l-e. В этой связи Соссюр и обращал внимание на то, что означающее произвольно по отношению к означаемому и никакой естественной связи у него с ним нет [12].

Что же касается постструктуралистов, то они, отталкиваясь от тезиса о произвольности знака, стремятся придать ему более радикальное значение. Так, например, Ж. Деррида – один из признанных корифеев постструктурализма – замечает, что если никакой естественной связи между означающим и означаемым нет, но при этом они выступают как бы двумя сторонами одного листа, то не только означаемое не отсылает к какому-то определенному означающему, но и само означающее не указывает на какое-то одно, определенное означаемое. Или, говоря иначе, подобно тому, как одна и та же мысль может быть выражена не одним, а многими звуковыми сочетаниями, так одно и то же звуковое сочетание может отсылать (и на самом деле отсылает, считают постструктуралисты) не к одному, а к множеству смыслов.

Постструктуралистская трактовка знака получает выражение в специальном термине, неографизме – «diffèrance» («различАние»), введенном Ж. Деррида. Дифферанс – это такой механизм означивания, при котором каждое понятие никогда не присутствует само по себе; каждое понятие вписано в цепь или систему, в рамках которой оно отсылает к другим понятиям через систематическую игру различий. Можно сказать, что дифферанс выражает в процессе означивания два момента: момент процессуальности (размножения смысла) и момент временной отсрочки, как бы откладывания конечного, абсолютного смысла [13].

Постструктуралистский поворот к языку повлек за собой ряд последствий для социально-гуманитарных наук и прежде всего для литературоведения. В традиционном объекте литературоведческого анализа, коим всегда выступало произведение, обнаружился еще один объект, названный Р. Бартом «текстом», а его ученицей Ю. Кристевой «интертекстом». Что это такое? Если произведение представляет собой замкнутый вещественный фрагмент, сводимый к определенному смыслу, то текст или интертекст – это совокупность всевозможных цитаций, отсылок, аллюзий данного произведения на многие другие произведения. При этом, поскольку количество этих явных и не явных отсылок в принципе бесконечно, то и смысл читаемого, анализируемого произведения постоянно размножается, ускользает, откладывает свое окончательное воплощение в будущее [14].

Подобное изменение в объекте исследования (т. е. сам сдвиг от произведения к тексту или интертексту) не могло не отразиться и на самом субъекте, исследователе. Постструктуралистский поворот к языку знаменовал собой введе-

ние новых практик чтения, анализа художественного произведения, таких как «деконструкция» (Ж. Деррида), «текстовой анализ» (Р. Барт), «шизоанализ» (Ж. Делез и Ф. Гваттари). Общим для всех этих практик является выявление внутренней противоречивости текста, обнаружение в нем скрытых не только от неискушенного, «наивного» читателя, но и от самого автора «остаточных смыслов», доставшихся в наследие от речевых, иначе – дискурсивных, практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов.

В качестве иллюстрации можно привести работы американского филолога Х. Блума. Этот исследователь работает, главным образом, на материале англоязычной поэзии. Специфика его методологии анализа литературного текста состоит в том, что он рассматривает любое стихотворение как авторский «акт чтения» стихотворений предшественников. При этом одним из главных условий утверждения своего поэтического «Я» становится маскировка отношений с предшественником, вытеснение источника. В своих работах Блум рассматривает механизмы такого защитного вытеснения источника, процедуры его осуществления. По его мнению, следы вытеснения и ревизии откладываются в поэтических фигурах-тропах, становящихся своего рода знаками протекания творческого процесса [15.].

Далее, традиционное литератураведение, искусствознание всегда стремилось приписывать все интенции только автору текста или тексту как имманентному образованию. Однако если всякий текст есть, по выражению Р. Барта, «междутекст», то само понятие автора становится проблематичным. Автор считается отцом и хозяином своего произведения. Что же касается текста, то в нем, говорит Р. Барт, нет записи об Отцовстве. Текст можно читать, не принимая в расчет волю его отца. Призрак Автора может «явиться» в Тексте, в своем тексте, но уже только на правах гостя [16]. Данная ситуация получила в постструктурализме название «смерть автора».

Для лучшего понимания постструктурализма сошлемся на весьма характерную для него идею примата языка над мышлением и тему активной, конструирующей функции языка по отношению к миру. Суть идеи состоит в том, что язык, который использует человек в своей повседневной и в том числе научной деятельности, вовсе не является просто нейтральным средством выражения мысли, напротив, он активен, и то, *что* рассказывается, напрямую зависит от того, *как* рассказывается.

Наглядной иллюстрацией к этой идее может послужить работа американского философа, историка Х. Уайта. В 1973 году он издал книгу «Метаистория», с которой и принято связывать лингвистический поворот в исторической науке. Скажем несколько слов об этой работе.

Как известно, историк занят изучением прошлого. Может показаться, что задача историка состоит в том, чтобы просто описать события в той хронологической последовательности, в которой они в действительности происходили. Однако, описывая все, истории не получишь, получишь – хронику. История, по мнению Х. Уайта, начинается с того, что из всей массы событий историк производит отбор: одни события он выдвигает на передний план, считая их главными, другие отодвигает на периферию, как менее значимые, а третьи могут вообще оказаться незамеченными, недостойными внимания. Сами же основания, по которым историк упорядочивает события в единую линию, заданы языком. В частности, Уайт обращает внимание на то, что поскольку история разворачивается в форме повествования, т. е. рассказа, то и основаниями для упорядочения событий в историю выступают специальные модели, называемые сюжетными модусами повествования.

Из литературоведения известно о существовании четырех модусов сюжетного повествования – роман, комедия, трагедия и сатира. В зависимости от того, какой из сюжетных модусов повествования выбирает историк, в такую картину и выстроятся эмпирические данные, такой смысл и получит сама история. В итоге, то, с чем имеет дело историк, всегда некая конструкция, или, как говорят постструктуралисты, «нарратив», т. е. рассказ о прошлом, а не само прошлое. Помня о том, что любой нарратив репрезентирует исторические феномены в каком-то одном аспекте, историк должен стремиться выйти за пределы своего нарратива и практиковать разные нарративы [17]. Здесь, следует заметить, мы выходим на одну из главных идей постструктурализма – принцип плюральности интерпретаций и развитие науки на альтернативно-дополнительной основе.

Предшественник постструктурализма, структурализм исходил из идеи о том, что воспринять, понять нечто можно лишь в том случае, если это нечто представляет собой структурированное, упорядоченное целое. Сама же структурность связывалась с тем, что какой-то из элементов этого «нечто» является главным, центральным, а остальные периферийные. Для постструктуралистов самым главным в данной ситуации как раз и стал вопрос об этом «центре» структуры. Является ли некий элемент целого (например, литературного произведения) центральным сам по себе или он оказывается центральным потому, что некто (например, исследователь) центрирует на нем свое внимание?

Представители постструктурализма склоняются ко второму решению. Так называемый «центр» – это не объективное свойство структуры, а то, что субъект, исследователь принял в качестве такового, и в зависимости от характера и направленности взгляда исследователя свойство «центральности» может смещаться, переходить с одного элемента на другой. В этой

связи Ж. Деррида и вводит в философский оборот такой термин, как «восполнение» [18]. Под «восполнением» подразумевается тот факт, что множество нетождественных друг другу смыслов, интерпретаций должны находиться не в отношении господства и подчинения, а скорее равноправия и взаимодополнительности.

Таковы некоторые точки соприкосновения современной философии и методологии социально-гуманитарных наук в «поле языка». Все они, на наш взгляд, заслуживают серьезного внимания. Слова А. Эйнштейна о том, что наука без теории познания становится примитивной и путаной, можно вполне отнести и к сфере социально-гуманитарных наук. Знание философских идей, умение ими пользоваться является важной составляющей методологической культуры любого исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гадамер Х. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 18–19.
2. Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 317.
3. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. С. 15.
4. Куайн У. Слово и объект. М.: Наука, 2000. 470 с.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 83.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 110.
7. Сокулер З. А. Проблема обоснования знания. М.: Наука, 1988. С. 78.
8. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд. иностр. лит, 1960. С. 17.
9. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 193.
10. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 43.
11. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 230.
12. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 100.
13. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad marginem, 2000. С. 194.
14. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 413.
15. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 351с.
16. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 419–420.
17. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 22–62.
18. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad marginem, 2000. С. 291.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ФИЛОЛОГИЯ 2008

УДК 82.0

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕЁЛОВ
доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ
kunilsky@psu.karelia.ru

ЕЩЕ РАЗ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье разбирается вопрос об общелитературной и жанрово-обусловленной фантастике в русской литературе. Научная фантастика, литературная сказка и фэнтези рассматриваются как единая жанровая система. Выделяются доминантные признаки указанных фантастических жанров.

Ключевые слова: фантастика, сказка, жанр

В конце XX – начале XXI века русское фантастоведение продолжает успешно развиваться. Публикуются монографии, сборники статей, проводятся конференции. В серьезных работах последних лет складывается убеждение, которое удачно выразила Е. Н. Ковтун: «Теория литературы и фантастоведение, как ее составная часть, будучи наукой, не может позволить себе эмоциональных оценок и всегда неизбежно субъективного разделения писателей-фантастов на «своих» для академического литературоведения и «чужих». Как и в других областях литературы, в фантастике профессиональное суждение о содержательной и эстетической ценности должны высказывать относительно каждого произведения особо и обосновываться путем применения к фантастическому тексту общелитературных критериев» [1].

С этим трудно не согласиться, но бросается в глаза, что в современном фантастоведении продолжают обсуждаться в качестве актуальных и животрепещущих те же самые вопросы, что волновали критиков и писателей в 60–70-е годы XX века, в пору становления науки о фантастике. «Что такое фантастика?» – так назвал свою известную книгу Ю. И. Кагарлицкий в 1974 году [2]. «Что такое научная фантастика?» – так начинает свою статью секретарь Союза писателей Москвы А. В. Молчанов тридцать с лишним лет спустя, в году 2006 [3].

Что же изменилось за треть века? Вот и Е. Н. Ковтун считает, что «одной из главных задач науки о фантастике как раз и является ответ на вопрос, что такое фантастика в строгом «академическом» понимании термина» [4]. Когда же речь идет о частных аспектах интересующего фантастоведов «главного вопроса», то разгораются споры. Особенно это касается жанровой специфики фантастики. «Фантастика – самый парадоксальный жанр литературы» [5], – утверждают одни; «наша Фантастика не «жанр», а литература» [6], – заявляют другие.

Так что же такое фантастика? Что делает ее фантастикой? Жанр она или нет?

Попробуем на эти старые вопросы дать старые же ответы, но в новой интерпретации.

В свое время, отвечая на поставленные вопросы, я опирался на мнение И. Анненского:

© Неёлов Е. М., 2008

«"Что такое фантастическое, – писал в 1890 году И. Анненский. – Вымышленное, чего не бывает и не может быть". Это, вероятно, самое простое и в то же время достаточно полное определение фантастики» [7]. Примечательно, что в качестве «самого общего определения фантастики» Е. Н. Ковтун, ссылаясь на статью А. Палея «Научно-фантастическая литература» 1935 года, приводит именно эти слова И. Анненского. Таким образом, определение И. Анненского фигурирует в отечественной литературе о фантастике по крайней мере почти век и его можно считать общераспространенным. Правда, в отличие от Е. Н. Ковтун, сегодня я бы «усилил» формулировку знаменитого поэта и критика: фантастический вымысел «не может быть» вообще, в принципе, ни при каких условиях, ни в настоящем, ни в будущем.

Такой вымысел возник тогда, когда родилась фольклорная, прежде всего волшебная, сказка. Изображение принципиально невозможного в реальности – а именно такое изображение составляет первоначальную сущность фантастического – впервые (как особая поэтическая система) было разработано в жанровой парадигме фольклорно-сказочной семантики, воплощенной в специфическом корпусе сюжетов, восходящих, в конечном счете, к первобытному мифологическому наследию (но уже существенно переосмысляющих его с немифологических позиций).

Из этого исторического корня и вырастает многоцветное дерево литературной фантастики. У него два ствола: можно, с одной стороны, говорить о фантастике, обусловленной замыслом того или иного писателя (и тогда она – факт его творческой биографии, следствие особенностей его таланта и писательской индивидуальности), а с другой – в литературе появляются жанры, в которых фантастика присутствует независимо от желания автора, она предопределена самими требованиями жанра. В первом случае фантастическое носит факультативный характер (писатель волен использовать или не использовать фантастическую сюжетику и образность в своем произведении: он это решает сам в соответствии с замыслом), во втором же – фантастика *жанрово обусловлена* и в этом качестве она не зависит от воли автора (написать фантастический роман без фантастики нельзя).

Итак, можно говорить о фантастике общелитературной (и мало кто из русских писателей XIX–XX веков не отдал ей дань!) и фантастике жанрово-обусловленной. Последняя и составит предмет наших дальнейших рассуждений. Сразу же надо оговориться, что термин «жанр», до сих пор вызывающий споры, в этих рассуждениях будет употребляться с известной долей условности. Мы будем исходить из общеупотребительного представления о том, что жанры определяются общностью и единством поэтической системы (в пропповском смысле слова). Разная степень и разное качество этих общности и единства объясняют различие между родственными жанрами и в то же время позволяют их объединять в те или иные единые жанровые системы. С этой точки зрения волшебная сказка, сказка о животных, новеллистическая сказка и другие – самостоятельные фольклорные жанры, входящие в общую жанровую систему, которую представляет народная сказка в целом. Одним из главных факторов, придающих единство всей фольклорно-сказочной системе, является наличие фантастики как главного условия жанра.

В русской литературе процесс роста фантастики уже отчетливо заметен на рубеже XVII–XVIII веков, и связан он как раз с активным взаимодействием фольклорной сказки с различными повествовательными структурами. Жанрово же обусловленная фантастика впервые появляется, когда литературная сказка в 30-е годы XIX века приобретает в творчестве Пушкина статус жанра, после чего, так сказать, задним числом, довольно многочисленные сказочные тексты XVIII века тоже получают соответствующую жанровую дефиницию. Вслед за литературной сказкой (и отчасти одновременно с процессом ее жанрового становления) в XIX веке начинают появляться и научно-фантастические произведения, однако как особый жанр научная фантастика в России оформится только в первой половине XX века, и лишь после такого оформления произведения, скажем, В. Одоевского, М. Михайлова, К. Случевского, В. Брюсова будут осознаны как входящие в состав русской научной фантастики. (Говоря об истории русской научной фантастики, нужно, конечно, учитывать и жанрообразующее воздействие творчества Ж. Верна и Г. Уэллса, весьма популярных в России). Жанр, оказывается, может быть старше себя самого: родившись и встав на ноги, он начинает отбрасывать своего рода интертекстуальную тень в прошлое, в котором происходит, так сказать, кристаллизация различных разрозненных текстов в новом жанровом пространстве, которое еще не существовало в эпоху создания таких текстов. На русской почве подобная судьба, вероятно, ожидает третью разновидность жанрово-обусловленной фантастики – фэнтези, своеобразную «сказку для взрослых». В отличие от литературной сказки и научной фантастики, имеющих давнюю традицию в нашей литературе, фэнтези популярна в западных литературах, где она развивается по меньшей мере уже в течение столетия. В первой половине 90-х годов огромное количество самых разных переводных произведений в духе фэнтези появляется на столе читателя, и вместе с ними в русскую «промежуточную» (между фольклором и классикой) культуру приходит еще одна разновидность массовой литературы, использующей жанрово-обусловленную фантастику.

Итак, научная фантастика, литературная сказка и отчасти фэнтези – три разновидности жанрово-обусловленной фантастики. Эти разновидности, по аналогии с фольклорной сказкой,

можно рассматривать как самостоятельные жанры, объединенные в общую и единую систему.

Что объединяет и что разъединяет эти близкие, но не тождественные литературные жанры?

Прежде всего их объединяет само наличие фантастики в ее фольклорно-сказочной форме, парадоксальным образом сохранившейся в современной литературе (потому-то и можно говорить о единой жанровой системе).

Дело в том, что в фольклорной волшебной сказке фантастика носит твердый, сугубо определенный (не оставляющий у слушателя или читателя сомнения в «невозможности» изображаемого) характер. Это, по терминологии В. Н. Захарова, условная фантастика [8]. Условность фольклорно-сказочной фантастики определяется уже тем, что слушатель или читатель всегда проводит четкую и однозначную границу (часто просто эмпирически) между чудесным миром волшебной сказки и миром бытовой и исторической реальности. Эта граница как бы закрывает, *о=граничивает* сказочное действие, что делает сам жанр сказки жестко закрытым (поэтому бесполезно спрашивать, что было до начала фольклорно-сказочного волшебного действия и что будет после его окончания). Такая жесткая закрытость и позволяет внутри сказочного мира изображать фантастику как норму этого мира. «Метод подачи чудесного как действительного, реализация фантастики, – все это характерные моменты русского сказочного повествования» [9]. А это, в свою очередь, создает ощущение его реалистичности, что уже неоднократно отмечалось: «Чудесное сказки есть чудесное могучих сил природы; в собственном смысле оно нисколько не выходит за пределы естественности» [10]; «…фантастика фольклора – реалистическая фантастика: она ни в чем не выходит за пределы реального, материального мира» [11], и поэтому, «как ни парадоксально, но фантастика – первое порождение реализма» [12].

Однако следует еще раз подчеркнуть, что фольклорно-сказочная фантастика (по только что процитированным *буквально* совпадающим словам А. Афанасьева и М. Бахтина) не выходит за пределы естественности, за пределы здешнего реального, материального мира лишь потому, что она, как мы отметили, ограничена этим миром и тем самым отграничена от него. Поэтому волшебно-сказочный фольклорный мир оценивается как чудесный только слушателем или читателем, герои же фольклорной сказки рассматривают свой мир (при всех его Змеях Горынычах, Кощеях Бессмертных, коврах-самолетах, молодильных яблоках и проч.) как вполне обыденный, не чудесный. Точки зрения героев сказки и слушателей на возможность или невозможность происходящего не совпадают, и из этого столкновения («да» ↔ «нет») рождается новая позиция «если», по замечанию Д. Н. Медриша, «того самого «если», который делает мир волшебной сказки таким устойчивым, цельным и осязаемым» [13].

Таким образом, «реалистическая», но «условная» фантастика волшебной сказки порождает реальность сказочного мира, но таковой она осознается лишь в пределах текста, это особая, *сказочная реальность*.

Общелитературная фантастика, первоначально усваивая сказочную реальность фольклорного типа, довольно быстро уходит от нее, вырабатывая уже собственно литературные способы «параллелизма фантастического и реального», создающие противоположную, более того, абсолютно противопоказанную народной сказке «завуалированную (неявную) фантастику» [14]. Фантастика Пушкина, Гоголя, Достоевского при всех индивидуальных отличиях «эволюционировала от подчеркнуто условных к завуалированным формам фантастического» [15], и на фоне этой эволюции фольклорный принцип сказочной реальности зачастую уже казался устаревшим, наивным, изжитым, преодоленным большой литературой. Однако эстетический потенциал этого принципа не исчез, он сохранился и даже упрочился в жанрово-обусловленных формах литературной фантастики, что и активизирует фольклорно-сказочный интертекст.

Фольклорные особенности сказочной реальности и определяют своеобразие фантастического в научной фантастике, литературной сказке, фэнтези. А это, в свою очередь, означает активизацию и других аспектов фольклорной волшебно-сказочной поэтики в интересующих нас жанрах. В частности, знаменитая «формула сказки», открытая и обоснованная В. Я. Проппом, приобретает фундаментальное интертекстуальное значение в сюжетике научной фантастики, литературной сказки и фэнтези. Это и понятно, ведь «все, что попадает в сказку, подчиняется ее законам» [16]. В огромном, если не подавляющем, количестве научно-фантастических и литературно-сказочных произведений бесконечно варьируется (с разной степенью отчетливости) проппoвская схема развития сказочного действия. Ей так или иначе подчиняются, скажем, многие научно-фантастические романы Ж. Верна, Г. Уэллса, почти все романы А. Беляева (особенно «Человек-амфибия» [17]), В. Обручева, А. Толстого, многие произведения А. и Б. Стругацких (от «Страны багровых туч» до «Жука в муравейнике»); логика фольклорной «формулы сказки» легко обнаруживается и в повестях-сказках А. Толстого («Золотой ключик»), А. Волкова («Волшебник Изумрудного города»), Э. Успенского («Вниз по волшебной реке»), романах-фэнтези Р. Хайнлайна («Дорога славы»), У. Ле Гуин («Волшебник Средиземья»), Д. Р. Толкиена («Властелин колец»).

Собственно, так и должно быть. В. Я. Пропп подчеркивал, что «можно самому создавать новые сюжеты искусственно в неограниченном количестве, причем все эти сюжеты будут отражать основную схему, а сами могут быть непохожими друг на друга» [18]. (В жанрово-обусловленных

формах литературной фантастики так поступать писателя заставляет, конечно, не чтение трудов ученого, а необычайно крепкая и прочная архитекстуальная память жанра). Не случайно Е. М. Мелетинский замечает, что «после фольклора наиболее проницаемым объектом для семиотики (в том ее понимании, которое восходит к проппповским идеям. – Е. Н.) оказалась массовая литература и поэтика традиционных жанров» [19].

Думается, активизация фольклорно-сказочных принципов поэтики, обусловленных «сказочной реальностью» фантастики, в литературной сказке и фэнтези достаточно очевидна в силу единой сказочной природы жанров. Менее заметно это в научной фантастике, но и поэтика жанра, и анализ конкретных произведений убеждают в том, что у научной фантастики безусловно волшебно-сказочные корни [20].

Итак, наличие «сказочной реальности» фольклорного типа объединяет интересующие нас жанры в единую общую систему.

А что их разъединяет?

Фольклорная волшебная сказка выражает, как известно, патриархальное крестьянское мироощущение (с многочисленными реликтами первобытности). Естественно, что возникшие в новое и новейшее время жанрово-обусловленные формы фантастики манифестируют уже иные типы отношения человека к новой (но по-прежнему, по-фолькорному пропущенной через призму сказочной реальности) картине мира. В научной фантастике это отношение образует специфическое «научное мироощущение», в котором, необходимо подчеркнуть, главным будет не эмпирическая «буква», но сам рациональный «дух» науки. Поэтому «научное мироощущение», вопреки своему названию, не научный, а сугубо художественный тип восприятия мира [21]. В литературной же сказке реализуется иной, нежели в научной фантастике, тип мироощущения. Не случайно литературная сказка – по преимуществу детская сказка, хотя в хорошей литературной сказке всегда имеется и взрослый план содержания, что в высшей степени выразительно раскрывается в творчестве Андерсена и Пушкина. Детский адрес литературной сказки – это внешнее (и потому, можно сказать, резкое и крайнее) выражение ее аксиологии: мир в литературной сказке оценивается, как правило, с позиции «детского мироощущения». Конкретные формы выражения этого мироощущения, как и формы выражения «духа науки» в фантастике, бесконечно разнообразны: это может быть «детская ясность» решения «грозных вопросов морали» у Пушкина [22], изощренная логика «двуединого сюжета» [23] у Андерсена, превращающая простодушное замечание мальчика в «Новом платье короля» в гениальную формулу эпохи, глубинное выражение типологии детского характера в ситуации «познания мира» и «суда» над ним в сказочном эпосе К. Чуковского – примеров здесь столько, сколько авторов. В то же время, стоит только убрать «детскость» из жанрово-значимой структуры литературно-сказочного текста, как сразу же изменится и сама жанровая доминанта. Так обстоит дело, например, в повести-сказке В. Шукшина «До третьих петухов, в которой «детское мироощущение» не играет жанрообразующей роли и поэтому перед читателем оказывается не столько собственно сказка, сколько философская притча, причем в тексте явственно проступают и черты пародии на волшебную сказку («антисказка»), и черты социально-психологической повести [24].

Обратимся теперь к фэнтези.

Е. Н. Ковтун видит отличие фэнтези от научной фантастики в следующем (литературную сказку в понятие «фантастики» она не включает): «Традиционно в отечественной науке различают два главных типа фантастики. Их отличие восходит к приведенному нами в начале статьи определению И. Анненского. Тем, «чего не бывает», то есть на данный момент не наблюдается в реальности (но в перспективе или в принципе может в ней появиться), занимается т. н. научная фантастика (НФ; западный аналог термин *science fiction*). Тем же, чего с точки зрения современных научных представлений о мире «вообще не может быть» – фэнтези (русская огласовка западного термина fantasy)» [25].

Это рассуждение, при всей его логичности, можно оспорить. Если вспомнить об «усилении» определения И. Анненского, о котором речь шла в начале статьи, то получается, что фантастический вымысел не может реализоваться в реальности никогда, ни в научной фантастике, ни в фэнтези. В самом деле, бесспорно, роман Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой» относится к твердой научной фантастике, но фантастический вымысел произведения никогда не может воплотиться в действительности, ибо «Наутилус» капитана Немо плавает в океане XIX века и именно на этом соединении несоединимого (а не на образе подводной лодки – образе изначально не фантастическом) и строится фантастика романа.

Видимо, отличие фэнтези от научной фантастики следует искать в другом. Эта разновидность жанрово-обусловленной фантастики лишена четких жанровых границ: под фэнтези понимают и своеобразный синтез научной фантастики и литературной сказки, и современную волшебную сказку для взрослых, построенную на материале различных национальных мифологических и фольклорных традиций, и обширную область различных, как их называет Д. Сувин, «фантастических историй». В последнем случае фэнтези оказывается жанром, «который занимается тем, что протаскивает в эмпирический мир законы, противоречащие духу познания» [26], но в любом случае аксиологическим центром мироощущения в мире фэнтези оказывается сама «сказочная реальность». Сказка в фэнтези как

бы утверждает саму себя в качестве некоей системы координат. Такой тип художественного мироощущения условно можно было бы назвать «волшебным» или «магическим» [27].

Таким образом, возникает пусть и условно-гипотетические, но вполне определенные формулы жанровой доминанты в различных формах фантастики:

а) «сказочная реальность» + «дух науки» («научное мироощущение») → НФ [28],

б) «сказочная реальность» + «детскость» («детское мироощущение») → ЛС [29],

в) «сказочная реальность» + «сказочная реальность» («волшебное мироощущение») → фэнтези.

Эти элементарные формулы, конечно же, не отражают многих существенных нюансов поэтики жанров, но они позволяют увидеть то главное, что составляет жанровую определенность научно-фантастического романа или повести-сказки, то, что составляет уровень их *жанрового содержания*.

Последнее необходимо сразу же подчеркнуть: речь идет лишь о жанровом содержании, обусловленном, как видно из наших формул, «сказочной реальностью», то есть, подчиненном законам фольклорно-сказочной поэтики. Это – та область жанрового пространства, которая не подвластна воле писателя, дана ему традицией и интертекстуально закреплена в ее памяти. Но ведь в хорошем научно-фантастическом или сказочном романе всегда есть нечто и не научное, и не сказочное, и не фантастическое. Писатель волен (и уж здесь он – полновластный хозяин!) надстраивать над уровнем жанрового содержания любые другие уже индивидуально-авторские уровни, которые вступают в *диалогические* отношения с исходным жанровым уровнем. Поэтому конкретное фантастическое произведение строится как взаимодействие (порой конфликтное) двух различных поэтических систем: первая (отраженная в наших формулах) придает тексту жанровую определенность (определенность сказки – научной ли, детской ли, мифопоэтической ли – все равно сказки), а вторая подчиняется не фольклорно-сказочным закономерностям, а, являясь полностью индивидуально-авторской, отражает уникальное своеобразие творческой манеры писателя. Как отмечает И. П. Смирнов, «новый текст, если он эстетически отмечен, нацелен на то, чтобы констатировать в используемом им литературном материале повторяемость и прервать её» [30]. Первая система как раз и констатирует повторяемость, а вторая (индивидуально-авторская) прерывает её.

Существенно подчеркнуть, что все три формы жанрово-обусловленной фантастики носят рациональный характер (хотя обычно рациональной считается лишь научная фантастика).

Рациональность жанрово-обусловленных фантастических форм может быть обоснована структурным подобием «магического» и «научного» мировосприятия, давно замеченным мифологами и фольклористами. Важно также учитывать и психологическую точку зрения. Как замечает К. Г. Фрумкин, «если человек пытается отнестись к вымышленному миру как к подлинному, то эта попытка самообмана терпит крах, поскольку виртуальный мир не может по-настоящему основательно подтвердить своей подлинности. Но если человек относится к фантастике просто как к фантастике, т. е. как к лишенному материального бытия дополнению подлинной реальности, то тем самым он обнаруживает способ внести в мир альтернативность, несмотря на то, что единственность нашей реальности хорошо охраняется, и охрану эту мы преодолеть не в силах» [31].

Именно преодоление непреодолимого – рациональное создание альтернативы нашей реальности (в рамках фантастического текста), которая не имеет альтернативы (в рамках самой реальности), и делает мир фантастики универсальным полигоном для испытания различного рода художественных конструкций, направленных на преодоление нашей человеческой ограниченности во Времени и Пространстве. Это, в конечном счете, и обеспечивает фантастике массовую популярность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ковтун Е. Н. Фантастика как объект научного исследования: проблемы и перспективы отечественного фантастоведения // Русская фантастика на перекрестке эпох и культур: Материалы Международной научной конференции 21–23 марта 2006 года. М., 2007. С. 29.
2. Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика? М., 1974. 370 с.
3. Молчанов А. В. Традиционная научная фантастика на рубеже тысячелетий // Русская фантастика на перекрестке эпох и культур. С. 148.
4. Ковтун Е. Н. Цит. соч. С. 20.
5. Медведев Ю. М. О летописцах мечты // Осипов А. Н. Библиография фантастики. Опыт историко-аналитической и методико-теоретической характеристики. М., 1990. С. 3.
6. Шмалько А. Фанстрим, или Завтрак в Фонтенбло // Фантастика 2006. Вып. 2. М., 2006. С. 509.
7. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л., 1986. С. 30.
8. Захаров В. Н. Условность и фантастика: взаимоотношение категорий // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1986. С. 51.
9. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. С. 97.
10. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1865. С. 55.
11. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 300.

12. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 84.
13. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики. Саратов, 1980. С. 70.
14. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М., 1978. С. 59.
15. Захаров В. Н. Фантастическое как категория поэтики Достоевского семидесятых годов // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1981. С. 53.
16. Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 102.
17. На первый взгляд при безусловном присутствии сказочных мотивов, определяющих развитие действия в беляевском романе (подробно см. об этом: Неёлов Е. М. Фольклорная волшебная сказка и научная фантастика: анализ художественного текста. Петрозаводск, 1986. С. 59–78), финал «Человека-амфибии» кажется несказочным: Ихтиандр навсегда уходит в море. Однако дочь писателя вспоминает в своих мемуарах, что А. Р. Беляев придумал продолжение романа, которое охотно рассказывал друзьям, и в этом продолжении все заканчивается, как и полагается в фольклорной волшебной сказке, свадьбой добрых героев. «Ихтиандр добрался до старого друга профессора Сальватора. Там Ихтиандр встретил такую же, как он, девушку, и они поженились» (Беляева Светлана. Звезда мерцает за окном… // Фантастика-94. М., 1994. С. 331).
18. Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 101.
19. Мелетинский Е. М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике // Семиотика
и художественное творчество. М., 1977. С. 166–167.
20. Подробно см.: Чернышева Т. А. О старой сказке и новейшей фантастике // Вопросы литературы. 1977, № I; Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л., 1986.
21. Подробно см.: Неёлов Е. М. О мере научности научной фантастики // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1989. С. 167–176
22. Непомнящий В. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. М., 1987. С. 223.
23. Сильман Т. Сказки Андерсена // Г. Х. Андерсен. Сказки и истории. Т. I. Киев, 1973. С. 21.
24. Липовецкий М. Поэтика литературной сказки. Свердловск, 1989. С.128–137.
25. Ковтун Е. Н. Цит. соч. С. 30.
26. Suvin D. Zur Poetik des literarischen Genres Science Fichtion // Science Fiction. Theorie und Geschichte. Munchen, 1972. S. 91.
27. В известной степени систематизированное изложение особенностей такого мироощущения дает эссе Д. Р. Толкиена «О волшебных сказках» (Утопия и утопическое мышление. М., 1989. С. 277–299). См. также: Толкиен Д. Р. Лист работы Мелкина и другие волшебные сказки. М., 1991. С. 249–296.
28. Ср.: Д. Сувин пишет, что «необходимым и достаточным условием» научной фантастики как литературного жанра является «наличие и взаимодействие остранения и познания» (Suvin D. Zur Poetik des literarischen Genres Science Fiction. S. 90).
29. Поэтому литературная сказка – самый детский жанр в детской литературе.
30. Смирнов И. П. Порождение интертекста. СПб., 1994. С. 19.
31. Фрумкин К. Г. Философия и психология фантастики. М., 2004. С. 101.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ФИЛОЛОГИЯ 2008

УДК 808.2

ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА САВЕЛЬЕВА
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Карельского государственного педагогического университета
russian@kspu.karelia.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ ИДИОСТИЛЬ КОМПОЗИТОРА МИХАИЛА КУЗМИНА

В статье рассматривается организующая роль музыкального начала в лирическом идиостиле поэта-композитора М. Кузмина. Аргументируется жанровая и композиционная аналогия с музыкальными формами (типа обозначенного автором подзаголовка *сонатина* в миницикле «Английские картинки»). Доказывается структурно-музыкальный тип изобразительного мастерства поэта на примере стилистической категории цветообозначения.

Ключевые слова: М. Кузмин, идиостиль, стилистическая категория, цветообозначение, слуховое видение, музыкальный жанр, музыкальная форма

Имя Михаила Алексеевича Кузмина, долгое время подвергавшееся остракизму, с конца 80-х годов XX века активно возвращается исследователями и издателями в историческое русло русской художественной культуры как одно из славных имен искусства Серебряного века. Своеобразная художественная позиция Кузмина далеко не исчерпывается ни его собственными поэтическими декларациями, ни оценками разноголосой критики, а его идиостиль, за редким исключением, еще не был предметом специального, тем более фронтального анализа [1].

По его собственному признанию, до 1904 года Кузмин готовил себя к профессиональной «композиторской деятельности» (три года Петербургской консерватории по классу композиции, частные уроки композиции), при этом он пишет симфонии, сюиты, вокально-инструментальные произведения, а также песни, романсы, музыку на духовные стихи. Будучи завсегдатаем сценических постановок и театральным критиком, он регулярно сочиняет музыкальное сопровождение к спектаклям, например к «Балаганчику» А. Блока, к «Бесовскому действу» А. М. Ремизова и к др., да и сам пишет тексты некоторых своих песен и романсов. Только дружеские настояния окружающих (Ю. Верховский, В. Брюсов и др.), обративших внимание на оригинальность и самоценность его словесного творчества, к которому автор поначалу относился очень скептически, стали поводом для первых изданий его литературных произведений.

Саморефлексия и вытекающая из нее легкая самоирония («*Моя душа, как бабочка, Летит на запах липки*»), часто с долей шутливости, иногда лукавства, навсегда остались отличительной чертой творческого почерка Кузмина [2]. Это было связано и с другими особенностями его отношения к словесному творчеству. Например, всегда свойственное Кузмину осознание условности сотворенного мира. Камерность и экзотический антураж были нужны ему для идеальной жизни в царстве культуры, которую он, в определенном смысле *гражданин вселен-*

© Савельева Л. В., 2008

ной, сознательно предпочитал так называемой правде жизни. Его цитаты, аллюзии, реминисценции говорят о вторичности творимой поэтической реальности, что было совершенно в духе Серебряного века. Его фантазия легко путешествует по странам и эпохам, не претендуя на познание сущностных сторон жизни.

Вместе с тем в контексте творческой эволюции Кузмина и его единого мироощущения поэта-композитора нельзя не видеть в условности его модели мира и влияния стихии музыки как наиболее абстрактного из искусств его творческого сознания. Не случайно в своей позднейшей Декларации он настаивал на том, что сущность искусства – «производить единственное, неповторимое эмоциональное воздействие через передачу в единственной неповторимой форме единственного неповторимого эмоционального восприятия», а потому «искусство обязательно должно приводить к приятию мира» [3]. Заметим, что под такими словами *поэта* с легкостью подписался бы любой *музыкант* прежде всего.

Кузминская «Декларация эмоционализма» (1923) нисколько не противоречила его предшествующим лозунгам «вещности» и «прекрасной ясности», отнюдь не диссонируя со знаменитой одноименной статьей 1910 года. Если ранее речь шла более всего о средствах создания поэтического мира, то позже определялась сама цель творчества в понимании автора.

Изначально отсутствующая программность поэзии Кузмина не могла не обуславливать его лирического стиля, который, несмотря на позднейшие увлечения разнородными западными течениями модерна и более всего футуризмом, сохраняет узнаваемые черты на протяжении всего литературного пути поэта.

Его первый по времени сборник «Александрийские песни» (1906) в ритмическом отношении представлял интонационно-фразовый стих – верлибры сложной структуры [4], которые М. Кузмин исполнял в своей оригинальной манере, «безголосым голосом», под аккомпанемент фортепиано. В составе поэтического наследия Кузмина числятся вокально-инструментальный цикл «Куранты любви» (опубликован с нотами – М., 1910), вокально-инструментальный цикл «Лесок» (Пг., 1922; планировавшееся издание нот не состоялось), а также целый ряд текстов к музыке, отчасти опубликованных с нотами.

Предельное сближение в идиостиле Кузмина двух темпоральных искусств – лирической коммуникации и музыки – невозможно понять без учета профессиональных представлений Кузмина-музыканта. И здесь речь идет не просто о тенденциях жанрового наименования, типа «*Песен* о душе» или «*Серенады*»: в поэтической традиции романтизма это явление было хорошо известно (начиная с «Еврейских мелодий» Байрона, многочисленных «Песен» Дж. Леопарди, В. Гюго, Г. Гейне, А. Пушкина и мн. др.).

Имеется в виду более глубокое взаимовлияние словесного и сугубо звукового искусств, в том числе и в отношении построения художественного целого.

Примером может служить минициклл «Английские картинки» (1922) с подзаголовком «*Сонатина*», в котором изображены три стилизованных бытовых сценки («Осень»–«Именины» – «Возвращение») условной Англии в меняющихся периодах и каденциях ритмико-интонационного строя – как три вариации на общую тему любовно-эротических коллизий (Бэтси-Алиса-Нелли) «мореходца» Броуна. Чуткий к гармоническим краскам, Кузмин не представляет воссоздания инонациональной атмосферы без обращения к соответствующим народно-песенным истокам и народно-танцевальной ритмической аранжировке.

Показательна 1-ая часть этой «сонатины». В ней изображается динамическая ситуация любовного поражения «Бомбейского князя» Броуна, оказавшегося лишним в любовном треугольнике, но тем не менее нисколько не унывающего и предающегося гульбе под осенние мотивы и «стоны скрипки», с ее настроением легкой печали перед отъездом. Психологический портрет героя представлен борьбой двух мотивов: один из них – осознание своего поражения в отношениях с Бэтси и Уэлсом, другой – буйный разгул, заглушающий уколы ревности. «Джин», «виски» и «джига» (зажигательный морской танец) символизируют мотив разгульного преодоления любовной неудачи, а явно ироническая насмешка над сентиментальными народными песенками о «пташечках», «приятной Пэгги» и «слезах» несчастной любви подчеркивают «гордую» удаль «морского черта» Броуна, готового «самому лорду дать в морду». Два переплетающихся лирических мотива, подобно развитию темы инструментальной сонатной формы [5], контрастно оформлены «темброво» и метро-ритмически (первый – выдержанным 2-х иктным дольником, второй – неурегулированным дольником от 5 до 2 иктов), и один из них заглушается вставкой иронически переосмысленных песенок.

На фоне перепадов метра, размеров и неурегулированной рифмы подвижной (аллегровой) 1-ой части «сонатины» 2-ое стихотворение минициклла под названием «Именины» передает танцевальный ритм праздничной именинной кутерьмы и рисует статичную (умеренно замедленную по типу *moderato*) сцену любовного флирта. При этом «эпизод как средняя часть инструментальной формы» [6] изображается урегулированным ЯЗ с соблюдением правила альтернанса:

Ах, вишни, вишни, вишни,
На блюдцах и в саду.
Я, может быть, здесь лишний,
Так я тогда уйду…

О нет! – ликуют ушки.
Веселый взгляд какой!
И поправляет рюшки
Смеющейся рукой.

В 3-ей части «Английских картинок» под названием «Возвращение» рваные ритм и синтаксис, мужская монорифма, сгущение акустических образов (*часы буркнули, бабушка охнула, малый влетел, как шквал; хлопнул грога бокал, дом загудел, как улей; скрип, беготня, шум*) и звукоподражательных слов (*бом, бум-бум, пиф-паф, гип-гип*) передают бурное чувство радости возвращения домой из далекой Индии. В контексте всего миницикла для ликования возникает и другая причина – «рябая Нелли», предусмотрительно отдающая на ночь «свою каморку» «небезусому мальчику». Как знаток музыкальной формы, поэт Кузмин в 3-ей части сюжетно возвращается к 1-ой части, родственной *содержательно* (эротическая победа) и *формально* (поскольку снова отступает от классического стихового размера).

В целом, малый жанр *сонатины*, обозначенный автором, действительно создает впечатление контрастирующих композиционных отрывков непритязательной трехчастной инструментальной пьески. Благодаря перепадам классических и неклассических размеров и длины стиховой строки – аналогам музыкальных периодов, а также в соответствии с содержанием, 1-ая часть, названная «Осенью», имитирует динамичное сонатное *Allegro*; наиболее статичная сцена праздничной суматохи и игривого диалога влюбленных, в отступление от очерченного сюжета, параллельна отчетливому эпизоду – умеренному *moderato* 2-ой части; а перепады ритма, рваный синтаксис, неурегулированное чередование клаузул производит впечатление мажорно звучащего в манере *staccato* ожидаемого финала, который разрешается малой, но многозначительно бравурной кодой:

Гип-гип Вест-Индия!

Таким образом, виртуозно владея стиховой речью, Кузмин в одном миницикле легко и как бы полушутя предельно сближает иррациональный «язык богов» – музыку – и рациональный «язык слов», сознательно структурируя лирическую разработку фривольной темы по аналогии с облегченной формой инструментальной музыки.

Разумеется, в подавляющем большинстве лирических произведений Кузмина столь явную параллель между музыкой и поэзией провести вряд ли возможно, но очевидно, что многие кузминские поэтические картины созданы под непосредственным воздействием как народной песенности, так и классических форм вокальной музыки (ср. *кантату* «Святой Георгий» или *оду-ораторию* «Враждебное море») и даже чисто инструментальной [7], а потому проблемы их музыкальности, общности эстетических устремлений лирики с искусством звуковой гармонии (особенно цикла «Форель разбивает лед») нуждаются в специальном исследовании.

И все же общность эстетических устремлений лирики с искусством звуковой гармонии более всего прослеживается в самом ТИПЕ кузминского изобразительного мастерства.

Его специфику едва ли не наиболее доказательно можно обнаружить на примере стилистической категории цветообозначения [8], или так называемого колоратива, прежде всего ввиду семантической определенности объекта наблюдения. Кроме того, свойственный поэту утверждающий пафос гармонии бытия определял его повышенное внимание к радуге цветоощущений, а потому напряженное эмоциональное переживание красоты природного и вещного мира обусловило важность цветового пространства для его модели мира.

Цветовой мотив во многом разрабатывается М. Кузминым по законам построения музыкальных форм.

1. Сам ЗРИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ стилистической единицы колоратива регулярно РАЗВЕРТЫВАЕТСЯ КАК ОБРАЗ ЭВФОНИЧЕСКИЙ (благодаря аллитерации и ассонансу). Примером могут служить поэтические фразеологизмы, в том числе развернутые в предложения, различных лексико-семантических полей с самыми разными лексическими экспликаторами цвета: См.: *Пурпуровые паруса Курчаво стали в сизых тучах* (232 [9]); *Пурпурные трауры ирисов приторно ранят* (258); *Пожатье загрубелых в битве рук Сильней пурпурных с подписью порук* (223); *Пурпурокудрый, смуглый виночерпий* (254); *Роз алее алый рот* (131); *В разливах розовой зари* (219); *Синей индиго сияет небо* (95); *Лиловые плетя лианы* (278); *Сребристый стелет лен Селена* (221); *Скоро ночь – схимница махнет манатьей на́ море* (249); *На небо выезжает на черных конях ночь* (374*[10]); *Смарагдным градом прянет рай* (220). При этом «слуховое видение» поэта демонстрируют самые различные грамматические формы колоратива. Среди них не только наиболее частотные атрибутивные (*крвава заря* (369*); *петербургский бурый пар* (273); *кофейноокий эфиоп* (231); *синей в спине льдиной* (245); *в засиявшей синеве* (101); *в синевато-сером свете* (268); *из-за сизых высоких гор* (77); *о черный, золоченый сон!* (88), но и субстантивные (*из златолаковых смарагдов моря* (253); *земли неземной зелени* (238); *синь небесного павлина, млеющая медь моря, жидкий янтарь зари, красное дно кастрюли* – о солнце): глагольно-процессуальные (*прозрачно розоветь* (202), *рдеть, кровью горя* (138); *гореть жарко-желтой позолотой* (40); даже адвербиальные (*Как розово засвиристел апрель* (656*); *Сине яснит основа* – 247).

2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОВТОР ВНУТРИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕМЫ. Повтор как универсальный способ словесной и музыкальной

изобразительности обоих темпоральных искусств объясняет и яркую семантическую черту стилистической категории кузминского колоратива. Речь идет о последовательном развертывании цветового образа только одного спектра при почти полном отсутствии полихромных образов. Автор различными способами умножает, подчеркивает особую насыщенность и эстетическую ценность цвета: он или повторяет саму лексему (см. *алый, алый; синий, синий; голубой, голубой*); или же регулярно пользуется подбором лексических экспликаторов одного и того же спектра, обычно усиливающих суггестивный эффект эвфонией: *Красен кровавый рот* (183); *Луг зеленый зеленится (123); Белой ночи бельмо белеет сквозь бледные шторы* (245–257*); *Синева, синей, синей; Синей индиго сияет небо* (95); *Румяная заря лучит рубин и янтаря* (139); о Богородице: *Румяной розою зардела* (156).

3. ПОВТОР В МАКРОКОНТЕКСТЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО. Синтагматика кузминских колоративов может носить однородный характер не только в микротекстах, но и в рамках разрабатываемого лирического цикла, лексико-фразеологически варьируя возвращение к одному и тому же спектральному лейтобразу. Так, колоратив *зеленого* в цикле «Форель разбивает лед» важные семантические наращения приобретает в контексте отображения внутреннего иррационально-субъективного мира художника. Такая метафора требует дешифровки. Например, поэтическая фразеологема *зеленая пустота* представляет в макроконтексте всего лирического цикла сложный и многослойный мифопоэтический образ с определенным эротическим подтекстом: он раскрывается лишь на фоне *зеленых глаз, зеленого взора, зеленого блеска очей, зеленого плаща* возлюбленного или же обнаженного тела, отливающего под водой *зеленой слюдой*. Тот же иррационально-эротический подтекст чувствуется в пространственных образах *зеленой страны* или *зеленого края под паром голубым*, выступающих некими важными для лирического героя ориентирами в оппозиции *здесь* / *там* [11].

Высокая концентрация цветообозначения одного лексико-семантического поля в контексте используется автором и как композиционный прием, например в цикле «Венок весен» (газэлы 25–27: *белый в белом; красный в красном; черный в черном)*. В то же время в процессе сближения с музыкой как искусством в высшей степени абстрактным, иррациональным и экстатическим происходит десемантизация этой стилистической единицы, ее отрыв от денотата и развитие символики. Так, семантическое развертывание колоратива *белый* в поэтических текстах Кузмина связано, прежде всего, с развитием его периферийных значений, как положительных, так и отрицательных. Общекультурный символический подтекст этого цветообозначения как знака непорочности, чистоты и невинности прочитывается в важнейшей для творчества художника теме однополой любви:

Он пришел в одежде льна, белый в белом!
«Как молочна белизна, белый в белом!»
Томен взгляд его очей, тяжки веки,
Роза щек едва видна: «Белый в белом,
Отчего проходишь ты без улыбки?
Жизнь моя тебе дана, белый в белом!»
Он в ответ: «Молчи, смотри: Дело Божье!
Белизна моя ясна: белый в белом.
Бело тело, бел наряд, лик мой бледен,
И судьба моя бледна: белый в белом!» (137).

В диалоге только угадывается эротический мужской дуэт. Загадочность усиливает общее монохромное цветовое пространство: *белый в белом / молочна белизна / белизна ясна / бледный*. Запретная тема подается в экзотическом жанровом антураже: персидской поэтической форме газэлы (хотя это принципиально невозможно в мусульманской традиции). В кузминском «Венке весен» три философские категории бытия: жизнь – любовь – смерть, символически оформленные явленным в своей изначальной сущности цветом, сочетаются в антонимическом единстве: *Белый в белом / Красный в красном / Черный в черном*. В этом контексте *белый* получает еще и мистическое семантическое наполнение: белая Смерть становится диалектической парой *белому* как символу жизни: *Трое кравчих. Первый – белый, имя – Смерть* (134).

Другой классический пример символизации цвета – живописующее воспроизведение импрессионистской музыки Дебюсси средствами цветомузыкальной синэстезии, звукового и лексического повторов: *Чье сердце засияло/ На синем, синем Si? / Задумчиво внимает /Небывший Дебюсси* (240) [12].

4. ПОВТОР В МАКРОКОНТЕКСТЕ ВСЕЙ ЛИРИКИ. В колоративных парадигмах всего лирического творчества Кузмина регулярно эстетизируются важнейшие для поэта портретные и пейзажные детали, проходящие через его лирику. Это прежде всего глаза (*лазоревые очи, карий блеск очей топазовых, зеленый взгляд, сизый взор, фиалки вешних глаз, заплаканные фиалки, коричневые солнца* и пр., которые могут *темнеть коричневым наливом, рдеть пламенем, темнить фиалкой, лиловеть, слепить лиловым блеском* и пр.), румянец (*румянец алый, роза щек, персик щек, роза любви, розы росные, розан, яхонт розы* и др.), утренняя или вечерняя заря: *Заря шафранно-полуденная* (98); *Томится малиной Напрасно закат* (245); *И золоченый, бледный небосклон Зари вуали розой закрывают* (166); *За мысом зеленый закат потух* (251) и мн. др. Кроме того, в лирике Кузмина вырисовываются сквозные метафорические образы-символы цвета (*роза, фиалка, павлин, янтарь, топаз*), создающие особое эмоциональное напряжение и вместе с тем повышенную суггестивность ли-

рического языка. Тем самым цветовое образное поле демонстрирует некое пунктиром проходящее «образное множество» – своеобразный аналог украшенной мелизмами вариации наиболее важной эстетической темы в лирике поэта-композитора.

Все это подтверждает и конкретизирует замеченное исследователями сближение кузминского стиля с символизмом, в программе которого одним из главных лозунгов была музыкальность языка поэзии. Об этой черте символизма известный теоретик литературы и эстетики Поль Валери сказал даже так: «То, что нарекли *символизмом*, попросту сводится к … стремлению «забрать у Музыки свое добро» [13].

Итак, регулярная эвфония цветообраза, повтор и вариативное усложнение спектральной семантики, вариативный повтор этих стилистических единиц в макроконтексте цикла, излюбленные варьирующиеся метафоры цвета как лейтобразы лирики – все это вместе с десемантизацией цветовых значений, использованием их эмоционально-оценочной семантики и частым отрывом от архетипов (традиционных носителей цвета) демонстрируют сближение лирического стиля Кузмина с иррациональным музыкальным искусством.

Оставляя за пределами статьи сближающие аналоги двух стихий на ритмико-синтаксическом материале, остановимся на общей *тональности лирики* Кузмина, хорошо отраженной в радуге его цветоощущения.

Ядро авторской цветовой палитры составляют лексико-семантические поля красного и золотого/желтого цветов с явной доминантой красного цвета; цветовые поля синего, белого, зеленого и серого представлены менее заметно, на периферии живописной палитры Кузмина функционируют цветовые поля черного, фиолетового, коричневого [14].

В цвете Кузмин, прежде всего, искал эмоцию, созвучную его радужному бытию, сотворенному собственной фантазией. Преобладание красных и золотисто-желтых оттенков прежде всего объясняется его принципиальным «эмоционализмом», а значит, и несовпадением поэтической цветописи с подлинными красками окружающей действительности. Колоративы этих спектров основываются у поэта на традиционной русской символике, где красный цвет (а это эстетически самый значимый, этимологически цвет «красы») – знак огня, страсти, страдания, а также народный символ здоровья и красоты. Что касается золотого/желтого, то этот солнечный цвет также обладает эстетической самоценностью, а в христианской символике – еще и сакральностью. Продуцирующая роль этих цветов особенно ярко проявилась в ключевой для кузминского творчества теме запретной любви.

Образно-символическая система цветообозначений и структура цветового макрополя Михаила Кузмина хорошо передает его гедонистическое ощущение бытия, мажорно-радужное приятие данности. Отсюда и экзотические миры из области субъективно желанного, повышенное внимание к веселым краскам, – нежным, чистым, ярким тонам, которые автор легко привносил в свою созидаемую модель мира, расцвечивая даже сакрально-религиозные эмоции: *Души молочной голубь; Лесенка золотая. Мальчик янтарный, льдина голубая, Святой Дух розовый.* Отторжение черного спектра знаменует отказ поэта-лирика от цветовой дисгармонии как средоточия хаоса, противного его гедонистическому сознанию (*черное радение, душа черна и страшлива*).

В ранней лирике Кузмина особенно волновала творческая задача воспроизведения радостной вещности и многокрасочности объективной реальности (классический пример – синэстетический троп *вишен спелых сладостный агат*), хотя уже тогда его художественный мир был намеренно замкнут и ограничен, будь то стихия быта, религиозная сфера или царство языческой античности.

В более поздней лирике его краски самодовлеющи, они легко отрываются от объективных денотатов, притом далеко не всегда благодаря метонимическим переносам с носителя цветового признака на отвлеченное понятие (редкое поэтическое явление, которое постепенно накапливалось в русской поэзии: *зеленая семья* – Пушкин, *румяное появление Авроры* – Баратынский, *зеленый шум* – Некрасов). Немотивированный ближним контекстом отрыв колоратива от своего архетипа (*лазоревые плечи, зеленые небеса, синий пурпур, зеленая заря, румяный холод, лиловая звезда, розово-огненный ветер, золотая кровь* и т. д.) был важен Кузмину как суггестивное средство самовыражения, передачи субъективно гедонистических ощущений и своего внутреннего «я», – такие цветовые фразеологизмы, вместе с цветовым восприятием отвлеченных понятий (*фиалковый сон, багряная воля, розовый час, золотые победы, голубоватое рожденье, зеленая лень, золотые мысли*), составляли метафорическую загадку. Ее отгадка читательским восприятием была зачастую амбивалентной и вытекала из целого – всего стихотворения, цикла или даже всей лирики (см., например, вышеприведенное «теософичное» стихотворение «Лесенка» 1922 года с «*розовым Святым духом*», несущим наслаждение). Нередко цветообозначения, десемантизируясь, превращались в символические знаки праздника жизни, мотивированные более всего сиюминутным эмоциональным ощущением (см. *зардевшие чудеса* в стихотворении «Звезда Афродиты»; *Брызни дождем веселым, Брат золотой Апреля! Заново пой свирель!* – начало стихотворения без названия, 271).

В целом, цветовые решения М. Кузмина, развивавшиеся от акмеистической чувственности реалистического характера к эмоциональным и экстатическим символам, в том числе и в дерзкой футуристической манере (типа: *сине сползло на щеки, синеет Пречистый рот*

– 369*), воспроизводили особую поэтическую модальность его условного мира красоты. Однако при всех вариативных модуляциях лирического голоса Кузмина неизменной оставалась ОБЩАЯ МАЖОРНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ его поэзии.

В заключение подчеркнем, что в рассуждениях исследователей о том, какие литературные тенденции были наиболее выражены в лирике Кузмина в поздний период его творчества (символистские, футуристические или «неорококо»), должен обязательно приниматься во внимание и формально выраженный, а потому неоспоримый, но еще мало изученный *«структурно-музыкальный» тип* изобразительного мастерства, присущий поэту-композитору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом см.: Марков В. О Михаиле Кузмине // Марков В. О свободе в поэзии: статьи, эссе, разное. СПб., 1994. 367 с.; Лавров А., Тименчик Р. «Милые старые миры и грядущий век»: Штрихи к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Избр. произведения.. Л., 1990. С. 3–16; Кузмин М. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб.: Акад. проект, 2000. 831 с.; Корниенко С. Ю. В «Сетях» Михаила Кузмина: семиотические, культурологические и гендерные аспекты. Новосибирск, 2000. 148 с.; Морев Г. Казус Михаила Кузмина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mitin.com/people/morev/kazus.shtml; Пурин А. Двойная тень: Возвращение Кузмина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vavilon.ru/texts/purin3-4.html; Пурин А. О прекрасной ясности герметизма: Кузмин – стилизатор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vavilon.ru/texts/purin3-14.html и др.
2. Ермилова Е. В. О Михаиле Кузмине // Михаил Кузмин: Стихи и проза / Сост., вступ. статья и примеч. Е. В. Ермиловой. М.: Современник, 1980. С. 12.
3. Кузмин М. А. Декларация эмоционализма // Абраксас. Пг, 1923. Февр. [№ 3]. С. 3.
4. Васюточкин Г. С. Ритмика «Александрийских песен» М. Кузмина // Лингвистические проблемы функционального регулирования речевой деятельности. Л., 1976. Вып. III. С. 158–167; Овчаренко О. Русский свободный стих. М., 1984. С. 80–82.
5. Праут Э. Музыкальная форма: Пер. с англ. М.: изд. П. Юргенсона, 1917. С. 160–161.
6. Там же. С. 166.
7. А. Н. Егунов, по данным комментария А. Лаврова и Р. Тименчика, высказал предположение, что структура цикла «Форель разбивает лед» подсказана и смоделирована по образцу квинтета Ф. Шуберта «Форель». См.: Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. С. 547.
8. Савельева Л. В., Шкиль С. В. Цветообозначение как лингвопоэтическая категория (на материале колоратива “зеленый” в поэзии И. Бунина и М. Кузмина // Русская историческая филология. Проблемы и перспективы: Памяти Н. А. Мещерского. Петрозаводск, 2001. С. 169–178; Они же. Категория колоратива и лингвопоэтическая норма (на материале лирики И. Бунина и М. Кузмина) // Стил: International Journal. Београд-Бањалука, 2003. Вып. 2. С. 215–227.
9. Здесь и далее без звездочки цитируется изд.: Кузмин М. Избр. произв. Л.: Худ. лит-ра, 1990. 573 с.
10. Здесь и далее под звездочкой цит. изд.: Кузмин М. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб.: Академический проект, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/
11. Бабаева Е. Э. Капризными путями (Опыт прочтения поэмы М. Кузмина «Форель разбивает лед») // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 131.
12. Подробнее об этом см.: Шкиль С. В. «Синий пурпур кружит вниз»: Поэтика синего цвета в лирике И. Бунина и М. Кузмина // Русская речь. 2004, № 3. С. 17–22.
13. Валери П. Об искусстве. М., 1976. С. 366.
14. Шкиль С. В. Колоратив как стилистическая категория в идиостилях И. Бунина и М. Кузмина: автрореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. С. 20.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ФИЛОЛОГИЯ 2008

УДК 801

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ,
доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка филологического факультета ПетрГУ
kafrus@psu.karelia.ru

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ)

В статье анализируются кризисные явления в современных гуманитарных науках на общем историческом фоне их становления и развития, а также в связи с процессами глобализации и состоянием общественных интересов, положением образования и науки в обществе и государстве.

Ключевые слова: гуманитарные науки, развитие, гуманитарная культура, глобализация, кризис, научные традиции, языкознание

Историческая инерция, которая по-своему закономерно продуцировала становление и развитие гуманитарных наук в Европе, была, как известно, долгой, противоречивой, но поразительно богатой по конечным своим результатам. При этом некоторые отрасли гуманитарного знания уже в период их возникновения стояли на твердой основе достаточно строгой логики и доказательных процедур, адекватных природе обсуждаемых феноменов и проблем, тем самым уже у истоков обретая статус интеллектуально-эстетических достижений человечества. Таковы, например, поэтика и диалектика в Древней Греции, начала грамматических теорий в период эллинизма, последовательно выстроенный словообразовательно-грамматический анализ по принципу *samskara*, разработанный в древнеиндийской лингвистической традиции, и др.

Если иметь в виду общие, принципиальные контуры развития гуманитарных наук в их филологической части на протяжении всей истории с древнейших времен до середины последней четверти XX столетия, то в качестве наиболее заметных и постоянных констант в их направленном движении можно отметить, в частности, следующие моменты:

1) неизменно глубокий интерес к этническим языкам, культурам в их образцовых реализациях, в том числе и в образцах народной словесности;

2) неотделимая от этого интереса гуманистическая, возвышающе-воспитательная направленность, нацеленная на совершенствование человека и общества, на выработку и поддержание определенных культурных традиций, этико-поведенческих норм, общественных вкусов;

3) познавательная устремленность прогнозируемых научных результатов, нацеленных на формулирование соответствующих закономерностей, призванных воспроизводить характер и направления развития исследуемых народов, их языков, культур, их представлений об окружающем мире и т. д.;

4) поиски конвергирующих начал в языках и культурах разных народов; исследование их происхождения и функционирования в историческом взаимодействии с другими языками и культурами;

5) разработка и внедрение в исследовательскую практику новых эффективных методов

© Тарланов З. К., 2008

и методик анализа материала, подлежащего научному изучению;

6) критико-аналитический подход к тому, что было сделано в предшествующей научной традиции, в интересах систематизации наработанных знаний и опыта, а также для обеспечения преемственности в процессе познавательной деятельности;

7) обязательное и основательное знакомство с существующей научной литературой и вытекающая отсюда научная корректность;

8) органическая включенность важнейших результатов научных исследований в национальную культуру, в содержание школьного и университетского образования; активное участие академических ученых в чтении университетских лекций, в создании школьных и университетских учебных программ, учебников (достаточно в этом плане сослаться, например, на академиков Ф. И. Буслаева, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, Л. В. Щербу, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Д. С. Лихачева и многих других, представляющих русскую научную традицию).

Перечень приведенного типа моментов можно было бы продолжить [1].

В общеевропейской традиции апогея в своем поступательном развитии гуманитарные науки в их филологической, а также этнокультурной разновидностях достигли к последней четверти XIX и к началу – середине первой четверти XX веков.

Именно на этот период приходится, в частности, формирование разветвленной сети отраслей филологического и этнокультурологического профилей с отчетливо обозначенными сферами их компетенций, специальными эвристическими методами, упорядоченной структурой знания.

В основном в это же самое время языкознание с его многоуровневой организацией по многим параметрам отходит от смежных и собственно филологических дисциплин, преимущественно сосредоточиваясь на проблемах, квалифицируемых как внутрилингвистические. Это было одним из направлений в закономерной филиации гуманитарных наук в соответствии с полученными ими внушительными результатами.

На тот же период падает и основная часть влиятельнейших и в высшей степени оригинальных научных школ, благодаря достижениям которых филологическая и этноисторическая культура становится важнейшей составляющей мировой гуманитарной культуры в целом.

Успехи гуманитарных наук едва ли были бы столь впечатляющими, если бы эти науки в согласии с их природой не шли вровень с бурным развитием национальных литератур, культур, образования, социально-экономических отношений, охватившим все европейские страны с самого начала нового времени.

Подтверждением всему сказанному в его национально-культурном воплощении служит русская классическая филология, представленная поразительным многоголосьем научных идей, подходов, направлений и школ, – классика, опора на которую традиционно гарантировала высокое качество филологической науки и филологического фундаментального образования в России.

Однако своеобразие русской классической филологии состоит не только в этом параллельно-органичном многоголосье научных видений и парадигм.

В отличие от соотносительных европейских парадигм научных представлений, которые, как правило, реализовывались в пошаговом режиме, последовательно, в России аналогичные парадигмы при всей их открытости и европейским влияниям развертывались синхронно, горизонтально, и это придавало им характер комплексности, смысл которой в конечном счете сводился к антропоцентризму, к повернутости их в сторону раскрытия и культивирования гуманистических начал в человеке и в человеческих творениях в соответствии с национальными представлениями о добре и зле.

Русской классической филологии абсолютно чужда узость как в подборе материала для исследования, так и в выборе аспектов его анализа и осмысления.

Она всегда тяготела к универсализму.

Что имеется в виду? Приведу несколько примеров.

Так, если иметь в виду начальный период русской филологической классики, то здесь, безусловно, выдающимися фигурами являются Н. И. Греч и Ф. И. Буслаев, которые считаются представителями русской версии логического направления в языкознании, аналогично К. Беккеру в европейской традиции.

Однако ни у Н. И. Греча, ни у Ф. И. Буслаева, как известно, научные интересы не замыкались в логико-грамматическом направлении в языкознании. Они простирались и на историю литературы, и на литературную критику, и на многое другое. Ф. И. Буслаев, к слову, являлся к тому же общепризнанным историком и теоретиком древнерусского искусства, исследователем народной мифологии, народного словесного творчества в широком смысле, крупнейшим и авторитетнейшим методистом. Следовательно, Буслаев-мифолог и исследователь искусства не мог не оказывать влияния на Буслаева-грамматиста, благодаря чему буслаевские толкования грамматических явлений не только лишены ожидаемых условностей логического формализма, но представляют собой необходимые комментарии, подходы к поискам тех глубинных качеств народного мировоззрения, которые в конечном счете и отражаются в языке. И наоборот: Буслаев-грамматист не мог не оказывать влияния на Буслаева-мифолога или теоретика искусства. В принципе такое же разнообразие научных интересов характеризует ученую деятельность и Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, М. И. Стеблина-Каменского, Б. А. Ларина – сло-

вом, всех, кто причастен к русской филологической классике XIX–XX веков.

Или еще. Последняя четверть XIX века в европейской лингвистической традиции – это период почти абсолютного господства младограмматической парадигмы научных представлений – парадигмы продуктивной, результативной, богато оснащенной надежными эвристическими методами и т. д., но единственно господствующей.

В тот же самый период в русском языкознании своего рода классический младограмматизм в лице, например, того же Ф. Ф. Фортунатова [2] органично уживается, с одной стороны, с Казанским направлением с его несравненно более широким взглядом на язык как предмет языкознания, на правомерность множественности аспектов его изучения, а с другой – с основанной Фортунатовым же Московской формальной школой с ее подчеркнутым интересом к внешнеграмматической организации языка, трактуемого в качестве социального феномена, жизнь которого неотделима от жизни обслуживаемого им социума.

На тот же период приходится и многогранная научная деятельность А. А. Потебни, лингвистические взгляды которого не укладываются ни в одно из упомянутых направлений, но прокладывают оригинальные пути разработки теории внутренней формы слова, исторического синтаксиса и теории поэтической речи. Параллельно же разворачиваются самобытные исследования И. И. Срезневского в области исторической лексикографии и истории славянских языков. И т. д.

Таковы в целом традиции русской филологической, шире – гуманитарной классики, которая складывалась и развивалась комплексно и разнонаправленно [3].

Смысл приведенных сопоставлений состоит не в подчеркивании предпочтительности той или иной территориально-культурной или национальной научной традиции перед другой, а в том, чтобы обратить внимание на известную связь между этой традицией и соответствующей общественно-исторической, культурно-исторической, этно-исторической, культурно-языковой и т. д. ситуацией, в условиях которой она складывалась и существовала.

Русская филологическая классика уже в своих истоках впитала в себя глубокую приверженность изучению процессов взаимодействия культур и языков в силу органичности для России двух отправных культурно-исторических начал, связанных с собственно восточнославянской и церковнославянской речевыми и культурными стихиями, а также многовековым полиэтнизмом ее населения, характеризовавшегося языковым разнообразием. Наука о многообразных культурах, объединенных в рамках единого государства, не могла не быть многообразной.

Это значит также, что подлинная филологическая наука сама – это существенная часть той самой культуры, которую она изучает и тем самым систематизирует, объясняет, пропагандирует и оберегает.

Однако начавшиеся в конце XX века на базе английского языка процессы глобализации ставят под сомнение саму перспективу сохранения гуманитарной классики в ее национально-культурных вариантах в качестве опор высоких стандартов науки и образования в соответствии с исторически выверенными национально-образовательными представлениями.

Ситуация с этой классикой в современной России усугубляется еще и тем, что процессы глобализации в отечественной истории совпали с не менее разрушительными другими процессами, связанными с утратой огромного нашего государства в многовековых его исторических границах, полной сменой укоренившихся и проверенных научных парадигм, с плохо управляемой и непродуманной реформой среднего и высшего образования, с коренной переориентацией привычных, ставших общественным достоянием, социальных, культурно-исторических, моральных предпочтений, в том числе и тех, которые в течение длительного времени воспитывались также с использованием мощного потенциала всемирно признанной русской классической литературы, являвшейся одним из основных предметов школьного образования в СССР.

Неприязненное по политическим мотивам отношение некоторых слоев общества к какой-то части прошлого по принципу безудержной, но управляемой иррадиации оказалось распространенным на все прошлое в его целости и совокупности. В конце концов прошлое, историю страны, государства во многом просто отвергли. Этой участи в той или иной мере не избежали даже наука и литература.

Нынешняя реальность такова, что русская классическая литература – традиционно главный предмет филологического анализа и изучения – по большому счету отодвинута в сторону за редкими исключениями выборочно выхватываемых авторов, так или иначе вписывающихся в конъюнктуру.

Даже в этой препарированной части литературной классики наиболее привлекательными, достойными исследовательского внимания преподносятся поиски религиозных тем и мотивов.

Богоискательство в литературе стало модой. Складывается впечатление, что вчерашние атеисты превратились в воинствующих богословов. Зачастую кажется даже, что место известной статьи “Партийная организация и партийная литература” вовсе не пустует, а негласно замещена виртуальной догмой “Церковная организация и церковная литература”.

Это не может не вредить и литературе, и религии.

Никакая подлинная литература не умещается в религиозные рамки, ибо она наднациональна и надрелигиозна.

Она объединяет людей, разделенных по самым разным признакам, в том числе и по религиозным. Разделяющей функции религии противостоит объединяющая функция литературы. Даже собственно религиозные образы и фразеология, став частью художественного произведения, трансформируются в эстетические ценности, что доказано опытом словесно-художественной культуры человечества.

Для характеристики степени влиятельности, идеологической авторитетности современных гуманитарных наук вполне показательным является, например, тот факт, что самое эксплуатируемое в них, но при этом семантически не определяемое слово «духовность», которое, судя по всему, призвано выражать нечто образцово-высокое, достойное во внутреннем, нравственном состоянии человека и общества, в действительности содержательно погруженным оказывается исключительно в сферу церковно-религиозной аксиологии [4]. Позиция собственно гуманитарных наук как-то не просматривается.

Гуманитарные науки в России, и не только в России, переживают, может быть, один из самых тяжелых кризисов в своей истории. Ими либо потеряны, либо почти потеряны фундаментальные доминанты, исходно составлявшие их сущность, неотъемлемые от них этнокультурные, социально значимые ценностные ориентиры, вне которых они лишаются общественно признаваемого смысла существования. Чрезвычайно размытыми предстают общеметодологические подходы, которыми они руководствуются.

Насущнейший вопрос для современных гуманитарных наук – это вопрос о том, что является предметом их изучения и какие цели они преследуют. Это коренной вопрос для всякой науки. Но ответ даже на этот коренной вопрос, к сожалению, как-то отчетливо не прослеживается.

Гуманитарные науки все глубже погружаются в процессы, ведущие к дегуманизации их содержания, неуклонно удаляются и самоустраняются от задач, связанных с необходимостью постижения, защиты культур и культурных ценностей человечества, естественно-исторически существующих только в их этнических и зонально-территориальных воплощениях.

Одна из причин такого положения кроется скорее всего в слишком сильной финансово-материальной зависимости науки от господствующих руководяще-общественных настроений, в соответствии с которыми научно защищаемые глубинные ценностные ориентации общества предстают перевернутыми, а наука в силу упомянутой ее зависимости может лишь констатировать то, что подлежит констатированию.

Поэтому неудивительно, что социумы как определенные системы отношений, в виде которых существовало и существует человечество, по конъюнктурно-политическим соображениям оказались подмененными отдельными персонами, индивидами с их правами, которые на деле выводятся за рамки общества.

“Права личности” оказались тем самым важнее и выше прав социумов, обществ, этносов.

При этом упорно не принимается во внимание то, где и как, в каких социальных условиях, структурах эта личность формировалась, на какие права она может претендовать в согласии с ее социально-культурной детерминированностью, в какой мере и насколько она прогнозируемо способна быть лояльной, толерантной по отношению к другим культурам и людям других культур и т. д.

При подобных подходах проблемы культур как ценнейших и важнейших творений народов, как и сами эти культуры, обречены на небытие. История культуры и культур подменяется некой культурологией, которая едва ли имеет свои предмет и методы изучения.

По той же логике, логике “прав личности”, модным стало описывать, изучать не языки и не категории языков в их этнической, историко-функциональной, социально-территориальной, художественно-эстетической, коммуникативно-прагматической и т. д. данности, а отдельно взятую “языковую личность”, которая вопреки здравому смыслу рассматривается в качестве имманентного социально-языкового феномена.

Речь, разумеется, идет не о том, что подобные штудии вообще бесполезны, лишены смысла, а о том, что они в научном плане малоинформативны, не ведут к формулированию закономерностей, что и составляет главную задачу любой науки, и поэтому не могут быть преобладающими.

Изучение “языковой личности” – это задача не языкознания, даже не социолингвистики. Это задача индивидуальной психологии, ищущей ответа на вопрос о степени общего развития, степени культурной, в том числе и языковой, компетентности соответствующей личности, сформировавшейся либо формирующейся в определенных жизненных условиях.

Как нельзя судить о достоинствах национальной литературы, о происходящих в ней процессах по степени начитанности/неначитанности в ней того или иного отдельно взятого читателя, так тем более нельзя судить о таком сложнейшем явлении, как язык, по речевым проявлениям какого-то человека, который этим языком пользуется в соответствии с обстоятельствами его индивидуальной жизни.

Путь к познанию языка в направлении от среднестатистической “языковой личности” примитивизирует и язык, и языкознание как науку. Это в принципе то же самое, что изучать семантику языка, отталкиваясь от так называемых “семантических примитивов”.

Из поля зрения современного языкознания как гуманитарной науки уходят целые пласты языковой действительности, в связи с чем просто блоками утрачиваются занимавшиеся ими высокоразвитые отрасли знания, благодаря которым языкознание в свое время стало действительно ответственной и авторитетной наукой.

Речь идет, в частности, о таких областях, как сравнительно-историческое языкознание, историческое языкознание, морфологический строй и морфологические категории языков, историческая и описательная семасиология, синтаксический строй языков (синтаксис как сложная языковая материя), историческая лексикология, словообразование в его развитии, эстетика слова на фоне истории культуры и истории художественно-эстетических парадигм и т. д.

Опираясь почти исключительно на содержательно-идеологические аспекты современных политических дискурсов и речевые материалы СМИ, языкознание, как и филология в целом, отходит от прежних своих строгих стандартов взыскательности и явственно дрейфует в направлении к жанру журналистских комментариев.

Непропорционально выдвинутыми в центр исследовательских интересов оказались лишь те аспекты языкознания, которые связаны с анализом субъективно трактуемых содержательных составляющих слова, – когнитивистика, концептология, философия, семантика и проч.

Соответственно в российских университетах удельный вес историко-теоретических дисциплин в структуре исследований и образования с каждым годом неуклонно падает, и это не может не влиять отрицательно не только на процесс подготовки филологической интеллигенции в стране, но и на качество филологической научной продукции как таковой, включая и профессиональный уровень преподавателей учебных заведений разных уровней.

С сожалением приходится констатировать, что вполне рядовыми стали научные работы, написанные вне какой бы то ни было научной традиции и проблематики, без обращения к существующей специальной литературе, в виде своеобразного монолога-рассуждения на произвольную тему, начиная как бы с нуля, и на случайном фактическом материале, границы, объемы, хронология и жанровая принадлежность которого, как правило, не оговариваются.

Предполагаемый и по логике вещей ожидаемый в соответствии с заявленной темой научный анализ оказывается подмененным импрессионистическими выкладками и заявлениями. Для подчеркивания важности, значимости такого рода свободного “дискурса” прибегают к эпатажу, к отрицанию очевидного, общепринятого. Считается, например, вполне допустимым по научной этике обсуждать *проблемы культуры речи* с теми, кто заявляет, что не знает, что такое литературный язык. Если участники обсуждения не знают, что такое литературный язык, то у них нет и оснований говорить о культуре речи, оцениваемой, как известно, с точки зрения литературного языка, который сам по себе и есть эта культура. Таких примеров в современной науке, к сожалению, много.

Современные гуманитарные науки все более склоняются к произвольному упрощению объектов их изучения, тем самым неоправданно отступая и от достигнутого усилиями предшествующих поколений ученых, и от того, что стало общественно принятым их достоянием.

Критерием оценки при этом все чаще выступает личное субъективное восприятие исследователя. Результаты подобных толкований, естественно, сильно расходятся, порой – до полярности.

Одни из исследователей тяготеют к изолированию того, чем они занимаются, всячески гипертрофируя его самобытность, неповторимость, исключительность, к тому же часто трактуемые в их этно-культурной локализованности. Так обстоит дело, например, с выявлением и описанием концептов этнокультуры и этнофилософии.

Другие, наоборот, говорят о сходстве семантической базы языков, полагаясь на их показания на уровне так называемых семантических “примитивов”.

Бесконечное дробление гуманитарных наук, дающая о себе знать тенденция к переименованию вместо скрупулезного изучения соответствующих явлений, все набирающее обороты мелкотемье, очевидная регионализация науки, вызванная разрывом контактов и общения между географически разделенными научными коллективами, дефицит исследований, в которых подвергались бы объективно критическому анализу и систематизации синхронизированные достижения разных отраслей гуманитарного знания по определенным хронологическим срезам, – все это безусловно отрицательно сказываются на состоянии и перспективах развития гуманитарных наук и гуманитарной культуры в целом.

Необходимо иметь в виду еще вот какое обстоятельство. Реформа образования, которая проводится без должного внимания к тому, какова должна быть доля фундаментальных, основополагающих составляющих в системе знаний бакалавров и магистров в гуманитарных областях, степень их вписанности в национально-культурные традиции, способна обернуться невосполнимыми потерями не только в стратегии подготовки граждански зрелых полноценных профессионалов, но и в сохранении отечественной научно-образовательной базы как веками наработанного национального достояния.

Все эти и другие важные для гуманитарных наук проблемы должны быть в центре современных открытых теоретических обсуждений и дискуссий.

Регулярные печатные издания не вправе не ставить их, ибо это и есть одна из непосредственных их обязанностей, призванных содействовать повышению качества и эффективности как научных исследований, так и образовательной системы в стране в целом.

Если какие-то суждения, высказанные в этих заметках, будут восприняты как достойные публичного обсуждения, то тем самым заметки достигнут одной из важнейших своих целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробно о традициях русской филологической науки см.: Тарланов З. К. О филологических традициях Ленинградского (Петербургского) университета // Вестник Северо-Западного отделения Российской Академии образования. Вып. 4. Университет: единство науки, образования и культуры. СПб., 1999. С. 109–121; Он же. Традиции и перспективы русской исторической филологии на рубеже XXI века // Русская историческая филология: проблемы и перспективы. Доклады Всероссийской научной конференции памяти Н. А. Мещерского / Отв. ред. Л. В. Савельева. Петрозаводск, 2001. С. 8–22.
2. См.: Тарланов З. К. Научный метод, историко-сравнительный и сравнительно-типологический аспекты теории формы слова Ф. Ф. Фортунатова (к 90-летию со дня смерти) // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): Сборник докладов Международной научно-практической конференции (13–16 сентября 2004 г.) / Отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск, 2004. С. 5–15.
3. Подробнее см.: Тарланов З. К. О филологических традициях Ленинградского (Петербургского) университета. С. 109–121; Он же. Традиции и перспективы русской исторической филологии на рубеже XXI века. С. 8–22.
4. См., напр., словарные статьи “духовный”: Словарь русского языка. В 4 т. Т. I / Гл. ред. второго изд. А. П. Евгеньева. М.: “Русский язык”, 1981. С. 455; Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). Составил священник магистр Григорий Дьяченко. М.: Изд. отд. Московского патриархата, 1993. С. 157.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ФИЛОЛОГИЯ 2008

УДК 801

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета ПетрГУ
kafrus@psu.karelia.ru

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

В статье анализируются различные подходы к описанию синтаксических связей, отличающихся по своему характеру от бинарной оппозиции «сочинение – подчинение» и выявляемых на уровне т. н. «осложненного предложения» (с обособленными оборотами, пояснительными и присоединительными конструкциями, парантезой, обращением, сегментацией).

Ключевые слова: синтаксическая связь, сочинение, подчинение, обособление, парантеза, обращение

В рамках отечественной языковедческой традиции, представленной в научных и учебных грамматиках русского языка XVIII – начала XX века, сложилась классификация, предполагающая выделение двух важнейших и, как долгое время казалось, универсальных видов синтаксических связей – сочинения и подчинения (в трех его разновидностях – согласование, управление и примыкание) [1], которые составляют бинарную оппозицию с точки зрения типа выражаемых ими грамматических значений и средств их языкового оформления. Особая заслуга в разработке теории сочинения и подчинения принадлежит видному представителю формально-грамматической школы – А. М. Пешковскому [2].

В освященную более чем двухвековой традицией типологию синтаксических отношений вполне укладывается, с большими или меньшими допущениями и оговорками [3], все разнообразие межкомпонентных (между членами предложения и разными предикативными единицами выявляющихся) связей. Эта же универсальная классификация используется в трудах по исторической грамматике, описывающих магистральное направление в развитии синтаксической системы русского языка в направлении от начала письменного периода к современности – тенденцию к углублению гипотаксического строя [4].

Между тем еще одно важнейшее направление эволюции русской грамматической системы – рост элементов аналитизма – привело к возникновению, количественному и качественному росту конструкций, формирующих иной, по отношению к линейной цепочке главных и второстепенных членов дополнительный, уровень синтаксических отношений в рамках т. н. «осложнения» формальной, коммуникативной и семантической структур предложения. Участвующие в осложнении элементарной предикативной единицы синтагмы характеризуются особыми, не включаемыми в традиционные схемы, видами синтаксических связей.

Однако все неоднократно предпринимавшиеся исследователями второй половины XX века попытки выявить и описать подобные отклоняющиеся от устоявшейся классификации типы грамматических связей вызывали оживленные споры на страницах научной печати, в результате которых лингвистам так и не уда-

© Патроева Н. В., 2008

лось прийти к «единому знаменателю» в отношении как терминологии, предлагавшейся для наименования ставших предметом дискуссии связей, так и их характера и средств выражения.

Например, предложенный В. В. Виноградовым для описания обособленных оборотов термин «полупредикативность» [5] неоднократно вызывал нарекания со стороны приверженцев общепринятой классификации грамматических отношений, несмотря на то что на виноградовскую трактовку «полупредикативности» оказали заметное влияние идеи, высказывавшиеся классиками отечественного языкознания (теория «аппозиции» А. А. Потебни [6], а также ее развитие в трудах Д. Н. Овсянико-Куликовского [7] и А. А. Шахматова [8], выделявших «предицирующие», или «предикативно-атрибутивные», члены предложения). Так, высказывались суждения, что «полупредикативность» – теоретическая фикция, поскольку «в грамматическом плане не существует никакой «вторичной» или «второстепенной» сказуемости» [9], что «полупредикативность в прямом смысле слова невозможна ни в мысли, ни в языке» [10], что обособление – только средство оформления синтаксической связи, заключающееся в использовании интонационных средств, а не такая новая разновидность грамматической связи, которая не являлась бы подобной по своему языковому воплощению подчинительной цепочке [11]. Сторонники же виноградовской концепции полупредикативных отношений [12], связанных с появлением у обособленной синтаксемы таксисных, зависимых от основной предикации категорий модальности, времени и лица, предложив целый ряд терминов-синонимов («свернутая», «вторичная», «имплицитная» предикативность»), не пришли к единству по вопросу о границах и самой синтаксической сущности данного феномена, так что «полупредикативность» до сих пор остается загадкой, «камнем преткновения» грамматической теории.

Получает разноречивое истолкование и вопрос о грамматической сущности пояснительной связи. Пояснение рассматривается:

- как разновидность сочинительной связи (традиционно, при описании однородных рядов или сложносочиненных предложений);
- как подвид подчинения [13];
- как тип связи, занимающий промежуточное положение на шкале переходности между сочинением и подчинением [14];
- как особый вид связи предложенческого уровня [15] (при этом иногда пояснение «переименовывают» в «аппликацию» [16] или «подключение» [17]).

Наконец, некоторые исследователи усматривают в пояснении «не особый тип связи, который может быть противопоставлен подчинению и сочинению», а только «особое синтаксическое значение» [18].

С середины прошлого столетия появляются описания еще одного не фигурирующего в традиционной типологии вида связи – присоединения. На материале простого и сложного предложений, на текстовом уровне (в т. ч. при анализе явления парцелляции) лингвисты пытаются выявить отличия присоединительной связи от сочинительной и подчинительной [19], описывая специфические ее показатели (союзы, частицы, вводные элементы), особый ритмомелодический рисунок, порядок расположения и семантическое своеобразие присоединения.

Другие синтаксисты (например, Ю. Ванников) отрицают особый статус присоединительной связи на том основании, что не существует специальных ее показателей, которые бы отграничивали присоединение от сочинения или подчинения. С этой точки зрения, присоединение – это не тип связи, а грамматическое отношение (значение) [20].

Традиционный взгляд на такие типы синтагм, как вводные и вставные конструкции, обращения, согласно которому эти осложнители элементарной модели относят к элементам, грамматически не связанным с предложением, все чаще подвергается сомнению в работах последних десятилетий. При этом исследователи указывают, что связь обращений и парантез с содержащим их предложением не укладывается в жесткие рамки привычных классификаций, а носит функционально-семантический характер. Подобная связь получает различные именования: «соотношение» [21], «включение» [22], «интродуктивная» [23], «ординативная» [24]. Высказывалось также мнение, что обращения и вводные слова являются особыми членами предложения [25], поскольку связаны с основным его составом.

Представленные в научной литературе различные толкования синтаксических связей, не укладывающихся в «прокрустово ложе» традиционной типологии, не только нуждаются в некотором обобщении, но и, на наш взгляд, поддаются систематизации, которая позволила бы выявить целый ряд особенностей, отличающих эти связи от сочинения и подчинения.

Возникновение отклоняющихся от бинарной оппозиции связей обусловлено, с одной стороны, объективными, с другой – субъективными факторами. Объективной причиной формирования подобных связей явился углублявшийся в направлении от XVIII века к современности процесс роста элементов аналитизма в грамматическом строе русского литературного языка, что сделало возможным появление конструкций, демонстрирующих явление синтаксической неподчинимости, автономности и нарушение, разрыв синтагматической цепочки словоформ – членов предложения. Обращение еще в древнерусский период утратило форму косвенного (звательного) падежа, сменив ее на позиционно независимую, прямую – но-

минативную. Вводные синтагмы сформировались на основе потерявших подчиняющую силу главных частей сложных предложений с придаточным изъяснительным или лишившихся сказуемостного подчинения модальных по значению обстоятельств. В истории демонстрирующих формально выраженную зависимость от определяемого слова обособленных оборотов был достаточно продолжительный этап (середина XVIII – XIX ст.) т. н. «абсолютного» их употребления, вероятно, прежде всего под влиянием аналитического французского синтаксиса (хотя данная трактовка истоков несогласованных с определяемым словом оборотов и не является единственно приемлемой, по мнению ряда исследователей). Вставка и «именительный темы» своим происхождением обязаны разговорному субстрату – перебивам спонтанного речевого потока.

К субъективным факторам формирования осложняющих элементарную модель явлений и связей относится интенция говорящего, его стремление актуализировать какой-либо отрезок текста, нарушить линейную предсказуемость компонентов высказывания, вывести восприятие адресата из автоматического режима ожидания привычных зависимостей, диалогизировать контекст с целью воздействия на собеседника, а также авторизовать его, высказав собственную оценку факта, и оптимизировать сам процесс коммуникации (например, введением добавочных пояснений, замечаний). Не случайно формирование многих типов актуализаторов тесно связано с жанрами художественной литературы [26] и ростом индивидуально-авторского начала. Так, известные еще древнерусскому синтаксису пояснение и присоединение существенно расширили сферу своего распространения (выйдя за рамки сложных конструкций в область простого предложения) и обогатились многообразными (не только союзными, но и бессоюзными) способами выражения именно как средства экспрессивного синтаксиса в новой литературе, начиная с эпохи Карамзина и Пушкина.

Еще одна причина появления грамматических явлений, демонстрирующих отклонение от обычной схемы предложения, – стремление к речевой экономии, созданию синтаксических «конденсаторов» смысла.

Отличающиеся от традиционной бинарной оппозиции связи формируются, в отличие от подчинения, только на уровне предложения, коммуникативно (рематически) и семантически (пропозитивно) осложненного. Подобные связи оказываются не одинарными, а двунаправленными или демонстрирующими смысловую соотнесенность со всем высказыванием в целом: *Усталые, мы решили остановиться на ночлег; Вопреки предсказаниям синоптиков, дождь прекратился и выглянуло солнце; Завтра, в семь часов, начнется концерт хора.*

Важнейшим средством выражения связей осложнителей предложения является интонация, специфический для каждой из актуализованных синтагм ритмомелодический рисунок. В качестве иных, косвенных, показателей связи выступают те формально-коммуникативные ограничения, которые накладываются осложнителем на содержащее его высказывание. Так, обращение регулярно используется в конструкциях со сказуемым в форме 2-го лица. «Именительный темы» (сегмент) также требует соответствующего морфологического облика главных членов и сужения парадигмы предложения до 3-го синтаксического лица индикатива или конъюнктива. Вводные конструкции разных семантических разрядов включаются в высказывания определенной целеустановки. В оформлении связанности парантез с основной частью высказывания важную роль играют таксисные отношения между сказуемым и глаголом, содержащимся во вставке. Пояснительные, присоединительные и сравнительные конструкции оформляются с помощью служебных слов, т. е. их связь – регулярно или нерегулярно – носит формально выраженный характер, как и связь обособленных полупредикативных оборотов.

Связи осложнителей, формируя второй уровень синтаксической иерархии, надстройку над первичной линейной цепочкой словоформ, тесно взаимодействуют с основной предикацией, поскольку выражают дополнительную предикативную характеристику, категории таксиса, модальности, персональности. Доказательством предикативной нагруженности служит возможность трансформации осложнителя в самостоятельную предикативную единицу (часть сложного предложения, нечленимое, вокативное предложения, элемент текста – в случае сегментации или парцелляции).

Отличающиеся от традиционной дихотомии связи сопровождают формально факультативные, не предусмотренные обязательным конструктивным минимумом, компоненты, но их важная функционально-семантическая роль в передаче информации от говорящего адресату предопределяет невозможность их элиминации из высказывания без разрушения коммуникативной стратегии.

Таким образом, традиционная классификация формально выраженных отношений и связей, позволяющая с успехом осуществить структурный анализ предложения, демонстрирует свою недостаточность при описании коммуникативно-семантически осложненной и иерархически многоплановой предикативной единицы, а также некоторых явлений на уровне текстовой системы. Кроме того, исключение отклоняющихся от бинарного деления связей из лингвистического дискурса препятствует выявлению всего спектра синтаксических процессов и явлений в истории грамматического строя языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термины "сочинение", "подчинение", "согласование" и "управление" использовались уже в грамматиках XVII–XIX вв., понятие же "примыкания" ввел в лингвистический обиход, по-видимому, Д. Н. Овсянико-Куликовский в своем "Синтаксисе русского языка" (1912 г.).
2. Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // Пешковский А. М. Избр. труды. М., 1959. С. 131–146.
3. Так, в работах грамматистов середины – второй половины XX в. описываются такие разновидности предикативной связи, как координация, соположение (академическая "Русская грамматика" 1980 г.), тяготение (Л. А. Булаховский), условное и смысловое согласование; Н. Ю. Шведова использует особый термин "свободное присоединение" для характеристики связи детерминантов с предложением в целом.
4. История синтаксического строя русского языка как общий процесс перехода от паратаксиса к гипотаксису впервые получила истолкование в труде А. А. Потебни "Из записок по русской грамматике" (Т. 1–2. Харьков, 1889). Среди работ современных историков синтаксиса, посвященных изучению системных закономерностей грамматического строя заслуживает особого внимания работа: Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в его отношении к этнопсихологии. Петрозаводск, 1999. 207 с.
5. Термин "полупредикативная единица" встречается впервые в книге В. В. Виноградова "Русский язык (Грамматическое учение о слове)" (1947 г.). См. также: Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В. В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 280.
   Понятие "полупредикативный член" использовал ранее А. М. Пешковский, но вкладывал в него совершенно иной смысл (Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 249).
6. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958. С. 109.
7. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912. С. 64.
8. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 291.
9. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955. С. 63.
10. Богданов П. Д. Обособленные члены предложения в современном русском языке. Орджоникидзе, 1977. С. 80.
11. Колшанский Г. В. Грамматическая функция обособления членов предложения // Филол. науки. 1962. № 1. С. 41.
12. См., напр.: Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 220 и след.
13. Шатух М. Г. Уточняющие члены предложения в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. Кн. 2. Львов, 1956. С. 31; Дмитриева Л. К. Семантика уточнения // Языковые значения. Л., 1976. С. 124.
14. При этом подчеркивается, что пояснение жестко не укладывается в границы ни подчинения, ни сочинения, но объединяет признаки того и другого (так, признаки сочинения – сугубо интерпозитивное положение союза, однофункциональность поясняющего и поясняемого, одинаковая, параллельная отнесенность к общему для них третьему компоненту; признаки подчинения – факультативность, вторичность поясняющего, строго фиксированный порядок следования его за поясняемым и закрытость конструкции). См. подробнее: Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. 176 с.
15. Маркелова Г. В. Развитие средств авторизации в синтаксической системе русскогоя языка: история пояснительных конструкций: семантический и функциональный аспекты. Тверь, 1994. С. 3–4.
16. Распопов И. П. К вопросу об обособлении // Русский язык в школе. 1967. № 4. С. 105.
17. Перетрухин В. Н. Расширение, распространение и осложнение в простом предложении // Филол. науки. 1979. № 4. С. 48.
18. Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке. М., 1980. С. 78.
19. Крючков С. Е. О присоединительных связях в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 397–411; Прияткина А. Ф. О взаимном отношении видов синтаксической связи // Учен. зап. ДВГУ. Т. 11. Владивосток, 1968. С. 41.
20. Ванников Ю. В. Существует ли присоединительная связь предложений? // Тр. Ун-та Дружбы народов. Т. 8. Вып. 2. М., 1965. С. 163–183.
21. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959. С. 22; Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. Л., 1976. С. 4.
22. Кротевич Е. В. О связях вводных слов в словосочетаниях и предложениях // Русский язык в школе. 1958. № 6. С. 25; Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин, 1982. С. 119.
23. Мухин А. И. Структура предложений и их модели. Л., 1968. С. 89.
24. Студнева А. И. О связи вводных предложений с основным составом высказывания // Учен. зап. Рязанского гос. пед. ин-та. Т. 51. Рязань, 1968. С. 307.
25. Кротевич Е. В. Члены предложения в современном русском языке. Львов, 1954. С. 22; Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945. С. 186 и след.; Руднев А. Г. Указ соч. С. 122–123, 179–180; Печников А. Н. К вопросу о смысловых и грамматических связях обращения в предложении // Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Вып. 40. Куйбышев, 1963. С. 92.
26. См.: Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск, 2002. 334 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ЭКОНОМИКА 2008

УДК 338 (470)

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета ПетрГУ
akulov@onego.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОСВОЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРА (ОБЩИЙ ПОДХОД)

В статье предпринята попытка сформулировать общий подход к исследованию процессов, протекающих в экономике Севера в условиях глобализации. Представляется, что изменения затрагивают глубинные основы функционирования такой экономики. Это находит свое выражение в возрастании роли относительных издержек, что делает Север вполне конкурентоспособным с другими территориями.

Ключевые слова: глобализация, ограниченность ресурсов, рентный характер экономических отношений, абсолютные и относительные издержки

В последние десятилетия XX века проходили динамичные изменения в мировой экономике, сопровождающиеся резким ростом экономической активности в Арктике (на Севере). Постараемся понять основные причины таких серьезных подвижек во взаимодействии человека с веществом природы, в ходе которого создаются новые блага и услуги. Нам представляется, что ключевыми здесь являются такие экономические процессы, как: *глобализация*, *ограниченность ресурсов и рентный характер экономических отношений* [1].

Начнем с проблемы *глобализации* [2].

Экономическая теория, рассматривая процессы интернационализации, исходит из следующей схемы причинно-следственных связей, подтвержденных фактами исторического развития: национальная экономика – внешняя торговля, интернационализация процесса обращения (создание мирового рынка) – вывоз капитала, интернационализация процесса производства (создание мирового капиталистического хозяйства) – «сцепление» национальных воспроизводственных комплексов, интернационализация процесса воспроизводства капитала (капиталистическая интеграция) – создание мирохозяйственных институтов, интернационализация экономических (рыночных) институтов – глобализация.

Понятно, что каждый этап развития всесторонне рассматривается не только экономистами, но и представителями других областей знания. Заметим, что в этой схеме присутствует многовариантность, например на стадиях вывоза капитала (вывоз ссудного и предпринимательского капитала) и интеграции (европейский и североамериканский типы экономической интеграции) [3].

Что касается глобализации, то экспорт и импорт национальных и создание интернациональных рыночных институтов создают подлинную множественность конкретных форм ее реализации (существования). Особая роль, например, для России состоит в возможностях функционирования национальных (российских) экономических субъектов в рамках междуна-

© Акулов В. Б., 2008

родных или национальных (других стран) институтов с большей экономической эффективностью, чем в рамках российских национальных рыночных институтов [4].

Особая специфика у процессов глобализации применительно к объекту нашего анализа – Арктике (Северу), ее сухопутным и морским пространствам. Это связано с малочисленностью или даже отсутствием постоянного населения в этом районе и некоторыми проблемами в определении юрисдикции арктических морей (споры между Россией и Норвегией и Россией и США). Существующие правовые международные нормы решают далеко не все вопросы, связанные с закреплением морских акваторий за национальными государствами. Споры в науке о границах континентального шельфа [5] также не добавляют определенности в данном вопросе. Все сказанное оказывает негативное влияние на хозяйственную деятельность в Арктике и на ее продуктивность (эффективность).

Казалось бы, Мировой океан и морские просторы Арктики вне зоны национальной юрисдикции и континентального шельфа являются достоянием всего человечества, но, когда речь идет об их освоении, сразу же на первый план выдвигаются экономические интересы, и прежде всего – национальные. Это становится не фактором развития, а препятствием к вовлечению данных природных ресурсов в мирохозяйственный оборот (прежде всего это относится к углеводородным ресурсам, нефти, газу, так как в области рыбопромысловой деятельности человечество все-таки выработало достаточно эффективные формы международной координации, оформленные в виде Международных конвенций).

В связи с этим стоит высказаться и о *принципе ограниченности (недостаточности) ресурсов для экономического развития* (основном экономическом принципе, который предполагает необходимость выбора из ограниченных ресурсов при данном уровне технологии и издержек) [6].

Как нам представляется, мы не можем говорить об абсолютном дефиците ресурсов. На сегодняшний день человечество добывает минеральные ресурсы (прежде всего нефть, газ и уголь) максимум с глубины 2–4 км при радиусе нашей планеты 6400 км. А кроме суши есть еще Мировой океан, в воде которого растворены миллиарды тонн минеральных ресурсов, которые нам (человечеству) пока недоступны.

Правильным будет говорить об ***относительной*** ограниченности ресурсов. Ресурсов для хозяйственной деятельности недостаточно с точки зрения общественно признанных (общественно необходимых) издержек их вовлечения в хозяйственный оборот. Именно с таких позиций мы можем говорить о невозможности сегодняшнего вовлечения в экономический оборот углеводородных ресурсов российской Арктики. А завтра?

Если принять за наиболее вероятный сценарий будущего развития мировой экономики рост потребности в углеводородном сырье и скачок в технологии (технике) добычи таких ресурсов, то через 20–30 лет углеводородные *ресурсы российской Арктики вполне будут востребованы для нужд хозяйственного развития*.

Следовательно, они перестанут быть недоступными и избыточными, каковыми человечество числит их в настоящее время. Это означает, что обострится международная конкуренция на континентальном шельфе и в арктических морях за месторождения нефти, газа и газового конденсата. Если при этом российская Арктика будет безлюдной или малолюдной, то это вполне может быть воспринято нашими конкурентами как доказательство «ничейности» данных ресурсов со всеми вытекающими для нашего Отечества выводами.

Вероятно, именно в рамках данного сценария (подхода) стоит рассматривать выход наделавшей много шума на Западе книги Ф. Хилл и К. Гэдди «Сибирское проклятье. Как коммунистические плановики заморозили Россию» [7]. Достаточно простой и очевидный вывод авторов – Россия непригодна для эффективной экономики вследствие неблагоприятных природно-климатических условий (что же здесь говорить об Арктике, где гигантские просторы и практически очень мало постоянного населения?) [8].

Экономическая теория, кстати, достаточно давно уже ответила на вопросы, поднятые указанными выше авторами (и их заказчиками?!). Об этом чуть ниже.

Теперь нам необходимо остановиться на проблеме *рентного характера экономических отношений* в связи с рассматриваемыми в данной статье вопросами хозяйственной деятельности в Арктике.

Экономическая деятельность, как известно, опирается на базовый постулат *сопоставления результатов и затрат при превышении первого над вторым*. Однако данная деятельность протекает в разных природно-климатических условиях с привлечением многочисленных ресурсов естественного (природного) и искусственного (в результате предыдущего труда человека) происхождения.

Важным при этом становится определение затрат, связанных с вовлечением ресурсов в хозяйственный оборот, и их сопоставление для выбора наиболее рациональной (оптимальной) альтернативы. Это естественным образом вытекает из признания факта ограниченности ресурсов для хозяйственной деятельности.

Именно здесь и возникают отношения, определяющие рентный характер экономической деятельности. Выкристаллизовывание общественно-признанных затрат на вовлечение ресурсов в хозяйственный оборот «отсекает» те альтернативы, которые предполагают большую величину издержек, а с другой стороны, позво-

ляет получать дополнительный (выше среднего) доход по альтернативам, где издержки оказываются ниже общественно необходимых [9].

В науке выделяют дифференциальную ренту 1-го и 2-го рода, абсолютную и монопольную ренты. Все они материализуются в возможностях получения прибыли выше средней в результате закрепления при помощи действующих институтов частной собственности права монопольно эксплуатировать и присваивать результат от использования конкретного вида ресурсов (вещества природы или продукта труда).

Это представляется чрезвычайно важным для хозяйственной деятельности именно в Арктике, учитывая особо суровый характер природно-климатических условий, удаленность от объектов транспортной и иной инфраструктуры и малочисленность постоянного в данных районах населения.

Чаще всего рентный характер экономических отношений, и это представляется справедливым, связывают не только со специфической деятельностью человека на земле (сельское и лесное хозяйство), но переносят и на недра (добывающая промышленность), и на хозяйственную деятельность человека на море (добыча рыбы и морепродуктов, добыча полезных ископаемых в акватории морей и проч.).

Это позволяет утверждать, *что специфика тех или иных видов хозяйственной деятельности определяется не существованием общеэкономических факторов* (здесь действуют единые экономические законы*), а характером той природной и созданной человеком среды, в которой осуществляется такая деятельность* (производство и проч.). Именно таким образом следует понимать специфику арктической или морской экономики.

Весь набор неблагоприятных факторов (природа, климат и проч.) позволяет утверждать, что главной спецификой хозяйственной деятельности в Арктике является ее ограниченность величиной (размерами) затрат и по вовлечению ресурсов в хозяйственный оборот, и по их трансформации (превращению) в элементы жизнедеятельности (товары и услуги), и по доведению товаров и услуг до конечных потребителей.

Вернемся к уже упомянутому выше исследованию Ф. Хилл и К. Гэдди и сделанным в нем выводам. Представляется, на первый взгляд, что их аргументы не только не опровергаются общеэкономическим подходом, предложенным в данной статье, но и получают дополнительные аргументы в свою пользу. Однако – это только на первый взгляд.

Принцип ограниченности ресурсов базируется на положении, что главным (определяющим) при выборе альтернативы использования ресурсов становится *абсолютная величина издержек* (затрат). Это выглядит вполне обоснованным: так как затраты на сырье и материалы в конечном итоге определяют и величину продажной цены, на которую реагируют потребители, выбирающие при прочих равных условиях товары с более низкими ценами.

Однако еще в XIX веке Д. Рикардо сформулировал *принцип сравнительных преимуществ*, в основе которого *не абсолютные, а относительные затраты*, что дает возможность вести достаточно эффективно бизнес и получать преимущества от обмена результатами хозяйственной деятельности и с большими, чем у конкурентов, издержками [10]. Кстати, на этой теоретической основе строится теория внешней торговли и международного разделения труда.

Это означает, что конкурентоспособность (по затратам) производства углеводородов в морях Арктики вполне возможна в недалеком будущем. Уже сегодня начато освоение Приразломного месторождения в Карском море, нефть которого поступает в Мурманский морской порт, где на нефтяном терминале она перегружается в супертанкеры, которые доставляют ее в страны Западной Европы.

Как нам представляется, *сравнительные преимущества в условиях глобализации не только не исчезают, а, наоборот, претерпевают дальнейшую дифференциацию, что приводит к расширению спектра издержек, который признается общественно нормальным*. Это позволяет вести успешную экономическую деятельность (с точки зрения сопоставления результата и затрат) в регионах, где еще вчера это было невозможно (экономически необоснованно). Российская Арктика (ее суша и моря) как раз и находится в таких условиях. Следовательно, *Россия не только не должна сворачивать здесь свое хозяйственное присутствие, но, наоборот, ей необходимо расширять его*. Сделанный общетеоретический вывод следует подкрепить определенными эмпирическими данными.

Считается, что *абсолютная величина* издержек хозяйственной деятельности в российской Арктике существенно выше, чем в других, менее «суровых» по климату, частях нашей страны, не говоря уже о развитых капиталистических странах, так как затраты на воспроизводство (хотя бы) рабочей силы несопоставимы с аналогичными в других регионах России и мира.

Однако, когда речь идет об *относительных затратах (относительных преимуществах)*, ситуация уже не представляется столь катастрофической для российской Арктики. Это в значительной степени определяется тем, что структура российских цен существенно отличается от аналогичной на Западе.

Напомним, что и абсолютные и относительные цены на энергоносители (нефть, газ, уран) и электроэнергию ниже в России, чем в развитых капиталистических странах [11]. Такое «искажение» (с точки зрения западных экономистов) препятствует развитию рыночных реформ и экономическому прогрессу в целом в Российской Федерации (вспомним хотя бы о том, что

внутрироссийский уровень цен на газ – едва ли не главное препятствие вступления нашей страны в ВТО!!). Рамки данной статьи не позволяют по существу комментировать эти, во многом просто политизированные, утверждения.

Очень любопытной, по нашему мнению, представляется попытка некоторых российских исследователей рассмотреть потоки затрат в регионах российской Арктики, учитывая мировой уровень абсолютных и относительных цен (именно они в наибольшей степени отражают общественно признанные издержки вовлечения ресурсов в хозяйственный оборот). Данные расчеты, например, сделаны для Мурманской области [12].

Представим полученные результаты.

1. Мурманская область имеет устойчивое положительное сальдо ввоза – вывоза, что позволяет говорить о положительном (общем) результате хозяйственной деятельности в этом арктическом регионе.
2. Массовое переселение постоянного населения из области экономически неэффективно.

Результаты должны быть прокомментированы. Итак, совокупный положительный результат для Мурманской области выше, чем расчеты в мировых ценах. Это связано, в первую очередь, с затратами на приобретение урана. Дело в том, что в советское время урана было добыто в масштабах, намного превышающих потребности в энергетическом топливе. Если добавить к этому, что общая потребность военных все-таки сократилась (и это непреодолимая тенденция), то реальные затраты на сырье для Кольской АЭС ниже приведенных авторами расчетов.

Другим важным обстоятельством является вполне реальная возможность превращения Мурманского порта в один из ведущих нефтяных терминалов России. Это связано с уникальным конкурентным преимуществом незамерзающего порта. В частности, по существующим потенциальным (вполне реализуемым) проектам строительства новых для России нефтяных путей (трубо- и прочих нефтепроводных систем) Мурманская трубопроводная система является самой крупной по пропускной способности (50–70 млн. т. в год) [13]. Данное развитие событий не только исключает массовое переселение, но позволяет говорить о возможном дефиците трудовых ресурсов.

Понятно, что не стоит абсолютизировать полученные расчеты по Мурманской области (о чем, кстати, говорят и авторы), но их невозможно игнорировать. *Вероятно, не вся российская Арктика может в ближайшее время стать пространством для динамичного экономического развития, но, с другой стороны, очевидно, что Россия не должна «уходить» со своих северных арктических территорий. Данный вывод обусловлен, как нам представляется, не только политическими резонами, но, что здесь принципиально, соображениями экономической эффективности хозяйственной деятельности в Арктике (в ее морях и на суше).*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этот список может быть, вероятно, продолжен, однако рамки статьи не позволяют рассмотреть другие аспекты поставленной проблемы (экономико-географические, экономико-политические, военные и проч.). Мы сконцентрируемся на общеэкономических причинах расширения хозяйственной активности в морях и на суше Арктики.
2. О проблеме глобализации и основных подходах к ней см.: Аэроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002; Глобализация в России: проблемы демократического развития. М., 2004; Добрынин А. Глобализация – экономическая теория XXI века // Экономика и управление. 2002. № 2; Медведев В. Глобализация экономики? Тенденции и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 2; Уткин А. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002; Чешков М. О видении глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения 1999. № 6; Шишков Ю. Решающие полвека в истории человечества. М., 2004 и многие другие.
3. Характерной особенностью европейского типа интеграции является значительная роль наднациональных институтов, в отличие от североамериканского, где «локомотивом» интеграции выступают не наднациональные органы, а крупнейшие, прежде всего американские, транснациональные корпорации. Роль же наднациональных институтов сведена к минимуму.
4. Например, российские фирмы, прошедшие соответствующие процедуры на иностранных фондовых рынках (Нью-Йорк, Лондон, Франкфурт-на-Майне) вполне «вписываются» в институциональные рамки, признанные в развитых странах, и получают возможность привлечения достаточно крупных «длинных» финансовых ресурсов на условиях, невозможных у себя дома, в России. Российская МТС, котирующая акции на ведущих мировых биржах, получила недавно синдицированный кредит западных банков на сумму в 600 млн. долл., на три года под 4,5 % годовых, что совершенно невозможно у себя на Родине.
5. Подробнее см.: Наука и жизнь. 2004. № 6. С. 2–9; Патин С. А. Нефть и экология континентального шельфа. М.: ВНИРО, 2001. С. 247 и проч.
6. См.: Макконнелл К., Брю С. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т.: Пер. с англ. М.: Республика, 1992 и многие другие базовые учебники по экономической теории.
7. Hill F., Gaddy C. Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, 2003. 240 p.
8. Стоит здесь вспомнить и о книге А. Паршева «Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь». (М., 2000).
9. Заметим, что теория ренты в экономической науке формировалась в XVIII–XIX веках, прежде всего в исследованиях классиков политэкономии Д. Рикардо и К. Маркса. Они в качестве эмпирической базы для определения рентного характера экономических отношений использовали рассмотрение сельскохозяйственного производства, непосредственным образом связанного не только с различиями в качестве и местоположении участков земли, но и существованием института частной собственности на землю, затрудняющего перелив капитала.

10. Подробнее см.: Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: Пер. с англ. // Рикардо Д. Соч. Т. 1. М., 1955.
11. Внутрироссийские цены на газ в 2–3 раза ниже, чем в основных развитых капиталистических странах. Здесь возникают длинные мультипликационные цепочки, а именно: низкие цены на газ – низкие цены на электроэнергию (внутрироссийские тарифы на электроэнергию для производственных нужд в 2–6 раз ниже, чем в США, Японии, Германии, Великобритании, Канаде) – низкий уровень производственных издержек в энерго- и электроемких производствах. Стоит к этому добавить еще и более низкий (по сравнению с западным) уровень зарплаты. В конце концов, на «выходе» мы получаем для РФ очевидное конкурентное преимущество в затратах в целом (черные, цветные металлы, бумага, металлопродукция и проч.). Кому же это понравится? (Подробнее см.: Эксперт. 2004. № 13. С. 50–54).
12. Подробнее см. статью сотрудников Института экономических проблем Кольского научного Центра РАН Д. Егорова и А. Егоровой (ЭКО. 2004. № 12. С. 131–139).
13. Подробнее см.: Эксперт. 2004. № 38. С. 39–43.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июнь, № 1 ЭКОНОМИКА 2008

УДК 338+331:31

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ РУДАКОВ
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента экономического факультета ПетрГУ
rud@drevlanka.ru

КАРЕЛЬСКИЙ РЫНОК ТРУДА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ

Объектом исследования являются происходящие на региональном рынке труда изменения. Развитие частного сектора экономики обусловило возрастание экономической активности населения и межотраслевые структурные изменения занятости. Однако рост уровня образования не сопровождается адекватными изменениями профессионально-квалификационной структуры занятых. Высокая межфирменная мобильность работников и риски найма обусловливают противоречивость и латентность отношений на рыке труда.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, рабочая сила, трудовая миграция, мобильность работников, профессионально-квалификационная структура, латентность трудовых отношений

Несмотря на то что рыночная трансформация российской экономики оказалась всеобъемлющей и затронула, в большей или меньшей мере, все ее сферы, смена характера социально-трудовых отношений приняла специфически российские формы, имеющие к тому же существенную региональную специфику. В значительной степени это было обусловлено тем, что трудовые отношения оказались наиболее жестко регулируемым сегментом плановой экономики. Государство выступало в роли единственного работодателя и полностью контролировало положение на рынке труда. Даже отдельные рыночные элементы социально-трудовых отношений (свобода выбора сферы приложения способностей к труду, самостоятельность при трудоустройстве и увольнении работников, денежная форма оплаты труда) находились под жестким административным контролем.

Реальное формирование субъектов рынка труда, в качестве которых выступают экономически обособленные и самостоятельные собственники рабочей силы, работодатели и государство, началось в российской экономике с конца 1980-х – начала 1990-х годов. Принятие и вступление в силу Законов СССР, РСФСР и РФ «О кооперации в СССР» (от 26.05.1988 г.), «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (от 25.12.1990 г.), «О занятости в РСФСР» (от 19.04.1992 г.) означали легализацию рынка труда и создание предпосылок для его полномасштабного формирования и развития.

Уже в начале 1990-х годов большая часть административных ограничений в сфере труда была отменена: ликвидирована гарантированная занятость и признана безработица, трудовая деятельность утратила принудительно-обязательный характер. Исключительное право распоряжаться своими способностями к труду было признано за самими работниками, контрактный характер трудовых отношений был легализован, получили распространение самозанятость и вторичная за-

© Рудаков М. Н., 2008

нятость, предприятия обрели свободу в определении численности и структуры наемных работников, установлении им заработной платы.

В совокупности с приватизацией, либерализацией цен и внешнеэкономической деятельности вышеназванные меры сразу отразились на уровне экономической активности населения. В советское время государство как монопольный работодатель, создавая массу неэффективных рабочих мест и искусственный дефицит рабочей силы, вовлекало в общественное производство все большую долю трудоспособного населения и поддерживало заниженный уровень оплаты труда. Сохраняющийся десятилетиями экстенсивный тип воспроизводства порождал сверхзанятость, в результате уровень занятости населения [1] в экономике динамично возрастал, достигнув концу 1990-х годов почти 90 % [2].

Рыночные реформы остановили этот процесс. Произошел переход от полной и безусловной занятости в общественном производстве, соответствовавшей всеобщности и обязательности труда в условиях планово-административной экономики, к системе рыночной активности, отвечающей критериям рыночного хозяйства.

Уже в 1992 году уровень экономической активности населения в экономике России составил 70,3 % и, продолжая снижаться, достиг своего минимального значения в 1998 году – 61,1 %. В дальнейшем уровень экономической активности населения стабилизировался, а уровень занятости начал расти, что свидетельствовало об уменьшении численности безработных.

В Республике Карелия положение на рынке труда в указанном отношении принципиально не отличалось от российского. Уровень экономической активности опустился к 1998 году до 66,1 %, при этом занятость составила всего 83,4 % ЭАН. После некоторого подъема экономической активности в 1999 году ее уровень стабилизировался (67−68 %), произошла и стабилизация уровня занятости (61−62 %) [3].

В институциональном отношении следует также обратить внимание на структурную динамику занятости по формам собственности. Энергично проведенная приватизация способствовала бурному росту частного сектора, однако в сфере занятости изменения происходили не так динамично. Частный сектор возникал большей частью трансформационным порядком, преобразуясь из государственного в частный через некоторое промежуточное состояние – государство зачастую сохраняло за собой большую или меньшую часть собственности приватизируемых предприятий.

Результатом этих процессов стало достаточно плавное нарастание занятости в частном секторе экономики России: в 1990 году она составила 12,5 % [4], ощутимо заметной стала в 1995 и лишь по истечении десяти лет реформирования приблизилась к доминированию (2003 год – 50,2 %) [5].

Безусловно, возможности частного сектора более привлекательны для наемных работников с точки зрения реализации ими своей позиции собственника рабочей силы. Свободное рыночное взаимодействие собственников рабочих мест и способностей к труду предопределяет установление взаимовыгодной оплаты труда, а уровень профессионального образования является важнейшим фактором определения ее уровня. Однако государственный сектор экономики, несмотря на ограниченное поле маневра субъектов рынка труда в определении заработной платы, остается все же привлекательным для наемных работников гарантиями занятости и известным отсутствием связи оплаты труда и рыночных результатов деятельности. Динамика занятости показывает, что рынок труда в конечном счете оптимизировал в соответствии с уровнем экономического развития структуру занятости, сохранив для наемных работников привлекательность государственного сектора и ограничив – частного. Сложившаяся в российской экономике структура занятости, видимо, адекватна пониманию субъектами рынка труда эффективности частного сектора и стабильности государственного.

В Республике Карелия сохраняется достаточно высокая доля работников, занятых в государственном секторе экономики. Лишь в 2004 году она уменьшилась до размеров частной, а по итогам 2005 года составила 39,1 % от среднегодовой численности против 45,9 % − в частном. Учитывая особенности занятости на государственных и муниципальных предприятиях, в учреждениях и организациях (бюрократизм, стабильность занятости, соблюдение социально-трудовых гарантий, наличие льгот), можно предположить, что значительная доля наемных работников как минимум не готова к открытой рыночной конкуренции и стремится ее избежать на своего рода специфическом государственном внутреннем рынке труда.

С другой стороны, это говорит о неустойчивости социально-трудовых отношений субъектов в частном секторе экономики, который пока не оказывает доминирующего воздействия на положение на региональном рынке труда. Видимо, это обусловлено как государственной природой происхождения многих частных хозяйствующих субъектов в результате формальной смены титула собственности посредством приватизации без реализации работодателями действенных мер по повышению эффективности занятости и созданию новых рабочих мест, так и «гибкостью» работодателей и наемных работников в вопросах соблюдения норм трудового законодательства и наличием известной меры латентности в их отношениях.

Одной из особенностей развития занятости населения в Республике Карелия явились отраслевые структурные перемены. Вектор изменений в рыночной конъюнктуре и отраслевой структуре экономики соответственно определил направления трансформации структуры занятости (табл. 1).

Таблица 1

Структура занятости населения в экономике Республики Карелия [6]

Отрасль	1991 г.		2004 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Всего занято в экономике, в том числе:	407,1	100	351,7	100
промышленность	135,6	33,3	90,1	25,6
сельское хозяйство	23,6	5,8	14,5	4,1
лесное хозяйство	3,3	0,8	4,6	1,3
транспорт, связь	40,3	9,9	43,4	15,6
строительство	43,6	10,7	18,3	5,2
торговля, общественное питание, МТС, сбыт, заготовки	34,6	8,5	53,0	15,1
финансы, кредит, страхование, пенсионное обеспечение	2,4	0,6	4,3	1,2
жилищно-коммунальное хозяйство	22,4	5,5	22,1	6,3
здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	28,1	6,9	29,5	8,4
образование, культура и искусство	48,0	11,8	44,2	12,6
наука и научное обслуживание	6,1	1,5	1,9	0,5
управление	14,2	3,5	16,5	4,7

Межотраслевые переливы рабочей силы явились следствием изменений объемов производства и продаж, спроса и предложения рабочей силы, дифференциации в оплате труда. Рабочая сила объективно переместилась в сферы деятельности, которые наиболее быстро адаптировались и развивались в рыночных условиях. Произошло логическое перераспределение занятости между сферами производства и обращения.

В то же время эти процессы привели к «вымыванию» из перерабатывающей промышленности, строительства, транспорта, сельского хозяйства, ЖКХ, науки наиболее квалифицированной, обладающей специфическими знаниями и опытом рабочей силы, нарушению профессиональной преемственности между поколениями работников, обесцениванию специфического человеческого капитала, разрушению организационной культуры предприятий. Данный тезис подтверждает структура спроса на рабочую силу, в которой более 80 % вакансий приходится на квалифицированных рабочих и специалистов [7].

С другой стороны, динамичное развитие наиболее адаптированных к рыночной среде видов деятельности − торговли, общественного питания, сферы услуг – пока не привело к формированию в них качественного профессионально-квалификационного состава работников. Представляется, что это связано с массовым притоком в эти отрасли рабочей силы, не имеющей соответствующей профессиональной подготовки и опыта, а также существующей практикой неформальных социально-трудовых отношений.

В свою очередь, естественно-монопольное положение на рынке, конкурентная заработная плата и социальные гарантии занятости, а также реализация инвестиционных проектов способствовали удержанию квалифицированной рабочей силы на предприятиях энергетики, связи, железнодорожного транспорта, ряда предприятий-экспортеров. Тем не менее эффективность использования рабочей силы в данных сегментах экономики также неочевидна. Экономическое благосостояние достигается в основном за счет ценового механизма перераспределения, а не роста физических показателей производительности труда.

В целом сформировавшаяся структура занятости населения отражает низкий уровень диверсификации карельской экономики за счет слабого развития негосударственного сектора, перерабатывающих высокотехнологичных производств, сферы рыночных услуг, ориентированных на внутренний потребительский рынок, что определяет неустойчивость социально-трудовых отношений субъектов.

Соответственно расширение экспортно-ориентированного сектора (добывающих производств) [8], обеспечивающего занятостью и доходами значительную часть населения, усиливает зависимость экономики Карелии от конъюнктуры мировых цен на сырье и материалы, изменений в налоговом и таможенном законодательстве. Как показывает структурная динамика сальдированного финансового результата экономики республики в 2003−2005 годах, его положительное значение по сути определялось эффективностью работы двух крупнейших хозяйствующих субъектов – ОАО «Карельский окатыш» (черная металлургия) и ОАО «Карелэнерго» (электроэнергетика) [9]. Иными словами, экономическое оживление в экономике региона – явление не всеобщее, а в значительной степени локальное и фокусируется в отдельно взятых видах деятельности.

Характерной особенностью регионального рынка труда является территориальная несбалансированность спроса и предложения рабочей силы, обусловленная отсутствием реальных сдвигов в структуре экономики, значительной

(в разы) дифференциацией городов и районов по уровню социально-экономического развития, низкой внутрирегиональной мобильностью экономически активного населения, в том числе и по причине недоступности жилья и высоких трансакционных издержек, связанных с трудовой миграцией. Как результат, уровень регистрируемой безработицы в 12 из 18 районов и городов республиканского значения выше среднего показателя по региональному рынку труда [10]. Учитывая неравномерную хозяйственную освоенность, промышленную или сельскохозяйственную специализацию районов, наличие монополизированных и градообразующих производств, концентрацию основной части рабочей силы в городах, уместно говорить о глубоких диспропорциях в структуре карельского рынка труда.

Природно-климатические условия жизнедеятельности населения республики определяют относительно более высокую стоимость жизни в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям в сравнении с нормальными условиями проживания и хозяйствования. Соответственно этот фактор определяет рост затрат на воспроизводство рабочей силы, что должно находить выражение в более высоких уровнях заработной платы работников и в целом расходов на рабочую силу в карельской экономике. Однако на практике такая зависимость является бесспорной только в отношении занятых в госсекторе: с учетом районных коэффициентов и кадровых надбавок, устанавливаемых к окладам или тарифным ставкам, заработная плата бюджетников Республики Карелия существенно превосходит среднероссийский показатель: от 1,3 до 1,5 раз [11]. Для частного же сектора региональной экономики уровень заработной платы определяется, прежде всего, наличием собственных финансово-экономических ресурсов.

Номинально по уровню начисленной заработной платы на одного работника Республика Карелия по сравнению с другими регионами и соответственно со среднероссийским показателем выглядит предпочтительнее [12]. Однако не следует забывать, что стоимость рабочей силы, помимо затрат на физиологическое восстановление, определяется и уровнем развития социальных потребностей работника и степенью их удовлетворения, в том числе в границах конкретной территории жизнедеятельности. Учитывая низкий уровень и качество жизни населения (подчеркнем, что, несмотря на рост экономики Карелии в 2000-е годы, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума остается достаточно высокой: 2002 г. – 18,8 %, 2003 г. – 19 %, 2004 г. – 18,5 %, 2005 г. – 20,9 %, а еще треть граждан находится вблизи этой опасной черты [13]) и развития социальной инфраструктуры в республике, можно предположить, что социальная составляющая крайне слабо учтена в стоимости рабочей силы. Это свидетельствует о заниженном уровне реальной заработной платы, низком уровне воспроизводства рабочей силы, слабой диверсификации видов деятельности в региональной экономике и олигопсонической модели регионального рынка труда.

Заметное влияние на динамику занятости, количественные и качественные параметры рабочей силы оказывают демографические и миграционные процессы. На протяжении всего периода 1990–2005 годов сохраняется устойчивая тенденция к депопуляции населения Республики Карелия, в основном обусловленная превышением в 1,8–2 раза уровня общей смертности над рождаемостью. Численность постоянного населения с 1992 по 2005 год уменьшилась соответственно с 799,8 до 697,5 тыс. чел., или на 12,8 % [14]. Принимая во внимание значительную территорию (1,1 % площади РФ) и ее неравномерную хозяйственную освоенность, можно утверждать, что столь масштабное сокращение естественных границ трудового потенциала республики (до 0,5 % населения РФ) вызовет в среднесрочной перспективе проблему физической нехватки «собственных» рабочих рук для обеспечения экономического роста и неизбежно потребует притока трудовых мигрантов.

Однако трудовая миграция заметного влияния на региональный рынок труда пока не оказывает. В целом миграционный прирост, колебавшийся в 2000−2002 годах в пределах 1−2 тыс. человек в год, фактически свелся к нулю в 2003−2005 годах [15]. Данная динамика свидетельствует о низкой социально-экономической привлекательности региона для трудовых мигрантов, а также жесткости законодательных «барьеров» для легального доступа иностранной рабочей силы на российский рынок труда.

Общеизвестно, что демографические процессы воздействуют на рынок труда с определенным временным лагом, составляющим в среднем 25 лет. Это подтверждает динамика численности населения в трудоспособном возрасте, которое за период 2000−2005 годов увеличилось с 448 до 452,0 тыс. человек, а доля данной категории в общей численности населения республики соответственно возросла с 60,9 до 64,8 %. Данные изменения обусловлены влиянием демографической волны 1980-х годов, когда показатели рождаемости достигали в среднем 17 человек, а смертности не превышали 10 человек на 1000 населения соответственно.

Демографические процессы нашли двойственное отражение в ситуации на региональном рынке труда. С одной стороны, увеличение численности населения в трудоспособном возрасте способствовало укреплению трудового потенциала региона как минимум в количественном аспекте. С другой стороны, кризисное состояние экономики 1992−1998 годов и ее оживление в 1999−2005 годах существенно сдерживали эффективный спрос на рабочую силу на фоне рос-

та ее предложения. Это приводило к перманентному возрастанию конкуренции за рабочие места, что выражалось в росте показателей безработицы, а также оттоку части граждан в трудоспособном возрасте в нерегистрируемый сектор рынка труда. Таким образом, отсутствие прогрессивных сдвигов в отраслевой структуре хозяйства и занятости на фоне увеличения предложения рабочей силы наиболее производительных возрастов фактически привело к неэффективному распределению и использованию трудовых ресурсов в экономике региона.

Развитие неблагоприятных демографических процессов неизбежно ведет к старению населения республики. За период 1994–2005 годов доля лиц в возрасте старше трудоспособного постепенно увеличилась с 18 до 19,3 %, а моложе трудоспособного – заметно снизилась с 23,9 до 15,9 % от общей численности населения соответственно. Отметим, что доля населения в «пограничном» возрасте 50–59 лет увеличилась с 8,9 до 14,3 %. Следовательно, в ближайшие годы на фоне процессов депопуляции и старения населения, большей продолжительности жизни женщин (72 лет), чем мужчин (58 лет), следует ожидать нарастания существенных диспропорций в половозрастной структуре и снижения возможностей для расширенного воспроизводства рабочей силы. Ситуация будет усугубляться ростом трудовой и пенсионной нагрузки на мужское население в трудоспособном возрасте, вследствие объективно более низкой экономической активности женщин (уровень экономической активности женщин в регионе ниже аналогичного показателя у мужчин на 10–11 процентных пунктов) [16], что потребует увеличения возрастных границ выхода граждан на пенсию.

В этой связи крайне негативным фактором является повышение коэффициентов смертности населения в наиболее производительном возрасте 20–49 лет. При этом в большей степени данная тенденция характерна для мужчин. В целом высокий уровень смертности населения трудоспособного возраста предопределяет крайне низкую эффективность инвестиций в человеческий капитал региона.

Возрастные характеристики занятости отражают тенденцию усиления давления на рынок труда граждан в предпенсионном и пенсионном возрасте 50–59 лет. В первую очередь, это обусловлено низкой социальной и пенсионной обеспеченностью данной категории населения, а также высоким общим уровнем бедности в регионе. В этой связи повышение экономической активности лиц старших возрастов является скорее вынужденной мерой, и, в известной степени, дополнительным препятствием для роста занятости молодежи. Имеющийся же у данной категории лиц профессиональный опыт нивелируется в определенной мере нерыночным характером его происхождения («моральным износом») и снижением производительности труда, обусловленным возрастными особенностями рабочей силы («физическим износом»). С учетом этого устойчивое снижение в структуре занятых доли наиболее работоспособного населения в возрасте 20–49 лет за анализируемый период с 52,2 до 45,8 % является крайне негативным фактором, отражающим не столько демографические тенденции, сколько наличие диспропорций в структуре занятости на региональном рынке труда.

Динамика образовательной структуры занятых в экономике региона противоречива. С одной стороны, последние годы происходило некоторое снижение общего уровня их образования. В период 1999–2004 гг. доля работников с высшим профессиональным образованием снизилась с 18 до 16,2 %, со средним профессиональным – с 38,7 до 33,2 %, а имеющих начальное профессиональное образование – напротив, увеличилась с 10,9 до 22,1 %. Можно было бы предположить, что данные изменения вызваны оживлением промышленного производства и смещением спроса в сторону рабочей силы индустриального типа, остававшейся невостребованной на рынке труда, а также «уходом» части более образованных и квалифицированных работников в сферу нерегистрируемой занятости. Однако, с другой стороны, 2005 год внес показательные изменения в указанную динамику [17]: резко возросла доля занятых с высшим профессиональным образованием – 21,6 % против 16,2 % в 2004 году и, напротив, существенно уменьшилась доля имеющих среднее профессиональное образование – 28,2 и 33,2 % соответственно. Доля лиц с начальным профессиональным образованием незначительно уменьшилась – до 21,3 %. Безусловно, имея в виду быстрые темпы развития прогрессивных отраслей (связь, информационное обеспечение, финансы), можно предположить возрастание потребностей в специалистах высшей квалификации. Тем не менее структура занятых по видам экономической деятельности за 2001–2005 годы практически не изменилась, а доля занятых в обрабатывающих производствах (ЦБП, обработка древесины и производство изделий из дерева, производство машин и оборудования) даже снизилась. Одновременно заметно возросла занятость в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – за пять лет более чем на 40 %, строительстве – на 20 %, торговле и ремонтных услугах – на 16 %. Можно, таким образом, сделать вывод о неадекватности образовательной структуры занятых и объективных потребностях экономики: несмотря на сохраняющуюся по существу структуру экономики, состояние основных отраслей и, следовательно, содержание труда, получающие высшее профессиональное образование просто замещают работников со средним профессиональным образованием.

Профессионально-квалификационная структура занятых за период 2003–2005 годов претерпела ряд изменений, которые в определенной мере коррелируют с изменениями в их образовательной структуре и подтверждают приведенные выше выводы. Проведенный анализ показал, что среди занятых в экономике численность руководителей только в указанный период возросла более чем на 35 % (!), специалистов высшего уровня квалификации – почти на 11 %. При этом практически не изменилась доля квалифицированных и неквалифицированных рабочих, причем доля последних в общей численности рабочих даже несколько возросла.

Указанные изменения, на наш взгляд, отражают тенденцию к снижению уровня квалификации совокупной рабочей силы, занятой в экономике региона. В то же время часть работников с формально более высоким уровнем образования выполняет работу, требующую меньшей квалификации и сложности труда, что свидетельствует о неэффективном использовании имеющегося профессионально-квалификационного потенциала работников, а также несоответствии отраслевого профиля образования квалификационным требованиям, предъявляемым работодателями к конкретным должностям и профессиям. Кроме того, данные официальной статистики не позволяют нам детально структурировать рабочих по уровню их квалификации, но, учитывая рост в экономике дефицита и соответственно спроса на квалифицированных рабочих, можно уверенно утверждать, что их профессионально-квалификационные характеристики низки и не удовлетворяют требованиям работодателей.

Рост доли работников, занятых неквалифицированным трудом, на наш взгляд, свидетельствует о низком технологическом уровне развития экономики региона. Физический износ активной части основных фондов, не говоря уже о моральном износе, составляет в промышленности более 60 %, строительстве – 72 %, транспорте – 70 %, сельском хозяйстве – 75 %. При этом наблюдается ухудшение качественных характеристик рабочих мест и соответственно рост удельного веса работников, занятых в отраслях с вредными и опасными условиями труда. Доля лиц, работавших в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, от общей численности работников увеличилась с 1992 по 2004 год в промышленности с 26,4 до 36,5 %, строительстве – с 6,5 до 18,9 %, на транспорте – с 4,1 до 12,2 %. За этот же период доля занятых тяжелым физическим трудом возросла в промышленности – с 5,2 до 12 %, строительстве – с 3,5 до 4,7 %, на транспорте – с 0,1 до 2,5 %. Таким образом, в экономике республики происходит консервация неквалифицированного труда и ухудшение нематериальных условий занятости.

Препятствием к формированию устойчивых профессиональных трудовых коллективов в экономике республики выступает межфирменная сверхмобильность работников. Оборот рабочей силы в 1999–2005 годах достигал 72–75 % от среднесписочной численности занятых. Очевидно, при отсутствии структурных сдвигов в экономике, дефиците новых и ухудшении качественных характеристик действующих рабочих мест подобное движение рабочей силы носит преимущественно «холостой» характер и отражает отсутствие у большинства работников специфических профессиональных качеств и свойств, позволяющих конкурировать за получение достойного дохода на устойчивой основе в рамках конкретного внутрифирменного рынка труда. С другой стороны, произошедшие изменения в психологии работников, выраженные в неадекватности притязаний на высокую оплату труда уровню квалификации и трудовых усилий, утрате ценности высокопроизводительного труда, также стимулируют неэффективную мобильность рабочей силы.

В сложившихся условиях политика занятости работодателей объективно направлена на минимизацию трансакционных издержек и рисков, связанных с поиском, наймом, обучением, увольнением работников. Как известно из теории человеческого капитала, фирма, как правило, занижает заработную плату работника в период его внутрифирменной адаптации. Если учесть, что рабочая сила в региональной экономике сверхмобильна, то возникает эффект «дизэкономии» [18], когда проигрывают все субъекты социально-трудовых отношений. Проявлением этого эффекта и подтверждением высказанного тезиса является сохранение в общих затратах хозяйствующих субъектов низкой доли расходов на оплату труда, которая не превышает 12–15 %, а расходов на обучение – 0,2–0,3 %, что не соответствует потребностям воспроизводства и профессионального развития рабочей силы. Оптимальным каналом поиска квалифицированных работников и получения информации о них становятся неформальные социальные связи, а основной причиной увольнений в среднем в 67 % случаев – «собственное желание».

Высокие издержки соблюдения трудового законодательства сохраняют определенную долю латентности в социально-трудовой сфере. По некоторым оценкам, неформальная занятость в экономике республики колеблется в пределах 9–10 % от экономически активного населения. Учитывая существующую практику неформальных трудовых отношений в лесозаготовке, строительстве, торговле, общественном питании, динамичное развитие услуг по ремонту помещений, бытовой техники, автосервиса, репетиторства, игорного бизнеса и прочих развлечений, данные оценки являются вполне объективными. Заметим, что нестандартные формы занятости развиваются как в формальном, так и неформальном секторе рынка труда, тесно переплетаясь и взаимодействуя между собой.

Проблема латентных социально-трудовых отношений работодателей и наемных работников носит двойственный характер. Несомненно, позитивным фактором является повышение трудовой мобильности и обеспечение приемлемого для данной категории занятых уровня воспроизводства рабочей силы. Работники со слабыми конкурентными позициями на открытом рынке труда имеют шанс на восстановление своего трудового потенциала в теневой его части, а имеющие более сильные позиции посредством вторичной занятости получают возможность их укрепить. В то же время данная форма занятости, как правило, напрямую не связана с профессиональной подготовкой работников, либо выполняемая ими работа требует более низкой квалификации, характеризуется неудовлетворительными условиями труда и отсутствием каких-либо социальных гарантий. В конечном итоге воспроизводство нерегистрируемых социально-трудовых отношений на устойчивой основе в долгосрочной перспективе ведет к утрате профессиональных знаний, умений и навыков у вовлеченных в них работников, а следовательно, снижает общий уровень конкурентоспособности рабочей силы в регионе.

Таким образом, на карельском рынке труда своеобразно переплетаются российские и специфические региональные характеристики занятости, что делает необходимым разработку и реализацию политики занятости, ориентированной на повышение ее адекватности, улучшение качественного состава рабочей силы и повышение ее конкурентоспособености.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поскольку экономически активное население (лица в трудоспособном или установленном возрасте 15–72 лет) включает занятых и безработных, уровень экономической активности населения (в целом и для отдельных возрастных групп) определяется двояко – как уровень экономической активности и уровень занятости. Уровень экономической активности населения – отношение численности экономически активного населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, уровень занятости – отношение численности занятого населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы.
2. Российский статистический ежегодник. 1994. Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1994. С. 60.
3. Труд и занятость в Республике Карелия. Стат. сб. / Комстат РК. Петрозаводск, 2003. С. 8–9; Труд и занятость в Карелии: Стат. сб. / Карелиястат. Петрозаводск, 2006. С. 11–14.
4. В советской официальной статистике частный сектор трактовался как негосударственный, поэтому уже в 1970 году занятость в частном секторе (под такое определение попадали колхозы) составляла 14 % и затем начала, по понятным причинам, уменьшаться: 1980 – 9,65, 1985 – 8,9 (см.: Труд и занятость в России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999. С. 55).
5. Российский статистический ежегодник. 2004: Стат. сб. / Росстат. М., 2004. С. 140.
6. Труд в Республике Карелия. 1994: Стат. сб. / Госкомстат РК. Петрозаводск, 1994. С. 2–3. Социальная сфера Республики Карелия: Стат. сб. / Карелиястат. Петрозаводск, 2005. С. 39.
7. Экспресс-информация о деятельности Управления ФГСЗН по Республике Карелия за январь–июнь 2005 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://czrk.onego.ru/info/analiz.html.
8. В 2005 г. более 50 % продукции, произведенной в Республике Карелия, направлено на экспорт, объем которого к уровню 1992 г. возрос в 6 раз и составил 1044,9 млн. долларов США.
9. Доклад Главы Республики Карелия «О положении в республике, выполнении государственных программ, осуществлении внутренней политики и внешних связей Республики Карелия (итоги 2005 года и 2002–2005 годов) / Карелиястат. Петрозаводск, 2006. С. 121–122.
10. Экспресс-информация о деятельности Управления ФГСЗН по Республике Карелия за 2005 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://czrk.onego.ru/info/analiz.html.
11. Среднемесячная начисленная заработная плата в январе–июне 2005 года по регионам РФ // Экономика и жизнь. 2005. № 27. С. 40.
12. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2005 году // Российская газета. 2006. № 60. С. 10.
13. Доклад Главы Республики Карелия «О положении в республике, выполнении государственных программ, осуществлении внутренней политики и внешних связей Республики Карелия (итоги 2005 года и 2002–2005 годов) / Карелиястат. Петрозаводск. 2006. С. 108.
14. Труд и занятость в Карелии: Стат. сб. / Карелиястат. Петрозаводск, 2006. С. 7.
15. Социальная сфера Республики Карелия: Стат. сб. / Карелиястат. Петрозаводск, 2006. С. 26–27
16. Тенденции на рынке труда Республики Карелия. 2004: Аналитическая записка / Карелиястат. Петрозаводск, 2004.
17. Труд и занятость в Карелии: Стат. сб. / Карелиястат. Петрозаводск, 2006. С. 20.
18. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

ХРОНИКА

■ 11–12 марта 2008 года состоялась ПЕРВАЯ конференция аспирантов, соискателей и молодых преподавателей факультетов общественных наук ПетрГУ «Актуальные проблемы общественных наук в современной России».

На круглом столе «Актуальные проблемы и тенденции современного развития России» выступили ректор ПетрГУ, профессор А. В. Воронин; декан факультета политических и социальных наук, профессор В. С. Максимова; заместитель кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ, член Президиума Академии политической науки, доктор политических наук, профессор Л. Н. Тимофеева; зав. отделом исследований социально-экономических систем и их институциональных преобразований Института экономики Карельского научного центра РАН, доктор экономических наук, старший научный сотрудник Т. В. Морозова; декан экономического факультета ПетрГУ, доктор экономических наук, профессор В. Б. Акулов; профессор кафедры экономической теории и финансов экономического факультета А. С. Ревайкин и др. Конференция проходила по следующим секциям:

- «Современные тенденции политического развития России»
- «Современные тенденции общественного развития России»
- «Современные и актуальные проблемы истории»
- «Экономика России в XXI веке»
- «Проблемы и тенденции современного правового развития России».

■ 15–16 апреля 2008 года в Петрозаводске проходила IV научная конференция «Исторические чтения на ул. Андропова, 5», организованная Управлением ФСБ России по Республике Карелия и историческим факультетом ПетрГУ.

Конференции, посвященные вопросам становления, развития и деятельности отечественных специальных служб и правоохранительных органов, проводятся с 2001 года и стали традиционными. Проведение IV конференции было приурочено к юбилейной дате – 19 апреля исполнилось 90 лет со дня образования органов безопасности на территории Республики Карелия. В работе конференции приняли участие сотрудники и ветераны органов безопасности, ученые и специалисты из Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Пскова, Сыктывкара. Во многих докладах отражены вопросы деятельности органов безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Так, доктор исторических наук, профессор Б. А. Старков (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов) посвятил свое выступление радиоиграм ленинградских чекистов с противником в 1942–1943 гг. В докладах кандидата исторических наук, доцента С. Г. Веригина и кандидата исторических наук О. И. Кулагина (ПетрГУ) дана оценка деятельности 4-го (разведывательно-диверсионного) отдела НКВД–НКГБ Карело-Финской ССР и роли органов безопасности в организации партизанского движения на Карельском фронте. Кандидат исторических наук Э. П. Лайдинен (ПетрГУ) рассказал о малоизвестных операциях финской и германской разведок против СССР в 1941–1944 гг.

Доклады К. Ф. Белоусова (Управление ФСБ РФ по РК), Д. В. Макарова (аспирант ПетрГУ) раскрывают различные аспекты оперативно-разыскной деятельности Олонецкого губернского жандармского управления в XIX–XX вв. В выступлении доктора исторических наук А. В. Седунова (Псковский филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ) раскрыты особенности борьбы чрезвычайных органов Советской республики с преступностью в 1918 году. Работа органов безопасности СССР в 70–80-ые годы представлена в докладе доцента О. А. Киселевой «Трудовая дисциплина и государственная безопасность».

■ 21–26 мая 2008 года кафедра истории стран Северной Европы ПетрГУ провела международную научную конференцию «North American Finns in Soviet Karelia in 1930s».

В конференции приняли участие исследователи из Канады, США, Финляндии, Швеции и России. Конференция подвела итоги двух научно-исследовательских проектов, посвященных истории пребывания в Советской Карелии 1920–30-х годов финнов-иммигрантов из США и Канады.

Международный канадско-финляндско-российский проект «Missing in Karelia: Canadian Victims of Stalin's Purges» стартовал в 2006 году. Главной его целью является сбор информации о деятельности и судьбах финнов, приехавших в Карелию из Канады в начале 1930-х годов, а также создание одноименного веб-сайта. Руководителем проекта является профессор Йорк университета (Торонто, Канада) Варпу Линдстрём, со-руководители с финляндской и российской – доктор Марку Кангаспуро, Александровский институт университета Хельсинки и доцент ПетрГУ Ирина Такала.

Научно-исследовательский проект «Североамериканские финны в Советской Карелии в 1920–50-е гг.» (2007–2008, РГНФ № 07-01-

42104а/С, руководитель И. Р. Такала) посвящен исследованию вопросов, связанных с пребыванием всех североамериканских финнов в Советской Карелии, их влиянием на культурное, экономическое, социальное развитие автономной, а позднее союзной республики. Вопросы эти не получили достаточного освещения в современной историографии. Остаются неизвестными и судьбы сотен переселенцев, многие из которых стали жертвами политических репрессий и этнических чисток конца 1930-х годов.

Несколько докладов посвящены различным аспектам такого интересного феномена как «Карельская лихорадка» в США и Канаде первой половины 1930-х годов (профессора Петер Кивисто, Августана колледж, США; Уильям Пратт, университет Небраски, Омаха; Алексис Погорельскин, университет Миннесоты, Дулут). Доклады наших финляндских коллег были посвящены сравнительному изучению иммигрантов из Финляндии и Северной Америки в Советской Карелии и вопросам, связанным с отношением к массовой эмиграции в финляндском обществе 1930-х годов (профессора Ауво Костиайнен, университет Турку, Тимо Вихавайнен, университет Хельсинки, доктор Марку Кангаспуро).

На конференции много внимания уделено анализу различных источников, обнаруженных участниками обоих проектов. Так, российскими исследователями в ходе работы с материалами Национального архива Республики Карелия выявлены уникальные документы, которые до сих пор не известны не только широкой общественности, но и специалистам. Анализ этих материалов позволяет лучше понять и оценить влияние финского фактора на развитие многонациональной приграничной республики, особенности национальной политики московского руководства в регионе и карельского правительства, специфику межнационального диалога в Карелии в 1930–50-е годы.

Участники конференции познакомились с сайтом «Missing in Karelia», созданным нашими канадскими коллегами, а также с электронной информационной системой о североамериканских финнах в Карелии, которая создана сотрудниками ПетрГУ.

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII–XX ВЕКОВ: ЦИТАТА, РЕМИНИСЦЕНЦИЯ, МОТИВ, СЮЖЕТ, ЖАНР»

16–18 июня 2008 года
Петрозаводский государственный университет

Задача конференции – продолжить коллективную работу по разработке новой концепции русской литературы. Материалы предыдущих конференций опубликованы в четырех выпусках сборников научных трудов «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (Петрозаводск, 1994, 1998, 2001, 2004), пятый том выйдет.

Предлагается обсудить следующие проблемы:

- Христианство и русская литература
- Православие и категории русской культуры
- Евангельские традиции в русской прозе и поэзии
- Русский Христос: национальный образ Спасителя в русском искусстве и литературе
- Русские писатели и Евангелие
- Эстетическое христианство в русской литературе рубежа веков
- Европейские споры о Христе и их русские отражения
- Христос и Антихрист
- Модернизм, христианство и антихристианство в русской литературе
- Христианская символика в русской литературе: символы имени, места и времени
- Рождественские и пасхальные рассказы
- Евангельские жанры русской литературы: притча, молитва, житие и др.

Оргкомитет конференции:
Петрозаводский государственный университет.
Филологический факультет, Кафедра русской литературы

185910 Петрозаводск, пр. Ленина, 33
Тел.: (8142) 71-10-54, 71-10-50, 71-96-09. Факс: (8142) 71-10-00
E-mail: kunilsky@psu.karelia.ru, http://www.philolog.ru

XVI КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

9–12 сентября 2008 года
Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Архангельск)

Конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии проводятся регулярно, раз в три года, начиная с 1963 года. Организаторами конференций, являющихся крупнейшим всероссийским научным форумом, на котором представляются новейшие результаты исследований в области скандинавистики, выступают институты Академии наук совместно с ведущими вузами страны. В этом году организаторами конференции являются Институт Всеобщей истории РАН, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова и Петрозаводский государственный университет.

СЕКЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ:

- История XX века
- Новая история, XVII–начало XX века
- Средние века и раннее новое время
- Археология и этнология
- Экономика и право
- Литературоведение
- Культура и искусство
- Скандинавские и прибалтийско-финские языки: вопросы диахронии и исторической поэтики текстов
- Современные скандинавские и финский языки

Кроме того, в рамках конференции будут проведены **круглые столы и семинары**:

- Финляндия в системе международных отношений в XVII–XXI веках
- 15-летие Баренцева Евро-арктического региона и 10-летие политики «Северного измерения ЕС: опыт сотрудничества и перспективы развития. Проблемы безопасности на Севере Европы в условиях глобализации и регионализации»
- Гендерные аспекты социокультурного развития североевропейских стран.

В рамках конференции также будет проведена **III методологическая школа молодых историков-скандинавистов**.

Оргкомитет конференции:

Комаров Алексей Алексеевич, ИВИ РАН, Москва
E-mail: Nordic.studies@mtu-net.ru

Подоплекин Андрей Олегович,
Поморский государственный университет им. Ломоносова
E-mail: Otdel.proektov@pomorsu.ru

Веригин Сергей Геннадьевич,
Петрозаводский государственный университет
E-mail: verigin@psu.karelia.ru

Аринина Любовь Олеговна
Петрозаводский государственный университет
E-mail: recenter@psu.karelia.ru

Телефоны: (8142) 71-10-74, 71-96-14

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – 5-6 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – 3 страницы. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое - 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал - название статьи жирным шрифтом заглавными буквами. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и (или) контактные телефоны). Аннотация (объемом не более 6 строк) на русском и английском языках, перед ней название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на 2-х языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Нумерация – сплошная арабскими цифрами. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе, каждый источник – с новой строки под порядковым номером по мере цитирования, не в алфавитном порядке. В списке должны быть обязательно приведены: по книгам – фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, полное название книги, место издания, издательство, год издания, страницы (от и до или количество). В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и с заглавной буквы указывают, на соискание какой степени защищена диссертация и в какой области науки, место издания, год, страницы.

С правилами оформления работ также можно ознакомиться на сайте журнала http://uchzap.petrsu.ru

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc).тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg, .gif и т.п.), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок (их не должно быть более 5-6) должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению, не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

STATE AND LAW

S. G. Chernov
NATURAL AND POSITIVE LAW ON SELF-RESTRICTION OF STATE POWER
Summary: Fundamental issue of the constitutional law is the theory of constitutionalism, rule of law and civil order. This problem reflects the actual status of observance, execution and application of legal norms. Constitutionalism is a rule, restricted by the Constitution, basing on the constitutional methods. Constitutionalism is a lofty ideal which every society should strive for in its development.
Key words: natural law, positive law, personality, natural law theory, morality, philosophy of law, correlation between law and state power. **7**

O. Yu. Kolesnikova
THE PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS of ARBITRATION MANAGING DIRECTORS
Summary: The institute of the arbitration managing director, which has been started in pre-revolutionary times, is being actively developed in a modern society. However, a number of law and regulation norms for the arbitration managing director at the present stage hinders the effective performance of an arbitration managing director.
Key words: the arbitration managing director, problems of efficiency of activity of the arbitration managing director at carrying out of separate procedures of an inconsistency (bankruptcy)..... **18**

A. A. Larichev
THE ADMINISTRATIVE REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPTUAL AND LEGAL FRAMEWORK AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION
Summary: The administrative reform (reform of the executive power) in Russia is a top priority transformation process, which is being implemented with a goal of social and economic development and strengthening of constitutional order of Russian Federation. Unfortunately, today this reform is undermined by several practical and conceptual problems, requiring immediate resolution.
Key words: administrative reform, institutional and functional elements, state functions and services. **22**

T. Yu. Olenina
THE CONCEPT OF ADMINISTRATIVE-LEGAL STATUS OF THE INSTITUTION OF BASIC VOCATIONAL EDUCATION AND EDUCATIONAL LEGISLATION IN THE AREA OF BASIC VOCATIONAL EDUCATION
Summary: The determination of administrative-law status of the basic vocational education school is formulated for the first time. The legislation of the basic vocational education in Russia is analyzed. The recommendations regarding the adoption of laws in the sphere of the basic vocational education is also given.
Key words: the basic vocational education school, administrative-law status, the legislation of the basic vocational education..... **27**

HISTORY

S. G. Verigin
THE ACTIVITIES OF PEOPLE'S COMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS (NKVD-NKGB) OF THE KARELIAN-FINNISH SOVIET SOCIALST REPUBLIC (KFSSR) ON INTELLIGENCE-DIVERSINARY ARRANGEMENT AT THE REAR SERVICES OF THE FINNISH TROOPS IN 1941–1944
Summary: The paper is focused on the struggle of People's Commissariat of Internal Affairs of the Karelian Finnish Soviet Socialist Republic (NKVD-NKGB of KFSSR) against the Finnish troops during the Great Patriotic war. The analysis was made on the basis of the wide range of the archival documents most of which became available only in 1990s. Special attention is paid to the issue of training intelligence and diversionary groups of IV Department of NKVD-NKGB KFSSR on the territory of Soviet Karelia occupied by the Finnish troops.
Key words: the Great Patriotic war, occupation regime, People's Commissariat of Internal Affairs of the Karelian Finnish Soviet Socialist Republic (NKVD-NKGB of KFSSR), intelligence and diversionary activity, secret service, Intelligence schools, radio games **31**

M. I. Batser
AGRCULTURAL COOPERATION IN KARELIA IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY
Summary: The facts proving that the church relied upon the support of the authorities and kept dominating position in the society, using wide privileges are covered. The author states that in Petrozavodsk district the church was aimed at saving relics of the past for the future generations. The clerical circles reaction upon the largest historical events at the beginning of the XX century has also been analyzed in the article.
Key words: Clergy, Orthodoxy, Old Believers, Church **43**

E. V. Dianova
THE OLONETS EPARCHY AT THE LATE XIX CENTURY AND EARLY XX CENTURY
Summary: The article is devoted to the development of agricultural cooperation in Karelia in the first third of the XX century. The various processes of peasants' cooperation in the thirties of XX century until the revolution of the 1917 and during the period of new economic policy are covered.
Key words: cooperation, agricultural commune, new economic policy, Karelia **52**

A. N. Fedorov
THE PROBLEMS OF EVERYDAY LIFE OF A SOVIET CITY VIEWED FROM SANITARY POINT OF VIEW AT THE SECOND DECADE OF THE LAST CENTURY
Summary: The study of different aspects of Soviet everyday life remains very important. In this article the author tackles upon some problems of city's everyday life during the years of the revolution of 1917–1918 and its immediate sequences. The inner atmosphere of this city was permeated by mutual hostility, indifference, distrust. The only idea of common people was to receive their livelihood. The article pays special attention to the living conditions of soviet citizens.
Key words: the everyday life history, the material exist conditions, the anthropology of the city **64**

SOCIOLOGY. PHILOSOPHY

V. M. Nilov
THE SOCIOLOGY OF HEALTH: STATUS PROBLEM AND REGIONAL DEVELOPMENT
Summary: The important problems of a new branch of the sociological discipline – the sociology of health – in the regions of Russia are discussed. The basic stages of sociological studies of the population health in the Republic of Karelia are covered. The results of empirical studies of the population health of various ethnic groups are submitted.
Key words: the sociology of health, the sociology of medicine, sociological studies, social health factors, regional peculiarities of the population health **70**

V. M. Pivoev
HENRI BERGSON AND «PHYLOSOPHY OF LIFE»
Summary: The ideas of a great French philosopher H. Bergson had a big influence on the world's philosophy and culture. But due to historical reasons these ideas were not sufficiently assimilated in Russia. The article gives proof of the necessity of the attentive studying and solving the problems, put forward by H. Bergson. The author continues to pursue these problems.
Key words: creative evolution, instinct, intellect, life, freedom, liberty, laugh, irrationality, intuition, mystique, cognition, spiritual substance **77**

A. M. Sergeyev
THE "ROYAL SEAT": SUPPLEMENTING AND COMPLEMENTING THE VISIBLE
Summary: This article is an attempt at a philosophical investigation of the problems connected with how and what we see. As the author sets out his solution of the problem, he provides a detailed analysis of the process and the stages of the observation procedure, the structure and modification of the continuum of the visible, as well as considering a number of aspects connected with organizing the horizon of visual perception. The problems under investigation are viewed from the perspectives of philosophical anthropology and metaphysics. The author's approach to this problem makes it possible to consider a number of questions relating to the history and current state of modern European philosophy.
Key words: "Royal seat", 'external' observation procedure, reflection, transcendental subject, 'God's death' ("God is dead"), 'state of affairs', concept, model **86**

A. V. Volkov
LINGUISTIC TURN IN THE XX CENTURY PHILOSOPHY AND THE METHODOLOGY OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES
Summary: The article sets the task of describing one of the main tendencies in contemporary philosophy – the orientation to linguistic and language both as a research subject and method. The main ideas of hermeneutic, analytic philosophy, structuralism and poststructuralism are briefly analyzed in the article. The main argument of the article suggests that the contemporary philosophical reflection on language and the methodology of social sciences and humanities have common background.
Key words: philosophy, language, social sciences and humanities, methodology, meaning, sense, mind **92**

PHILOLOGY

E. M. Neelov
GENRE SPECIFICITY OF FANTASTIC LITERATURE
Summary: The article deals with the issue of general literary and genre-caused fabulousness in the Russian literature. Science fiction, literary fairy tale, and fantasy are viewed as common genre system. The dominant features of the above-mentioned fantastic genres are described.
Key words: fantasy, fairy tale, genre **100**

L V. Savelyeva
POETIC IDIOSTYLE OF MIKHAIL KUZMIN, THE COMPOSER
Summary: The organizing role of music in lyrical idiostyle of the poet-composer M. Kuzmin is covered in the article. The evidence of genre and composition analogy with musical forms (like denoted by the author the subtitle sonatina in the minicycle "The English Pictures") is presented. The structural-musical type of the poet's mastership is proved on the basis of stylistic category of color designation.
Key words: M. Kuzmin, idiostyle, stylistic category, color designation, musical genre, tone vision, musical form **106**

Z. K. Tarlanov
THE PROCESS OF GLOBALIZATION AND MODERN LIBERAL ARTS (Notes in the margin)
Summary: The crisis phenomena in modern liberal arts against the common historical background during the process of globalization are considered. The condition of social interests, the status of education and science in a modern society and state are covered.
Key words: liberal arts, development, liberal culture, globalization, crisis, scientific traditions, linguistics **112**

N. V. Patroyeva
THE PROBLEMS OF TYPOLOGY OF SYNTACTIC LINKS
Summary: The various approaches to the description of syntactical links, being different by their character from the binary opposition "co-ordination - subordination" and distinct on the level of the so called "complicated sentence" (with isolated turn of speech, explanatory and conjunctive constructions, parenthesis, address, segmentation) are analyzed in the article.
Key words: syntactical link, co-ordination, subordination, parenthesis **118**

ECONOMICS

V. B Akulov
GLOBALIZATION AND DEVELOPMENT OF ECONOMIC AREAS OF THE NORTH (GENERAL APPROACH)
Summary: This article offers an attempt to determine a general approach to the analysis of processes taking place in the economy of the North under globalization process. The undergoing changes are believed to affect the basic foundations of the transition economy. A greater role of comparative costs, which makes the North quite competitive in regard to other areas is covered.
Key words: globalization, scarce resources, rental character of economic relations, actual and comparative costs. **122**

M. N. Rudakov
THE KARELIAN LABOR MARKET: SOME OF THE EMPOLYMENT PROBLEMS
Summary: The object of research is the regional labor market changes. Development of a private sector of economy has caused the growth of economic activity of the population and inter-branch structural changes of employment. However, the increase of an educational level is not being accompanied by adequate changes of vocational structure of employment. The high inter-company mobility of employees and hiring risks cause the discrepancy and latency of labor market relations.
Key words: labor market, employment, unemployment, labor, labor migration, mobility of workers, vocational structure, latency labor attitudes **127**

Scientific information **134**
General information for journal's authors **137**